

ПИОНЕР

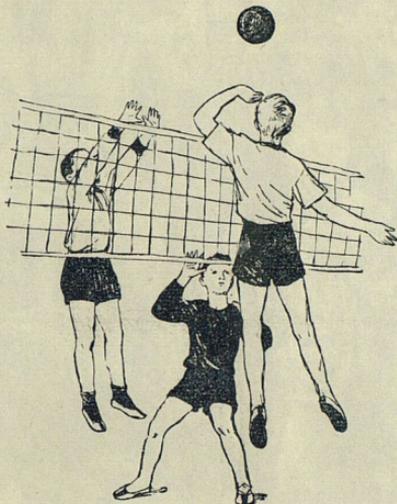
В ПОХОДЕ.

Фотоэтиюд А. Гличёва

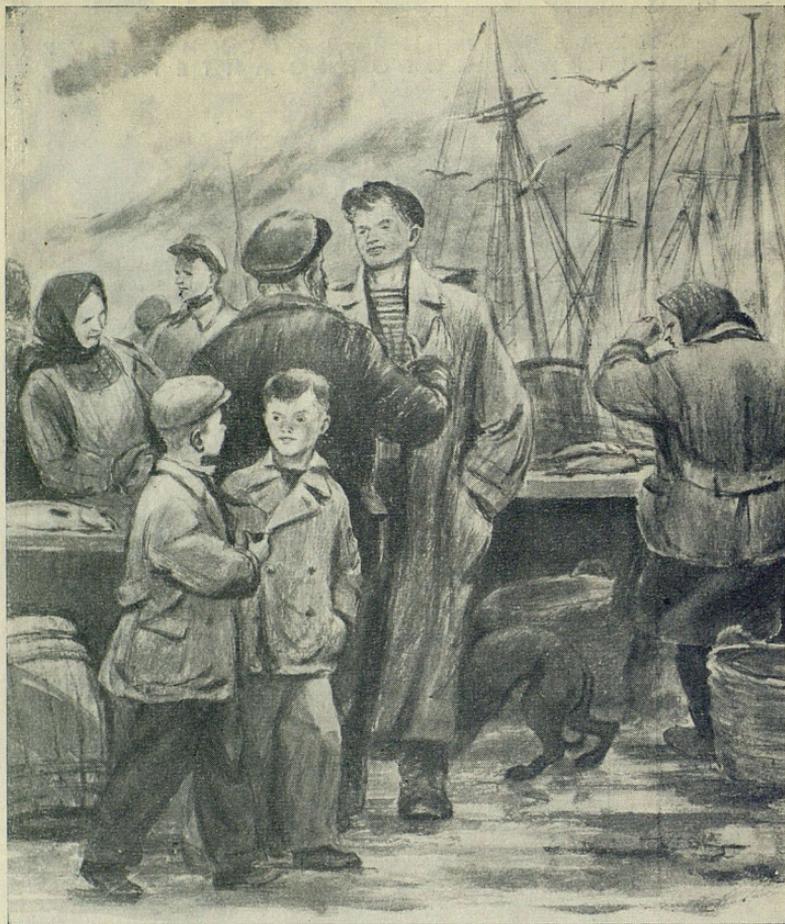
ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 8 август 1952 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПОСЛЕ ШТОРМА

А. Шманкевич

Рисунки Ф. Лемкуля

Десятый, одиннадцатый, пятнадцатый, шестнадцатый день гнал ветер от северо-востока табуны волн через пролив. Волны с хода штурмовали скалистые обрывы Камыш-Буруна, хлестали о гранит набе-

режной у подошвы горы Митридат, обрушивались на остатки затопленного в центре бухты парохода, пытались сорвать в порту с якорей все суда и судёнышки рыбацкого флота.

«Тюлькин флот» отставивался в бухте, и сейнеры, переваливаясь с борта на борт, с кормы на нос, чертили в небе клотиками какие-то замысловатые фигуры. Все капитаны вот уже полмесяца заносили в вахтенные журналы одну и ту же унылую фразу: «Ветер норд-ост. 9 баллов. Выход в море запрещён».

На берегу, у немногочисленного в эти дни рыбного базара, рядом с цементными столбиками рыбаки раскладывали огромные кошельковые неводы, в который раз проверяя их, чинили, перешивали. И по тому, как медленно, нехотя они это делали, сразу видно было: работают они, только лишь бы не болтаться без дела, лишь бы время убить. Неводы уже давно были готовы к лову.

Работали все молча, молча поглядывали на море, молча курили, пряча в кулаки самокрутки, чтобы ветер не наделал беды, не пожёг сети.

— Загорают рыбачки... Можно подумать, что шторм их и не касается! — возмущался Валентин. — Ты посмотри вон на того, Сергей: улёгся в затишке на невод и храпит, как дельфин...

— А ты слышал, как дельфины храпят? — сказал Сергей так, лишь бы ответить что-нибудь другу. — Дельфины фыркают... Да черт ты к нему прицепился! Пускай себе спит, пока можно. Вот в море пойдут, там спать будет некогда... Спали бы они, как же, если бы не ветер! Этому рыбаку, небось, и во сне снится, как рыба уходит через пролив.

Точно подтверждая это, молодой рыбак приподнялся на локте и посмотрел на пролив.

— Дуешь? — спросил он, зябко поёживаясь. — Ну, дуй, дуй. Может, лопнешь. Сквозь шум ветра донёсся рокот самолёта. Старый рыбак, перебивавший сеть, посмотрел вслед самолёту.

— Вон начальство полетело в небесную канцелярию погоду хлопотать... — сказал он без улыбки, запрокидывая голову.

Ребята посмотрели на самолёт, набравший высоту над проливом.

— Даром только горючее изводят, — продолжал рыбак. — Всё равно в таком котле ничего не увидишь. А если и найдёшь косяк, так как ты его возьмёшь при волне? Вот если бы с самолёта можно было его неводкой обсыпаться...

Неожиданно он набросился на ребят:

— А вы чего тут топчетесь? Небось, в

школу надо, а они по базарам разгуливают!

— Мешаем мы вам, что ли? — начал было Валентин, но Сергей взял его за руку и повёл от неводов.

— Идём... Видишь, злятся люди из-за погоды: план у них срывается. Проскочит хамса через пролив, — догоняй её потом под Анапой или под самым Новороссийском...

— Ладно, идём. К нам пойдём. Так уж и быть, покажу, — усмехнулся чему-то Валентин.

— Что покажешь?

— Там увидишь... Хотел один номер разыграть, да из-за погоды терпение лопается. Характера не хватает.

Они пересекли базар, сквер и по крутой улочке стали подниматься на Митридат. Валентин жил недалеко от лестницы, что вела на вершину горы, к белому трёхгранному обелиску — памятнику воинам, погибшим в Великой Отечественной войне.

Окно комнаты Валентина выходило на залив. Отсюда видны были все портовые постройки, все корабли, стоявшие, входившие и выходившие из порта. В синеватой дымке можно было различить кубанские берега пролива, Среднюю косу и знаменитую косу Чушку. Сама коса виднелась еле заметной тёмной полоской, зато молодой городок на ней виден был отлично. Казалось, что белые домики стояли прямо на воде, среди пролива.

Всё это Сергей видел каждый день и всё же не мог удержаться, чтобы ещё раз не посмотреть на знакомую картину отсюда, с высоты. Кроме того, сегодня смотреть в окно заставил его Валентин, возившийся с чем-то за спиной Сергея.

— Не смей поворачиваться, пока не скажу! — приказал он.

— И долго?

— Команда будет дана своевременно или несколько позже... Можешь пока подсчитать, сколько волн разбивается в минуту о мол. Ты у нас специалист по этой части.

— Тебе это очень нужно знать?

— Просто необходимо. Хочу написать книгу «Как дожидаться у моря погоды, имея на руках вот такое вооружение». Да повернись же ты, наконец!

Не в характере Сергея было шумно выражать свои чувства, но тут он не выдержал.

— Ух ты!.. — вырвалось у него.

Валентин держал в руках совершенство рыболовно-любительской техники — две складные бамбуковые удочки исключительной стройности и красоты.

— Хотел я с ними заявиться на мол и удивить всех, но сколько можно ждать? Он, может быть, ещё две недели будет дуть, а я терпи?

— Да... Тут бы и я не вытерпел, — засмеялся Сергей и осторожно взял одну удочку, точно боялся раздавить её в пальцах. — А леска-то!

— Московская! У нас её жилкой называют, а в Москве сатурном. Тут на каждую по двадцать метров. Толщина пол-миллиметра, а крепость!.. Да ты сам попробуй. Пробуй, пробуй, не бойся, рви!

Сергей попробовал: леска врзалась в тело, но не рвалась.

— Хоть катран цепляйся, выдержит! На сколько крючков думаешь оснастить?

— Да хоть десять, выдержит! Но я думаю, и пяти хватит. А это вот — приложение...

Валентин раскрыл круглую коробочку: в ней лежали крючки и грузила всевозможных форм и размеров.

— Теперь к Афоне бежать не буду, своего полно, — покраснел Валентин.

— Да, привалило тебе богатство, — без зависти отметил Сергей. — Прямо глаза разбегаются. Куда теперь мне со своим дручком гоняться за тобой!

— Считаю, что и тебе привалило. Не буду же я сразу на две удочки ловить! Так и папе заказывал, чтобы две привёз... Давай-ка, будем крючки вязать, ты в этом деле мастер. Вот это тебе... Запасные... — Валентин высыпал на бумажку половину крючков, завернул их и сунул пакетик в карман приятелю.

Сергей принялся за дело со свойственной ему аккуратностью. Он отрезал пять ровных поводков, привязал их к леске двойным узлом, узлы затянул намертво. Так же намертво прикрепит особым узлом, «восемёркой», все пять крючков. Валентин копировал каждое его движение. Но всё же Сергею пришлось отобрать у Валентина его удочку и всё переделать по-своему.

— Жаль, что пропадёт ещё одно восресенье, — вздохнул Валентин. — Засели бы мы завтра с тобой на молу на целый день...

— Да... Не везёт. Ты-то ещё молодой рыбачок, только начал ловить, а я даже не помню себя без удочки. Отец расска-

зывает, что уже четырёх лет я домой так-скал бычков... Что ты так смотришь? Не веришь?

— Постой, постой, Серёжка! Ты посмотри в окно! — шёпотом сказал Валентин и на цыпочках направился к окну.

Ничего не понимая, Сергей подошёл к товарищу.

— Что? — тоже шёпотом спросил он.

— На море посмотри!

Сергей взглянул и сразу всё понял: шторм утихал!

По проливу ещё бежали белогривые волны, но уже не сплошной чередой, а с разрывами, точно так, как пробегают обрывки туч по небу после ненастья. Деревья в сквере уже не кланялись так низко Митридату, как кланялись они час назад. Ожил порт: рыбаки торопливо укладывали невода на баркасы, переправляли их на сейнеры, а один сейнер, перелетая с волны на волну, уже выходил в пролив.

— Наш, крымчак, — уверенно сказал Валентин.

— А может, новороссиец, Джевага, — возразил Сергей. — Это такой бригадир, что и в шторм ушёл бы, если бы не портнадзор... Горячий бригадир! А я, знаешь, ещё когда на самолёт смотрел, подумал: недаром полетел. Сводку, наверно, получили... Ну, теперь держись, Валечка! Завалят рыбой...

— А не махнуть ли нам сегодня на мол? — предложил Валентин.

— Что ты! Смотри, какая волна! Да и рыбы ещё не будет. На глубине ещё вся... Зато завтра уж мы отведём душу. Можешь смело брать самую большую корзину, какая только есть в доме.

— Найдётся! Была бы рыба, тара будет!

— Была бы тара, рыба найдётся!

Они сговорились встретиться завтра в шесть часов на рыбном базаре.

— Я даже раньше приду, — заявил Валентин.

— Ну, если придёшь раньше, купи живики... Да, ещё вот что: уроки делаем сегодня, тогда завтра будем сидеть сколько угодно. Есть?

— Конечно!

* * *

Никогда ещё не сидел Валентин так долго за уроками, как в этот вечер. Он точно разучился понимать самые простые вещи. Его всё время тянуло к окну, тянуло взглянуть на море. Он несколько раз

Пришла погода, и порт сразу зажил деловой жизнью.

составлял удочки и любовался их стройностью, делая «подсечки», одним словом, «играл в удочки», как говорила мама.

— Вот это удочки! Это, я понимаю, удочки!.. — приговаривал он.

Когда мама в последний раз и «совершенно категорически» потребовала, чтобы Валентин потушил свет, выяснилось, что история и география остались невыученными.

«Ладно, — решил Валентин. — Завтра выучу».

Он погасил свет, но ещё долго не мог уснуть, ещё долго прислушивался, не шумит ли ветер за окном. За окном шумел город. Но и этот шум постепенно утихал. Одинокий рокот мотора, доносившийся из бухты, казался неестественно громким.

* * *

Если бы будильник мог звонить беспрерывно в течение получаса, в обычный день Валентин продолжал бы спать так же безмятежно, как и без будильника. Будильник существовал в доме, чтобы будить мать, отца, Жучку и Мурку, но не ученика седьмого класса «А» Валентина Козырева. Однако в это воскресенье Ва-

лентин проснулся при первом же прикосновении молоточка будильника к чашечке звонка. Всё у него было подготовлено ещё с вечера. Он оделся по-солдатски быстро, схватил удочки, бельевую корзину и тихонько вышел из дому. Уже по дороге он обнаружил в корзине свёрток с едой.

Утро было такое тихое, что вылетавшие из трубы моторного катера кольца дыма летели прямо в безоблачное небо и долго там не таяли. Слышно было всё, что делается в самых отдалённых уголках порта: стонала лебёдка на самоходной барже, грохала о борт якорная цепь на буксире, кто-то на берегу кричал: «На «Чирусе»! Давай ялик!» На судоремонтном стучали пневматические молотки, стучали так громко, точно в той стороне автоматчики вели ожесточённый бой.

Пришла погода, и порт сразу зажил деловой жизнью.

У причалов рыбзаводов Валентин увидел целые вереницы сейнеров. Некоторые из них уже отшвартовывались. Шла разгрузка.

«Теперь пойдёт! — отметил про себя Валентин. — Теперь только успевай поворачиваться...»

С рассветом к базару потянулся народ. На кафельных крышках бетонных столиков появилась всевозможная рыба: свежая, солёная, вяленая, копчёная, азовская и черноморская. От нечего делать, поджидая Сергея, Валентин пошёл по рядам, прицениваясь к селёдке, скумбрии, барабульке, к распластанным камбалам, вяленым рыбам и кефали. На одном из столиков торговка раскладывала на кучки свежую крупную хамсу.

— По рублюю кучка! По рублюю!.. — выкрикивала она.

— Ловкая! — усмехнулся Валентин. — Уже раздобыла где-то.

Он тут же подумал, что сегодня у них дома будет тушёнка. У керчан тушёная хамса пользуется большой популярностью, и, пожалуй, нет такого дома, где бы во время путины не готовилось это блюдо.

На одном из крайних столиков Валентин нашёл то, что ему было нужно, — наживку. Рыжебородый старик в брезентовом плаще торговал рачками и мелкой рыбёшкой — песчанкой.

— Почему рачки? — спросил деловито Валентин.

— Два рубля стакан... — пробасил старик.

— Почему два, когда пара три продают?

— Ну и покупай у тех, кто пара три продаёт, — равнодушно ответил старик. — Прыткий какой нашёлся: два стакана за три рубля ему подавай!.. Пойди, попробуй налови рачка после шторма, тогда и узнаешь!

Кроме старика, никто наживкой не торговал; пришлось Валентину заплатить пять рублей за два стакана рачков и стакан песчанки.

— Оправдаешь свою пятёрку! — ворчал старик. — После погоды так будет брать, что живо на четвертной натаскаешь.

— Да я не собираюсь продавать рыбу! — возмутился Валентин.

— Знаем мы вашего брата, — беззлобно продолжал старик, — к обеду целые горы навалите бычка на столы...

Валентин не стал с ним спорить и пошёл к берегу. Его уже начинало злить, что Сергей так задерживается. Мимо базара на мол прошло уже не меньше пятнадцати человек с удочками. Большинство из них было не любителями-удильщиками, а «промышленниками». Они ло-

вили рыбу и тут же, на молу, продавали её предпринчивым тётушкам.

— Да что он, в самом деле? Хочет, чтобы там все места хорошие заняли? — злился Валентин, оглядывая пёструю толпу, прислушиваясь к базарной разногласнице. — Жду ещё пять минут и ухожу...

Но прождал он и пятнадцать минут, а Сергея всё не было.

— Всё! — сказал он вслух и двинулся к порту, но тут же услышал голос товарища.

— Ну что это такое, Сергей? Где ты пропадаешь? Проспали всё на свете! — набросился он на Сергея. — Там «промышленники» уже все места заняли!

— Пускай занимают, — спокойно сказал Сергей.

— Как это пускай?!

— А так! Отменяется наша рыбалка.

— Что? — опешил Валентин. — Почему отменяется?

— Дело есть срочное. Ночью со ставных неводов на рыбзавод привезли хамсу пополам с барабулькой...

— А мы-то здесь при чём?

— А мы всем отрядом идём на выручку. Будем сортировать рыбу прямо на транспортёре. Относи домой удочки и бегом на рыбзавод. Все ребята уже знают.

У Валентина комок подступил к горлу: до того показалось обидным всё это.

— Значит, даром ждали? Даром готовились?

— Не даром. После обеда пойдём ловить.

— Много ты после обеда наловишь! — проворчал Валентин.

— А нам много и не надо. Мы не «промышленники». Десяток каждый поймает — и то уха. Ну, я побежал... Бригадир, как-никак. И ты не задерживайся.

— Не пойду я, — вдруг решительно заявил Валентин.

Сергей как будто не понял, что он сказал.

— Не пойду, да и всё!.. — начал кричать Валентин. — Каждый раз назначается что-нибудь в воскресенье. Учишься, учишься, и отдохнуть тебе не дают... Не пойду, вот и всё!

— Что ты врёшь? — не выдержал Сергей и тоже повысил голос. — Можешь не приходить, а врать нечего! Все воскресенье у нас были свободными. Вообще насильно тащить тебя никто не будет... — И, махнув рукой, Сергей бросился бежать, лавируя между столиками.

Валентин проводил его глазами, повернулся и зашагал в противоположную сторону, в порт.

Рыбаков на молу было уже много. На самых «уловистых» местах сидели «промышленники». Ещё издали Валентин определил, что рыбака сегодня была отменной: рыболовы то и дело перебрасывали удочки, выхватывая из воды целые грозди бычков. Видно, во время шторма рыба изрядно проголодалась: не успевали крючки с наживкой опускаться на дно, как надо было подсекать и вытаскивать рыбу.

На самом повороте, где мол заворачивал влево, отгораживая бухту от залива, Валентин увидел Афоню, одного из самых закоренелых «промышленников». Возраста он был неопределённого. Некоторые считали его дурачком, а другие говорили, что Афоня прикидывается глупеньким, ищет в этом выгоду. Афоню знали все рыболовы — взрослые и ребята. Когда кому-либо надо было срочно добыть леску или крючок, когда нехватало наживки, бежали к Афоне. Тот никогда никому ни в чём не отказывал, но при этом не забывал и про свой «интерес». Цену он назначал смотря по обстановке: при хорошем клёве «товар» у него поднимался в цене, при плохом Афоня уступал «по дружбе».

Валентину случалось пользоваться услугами Афони; он даже был должен ему три рубля. Деньг, чтобы отдать долг, у Валентина и сейчас не было, но он смело направился к «промышленнику».

— Здравствуй, Афоня!

— Здорово! — Афоня на минутку оторвался от удочки. — А, Валька! За наживкой пришёл или за крючками?

— Крючков у меня теперь на год хватит, а наживку я на базаре купил; — ответил Валентин, но тут же спохватился: — Я не знал, что ты здесь, а то бы у тебя взял.

— Слыхали: он не знал! — возмутился Афоня. — Когда ему нужны рачки и у него нема грошей, так он всегда отыщет Афоню, а когда он при деньгах, так он норовит другого выручить... Ну, раз ты разбогател, гони тройка.

— Сейчас у меня нет, но я, честное слово, отдам, — принялся уверять Валентин.

— Ладно. Есть совесть — отдашь. Как не отдать? Не последний раз на молу. Садись вот рядом и тягай, пока рыба дурум

прёт. У меня скоро уже и класть некуда будет.

Только за время этого разговора Афоня бросил в свою «промсловую» корзину не меньше десятка здоровенных бычков. Корзина была полна.

«Жалеть потом будет», — подумал Валентин о Сергее. — Такой лов не каждый день бывает...» Однако Афанасию он сказал:

— Посижу немного.

— Почему немного? — удивился тот.

— Некогда рыбалить... На рыбзавод надо будет сбегать, помочь там рыбу сортировать.

— А! Воскресник, стало быть... Жаль, жаль! Сегодня такой клёв, такой, что я такого и не помню! Отбою нет... О, да ты с обновкой? Где такую снасть раздобыл?

— Отец из Москвы привёз.

— Знатная снасть. А лески много он привёз?

— Всё, что на удочках.

Афанасий недоуменно пожал плечами:

— Чудной у нас народ... Не понимает своей выгоды. Да привези он хоть десять тысяч метров, в неделю разошлось бы...

Валентин представил себе, как отец стал бы наживаться, беря с других дороже, чем заплатил сам, и ему стало смешно.

— Что он, спекулянт, что ли, мой отец?

— Да зачем ему самому торговать?

Я бы у него всё забрал. И он бы в обиде не был, и я подработал бы... Почём он брал?

— Не знаю! — отрезал Валентин. Ему стало противно разговаривать с Афоней.

Афанасий ещё что-то говорил, но Валентин его уже не слышал. Не успел он забросить, как кончик его удильника дрогнул и согнулся. Он подскёк и почувствовал тяжесть добычи. Валентин сразу же забыл про всё на свете. Он не видал, как взошло солнце, как поднялось оно над проливом; не заметил он и того, что к ним подходила толстощёкая торговка и Афоня пересчитывал бычков, перекладывая их в её мешок. Опомнился он только тогда, когда из его собственной корзины бычки стали вываливаться на камни.

— Говорил я тебе: отдай Сивучихе. А теперь жди, когда она снова придёт... — сказал Афоня.

— Когда говорил? — даже не поняв, о чём толкует Афоня, спросил Валентин.

— Тю, шальной!.. Да только что она была! По два рубля за десяток взяла. Да и то не прогадает. Товар сейчас пойдёт нарасхват, только давай. Полмесяца не ловили.

— Послушай, Афоня... Можно, я оставлю здесь всё и сбегаю на завод? Присмотришь? — перебил Валентин.

Афоня поглядел на него с явным недоумением и сочувствием:

— Оставляй... Я бы ни за что не пошёл. Такой клёв...

Валентин уже не слушал его. Он торопливо сложил удочки, засунул их в щель между камнями, подвинул к Афанасию тяжёлую корзину и со всех ног бросился бежать. Афоня ещё раз «посочувствовал» ему, сказал: «Ошалел малый» — и переложил из валентиновой корзины в свою добрых два десятка бычков.

* * *

От мола до рыбзавода дорога неблизкая. Валентин бежал, не останавливаясь ни на минуту. Колотилось сердце, в горле пересыхало, от пота намочили ресницы.

«Скорее... Скорее... Может быть, они только начали? Не сразу же все собрались! Сколько сейчас? Восемь, девять?»

Большие часы над подъездом гостиницы показывали без четверти десять.

«Стоять, наверно... Испорченные... Не может быть, чтобы уже десять было!»

Минутная стрелка на часах дрогнула и перескочила на одно деление. Валентин вздрогнул, точно стрелка кольнула его.

Через переезд он проскочил перед самым буфером маневрового паровоза и понёсся дальше. До завода было уже недалеко.

Вот длинный забор из жёлтого ракушечника. Вот, наконец, и завод.

Через проходную непрерывно проходят рабочие и рыбаки. У ворот настойчиво гудит грузовик с горой пустых бочек в кузове. Вахтер захлопнул двери проходной и пошёл открывать ворота.

— А ты куда? — спросил он у Валентина, попытавшегося проскочить следом за грузовиком.

— Туда... Там наши работают... Сортируют...

— Хватился... — протянул вахтер. — Пришёл к шапочному разбору. Кончатся они уже. Иди, гуляй...

Вахтер закрыл ворота перед самым носом Валентина. Но всё же Валентин

успел заметить своих ребят. Они работали около большого секторного транспортера. Оттого, что его не пропустили на завод, Валентину стало как-то легче.

— Сами зовут помогать, а сами потом не пропускают — проворчал он.

— Ишь ты какой! Он ещё и обижается! — возмутился вахтер. — Да тут ваш старший сколько раз тебя выглядывал. Даже личность твою мне описал со всеми подробностями, чтобы пропустил я, значит. Да только теперь там уже делать нечего.

Валентин и сам понимал, что теперь ему делать на заводе было нечего, да и показываться ребятам теперь не стоило. Кроме насмешек, ничего ждать не приходилось.

У забора были свалены кирпичи ракушечника. Валентин взобрался и посмотрел через забор. Внизу, за горами соли и пустой тары, на бетонированной площадке, полукругом, в несколько рядов были расставлены брезентовые чаны на деревянных каркасах. Над ними, как огромная часовая стрелка, ходила ажурная ферма транспортера. С его широкой чёрной ленты серебряным водопадом стекала в чаны хамса, уже перемешанная с солью.

Это был распределительный транспортер, а ребята работали у приёмного, на причале. На ленту этого транспортера рыбонасос выкачивал рыбу прямо из баркаса. Ребята стояли по бокам ленты на пустых бочках и ящиках. Они проворно хватили с ленты барабульку и бросали её в корзины. Корзины подхватывали другие ребята и отгаскивали их к весам. Прилов барабульки был большой: из приёмника на транспортер лилась красноватая струя рыбы, а пройдя через пионерский строй, она светлела, — на автоматические весы и засолочный барабан попадало только чистое серебро хамсы.

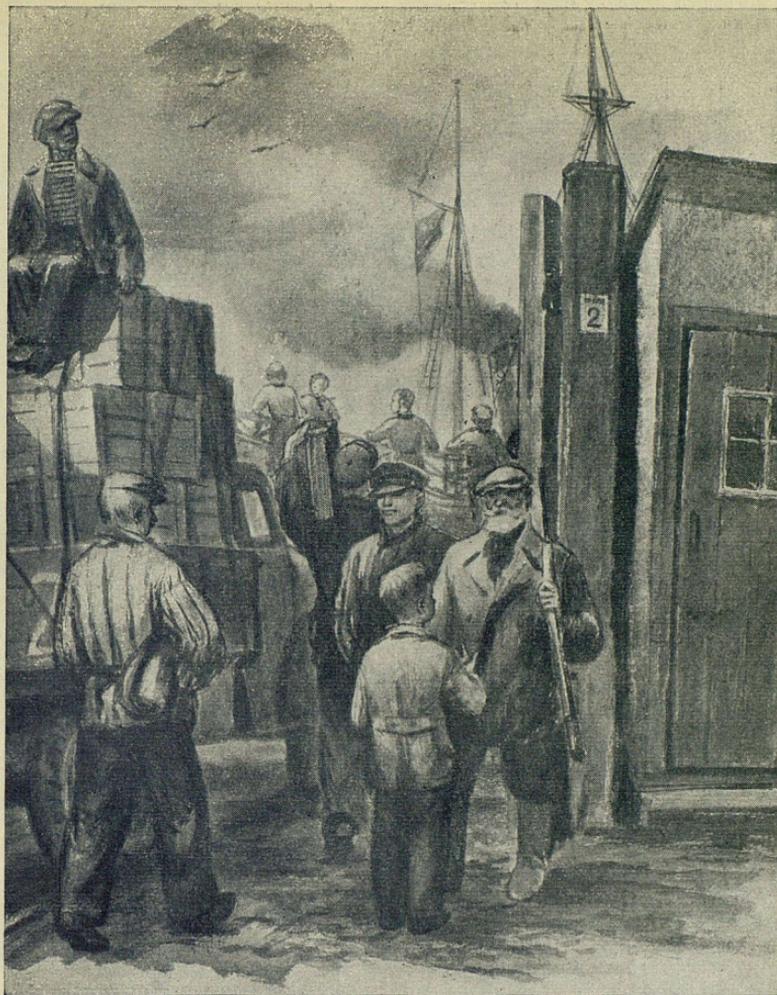
Вахтер сказал правду: минут через десять механик выключил всю установку и весело крикнул ребятам:

— Шабаш! Спасибо вам, орлята!

Ребята сразу зашумели, сгрудились около него, но ему некогда было разговаривать.

— Уводи баркасы! Сейнеры ждут! — торопил он рыбаков.

На ближайшем сейнере уже загрела якорная цепь: там готовились к швартовке. Ребята побежали к водопроводному

— А ты куда? — спросил вахтер у Валентина.

крану и, толкаясь и брызгаясь, принялись мыться.

Когда ребята построились и направились к выходу, Валентин соскочил с ракушечника и отошёл в сторонку.

Вахтер распахнул перед пионерским строем ворота и взял под козырёк.

В жизни своей Валентин не чувство-

вал себя так скверно, как в этот момент. Вот перед ним проходил его отряд, его товарищи, друг его Сергей, а ему нельзя показаться им на глаза. Вот идут Сергей, Костик, Витька, Андрей, Чубуков, Петров, свои ребята, с первого класса приятели... Завтра он будет снова вместе с ними, а сейчас он не может ни окликнуть

никого, ни выйти из-за кучи ракушечника...

Ребят провожала женщина, председатель профкома.

— Ещё раз спасибо вам, ребята! Очень вы нас выручили... Просто по-настоящему, по-деловому выручили. Мы на пять часов раньше начнём разгружать сейнеры. А за пять часов у них рыба начала бы гореть. Пропали бы сотни центнеров... Поработали вы как судто и не много, а сделали огромное дело... Спасибо вам ещё раз от всего коллектива завода!

Слушая женщину, Валентин пересчитывал ребят. Он надеялся, что, может быть, не все пришли. Не было трех: Севы Морозова, Феди Катова и... и Валентина Зорина. Сева был болен, Федя ходил на костылях... Валентин Зорин, здоровый человек, отсутствовал просто так. Один он!..

Ребята прошли мимо него и не заметили его. Только Сергей, как показалось Валентину, поискал кого-то глазами. Но, может быть, Валентину это только показалось...

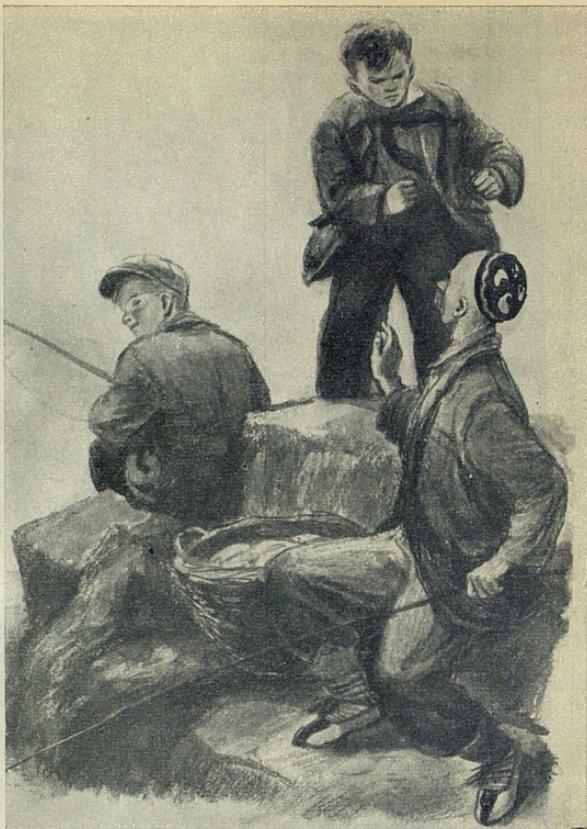
— А это правильно Серёжа придумал, — говорил возбуждённо кто-то из ребят. — Правильно, что менялись местами... А то те, кто у самого рыбонасоса стояли, собрали б корзины по тридцать, а те, что в конце, собрали б по две — три...

— Сколько всего-то набрали барабули?

— Двести тринадцать.

— Ой, Чубуков, ты весь в чешуе! У тебя чуб блестят.

Валентин медленно поплёлся за своим отрядом. У него было чувство страшной усталости. Ему даже хотелось сесть прямо на тротуар. Вдруг кто-то хлопнул его по плечу. Валентин вскинул глаза и сразу узнал того рыбака, который спал накануне на неводе. Рыбак улыбался во весь рот, огромные его сапожищи, гармошкой спущенные книзу, были серебряными от рыбьей чешуи, в чешуе были и штаны и ватник.

— Ты что лезешь не в своё дело? Чего тебе от меня надо?

— Ты чего от своих отстал? Уморился? — спросил он и сам же ответил: — Немудрено... Тут, брат, техника! Зевать не приходится. Только успевай хватать! Было б четыре руки, всем бы дело нашлось. А помогли вы нам здорово. Ты от нас передай всем ребятам спасибо. Ведь мы часа на четыре, а то и на пять раньше в пролив выйдем. Пошла рыбёшка. Джевага сегодня семнадцать тонн прихватил. Вот, друг, какие дела... Ну, прощай, мне сюда. Так передай ребятам... Будь готов!

— Всегда готов, — чуть слышно прошептал Валентин и, сорвавшись с места, побежал от рыбака.

Про удочки Валентин вспомнил не сразу. Он долго бродил по городу, думал как будто совсем о другом, а на самом деле только о сегодняшнем происшествии. Вспомнил, как утром они расстались с Сергеем, и разошлись на друга:

«Товарищ называется... Не мог настаивать, заставить. Он же председатель совета отряда!.. Ну, ладно, ещё посмотрим». А что «посмотрим», Валентин и сам не знал. Просто он хотел оправдаться перед собой, но ничего из этого не выходило. Наконец он вспомнил про удочки и поплёлся в порт.

На молу он увидел то, чего совсем не ожидал увидеть: на том самом месте, где он сидел утром, сейчас рыбалил Сергей. Он удил своей нескладной удочкой, в его корзинке уже ворочалось несколько бычков. Сергей посмотрел на Валентина и как ни в чём не бывало перебрёл удочку.

— А, пришёл, пропащий! Видать, много было работы на рыбзаводе-то! — встретил Валентина Афоня. — Но я скажу, что это несправедливо — заставлять вас работать в воскресенье!..

Валентин покосился на Сергея, но тот как будто и не слышал ничего.

— Забирай свои удочки, корзину, и вот тебе четвертной.— Афоня сунул в руку Валентина двадцатипятирублёвку.— Скажи спасибо, что по полтора рубля дала Сивучиха за десяток. «Не ходкий, говорит, товар нынче — бычок. На хамсу, говорит, все набросились!..» Оно и верно: сезон хамсы... Трояк своей я высчитал, в расчёте мы теперь...

Валентин сжимал в руке деньги. От обиды и злости ему хотелось плакать, он стиснул зубы и сел на бетонный выступ мола.

Сергей удил, не оборачиваясь в его сторону. Вытаскивал он по одному, редко по два бычка: рыба к вечеру брала хуже. Да и ловил Сергей не на рачков, а на кусочки хамсы.

«По дороге собрал», — подумал Валентин. В корзинке у него оставалось не меньше стакана рачков, но он боялся предложить их Сергею. Неожиданно вспомнив, что как-то брал у Сергея рубль на тетрадки, Валентин обрадовался.

— Возьми рачков, — сказал он Сергею так, как будто ему не очень-то хотелось с ними расставаться. И, испугавшись,

что Сергей откажется, поспешно добавил: — Бери, бери... Это я на твой рубль купил стакан.

— Чего врётся-то? — вмешался Афоня.— Сам же говорил, что по два брал.

Валентин подскочил к нему со сжатыми кулаками.

— Ты чего лезешь не в своё дело? Чего тебе от меня надо? — закричал он срывающимся голосом.

У него был такой вид, что Афоня векочил и невольно попятился.

— Тю, шальной! Чего ты как с цепи сорвался?

Валентин понимал, что ведёт себя пудрачки, но уже не мог сдержать себя.

Неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы в ссору не вмешался Сергей.

— Валька! Иди сюда! Слышишь? Иди сюда! — приказал он.

— Ну, что? — огрызнулся Валентин.

— Ничего! Сядь и поостынь. Забыл, что на тебе галстук?

Сергей говорил тихо и спокойно, но слова его подействовали на Валентина, как холодная вода. Он послушно опустился рядом с Сергеем.

— Ты что же, мою удочку не возьмёшь? — помалчав, спросил он.— Удобнее ведь.

Сергей передёрнул плечами:

— И своей наловлю. Что мне, много надо? Я не «промышленник»...

Валентин отшатнулся, как будто получил пощёнину. Сскунду он смотрел на Сергея, потом вскочил, схватил корзину, удочки и, не оглядываясь, пошёл к выходу из порта.

Сергей тоже поднялся, смотал удочку и пошёл следом.

Проходя по базару, Валентин заметил, что всё ещё сжимает в руке злополучную четвертную.

«Промышленник!».. Вот, вместо того чтобы вместе со своим отрядом помочь рыбакам, четвертную наторговал, как Афоня!..»

— А ну, кому бычков! Бычков! Добирайте, пожалуйста! — пропела торговка над самым его ухом. — Молодой человек, что же вы с пустой корзинкой домой пойдёте? Вы бы хоть у меня купили. На серебряный крючок всегда лучше клюёт.

Сергей, догнавший было Валентина, остановился. Валентин подошёл к столику Сивучихи, протянул ей деньги и потребовал:

— Вот ваши деньги...
Отдайте мою рыбу назад!

— Какую твою? — опешила торговка.

— Ту, что вам Афанасий продал вот из этой корзины. Я не просил его продавать! Сейчас же отдайте мою рыбу!

— Ишь, какой умник выискался! — разъярилась Сивучиха. — С меня сороковку отхватили, а назад норовит за четвертой получить... Если хочешь, бери сотню.

Валентин швырнул деньги и подставил корзину.

* * *

— Павел! Павел! Смотри, сколько сын рыбы принёс! — крикнула из сеней мать. — Да здоровущие какие!

Отец заглянул в корзину и взъерошил сыну волосы.

— Добытчик, — сказал он. — А как же ты со своим дружком разошёлся? Приходил он в обед, ждал тебя.

— Так... Разошлись... — неопределённо ответил Валентин и прошёл к себе.

На столе он сразу же заметил пакетик с крючками. Он долго смотрел на него, потом подошёл к кровати, упал на подушку и заплакал.

Вдруг он вскочил и торопливо стал тирать лицо полотенцем: он услышал, как мать говорила в сенях:

— Пришёл, пришёл, Серёженька... Проходи к нему.

Валентин бросился к двери и хотел захлопнуть её, но Сергей уже переступил порог.

— Ну, что? Выводы пришёл делать? — прошипел Валентин.

Сергей еле заметно улыбнулся:

— Выводы? Нет. Выводы ты и сам уже сделал. Я пришёл... крючки я тут забыл, когда ждал тебя... За ними и пришёл.

Сергей взял со стола пакетик и положил его в карман.

— До свиданья, Валентин! Побегу ужинать...

— Постой, — остановил его Валентин.

— Что?

Валентину хотелось сказать сейчас Сергею очень многое. Вылить всё, что накопилось на душе за этот тяжёлый день, но он сказал:

— Ты ещё удочку свою забыл... — Валентин бросился в угол и подał Сергею удочку. — Бери!

Сергей замаялся было, но потом взял удочку.

— Спасибо, — просто сказал он и ушёл.

Валентин смотрел вслед Сергею из окна, пока тот не скрылся за поворотом.

Заходящее солнце освещало город. Порозовели постройки в порту, мол стал фиолетовым, кубанский берег казался лазоревой полоской. На завороте мола Валентин заметил одинокого рыбака.

— Афоня сидит... — подумал Валентин вслух. — Сидит самый заядлый из последних «промышленников».

И снова вспомнился Валентину весь сегодняшний день. Тяжёлый день в его жизни. А ведь ему придётся ещё держать ответ перед ребятами. Вспомнилось ещё, что история и география остались невыученными.

— Только двойки мне нехватало, — усмехнулся Валентин и сел к столу.

ПУТЬ НА ГРУМАНТ

Константин Бадигин,
капитан морского флота

ГЛАВЫ ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ

Рисунки Петра Павлинова

С давних времён русские поморы были умелыми кораблестроителями и отважными мореплавателями. Из Белого моря, из Мезенской губы, от Мурманского берега ходили на студёные просторы Ледовитого океана прочные и быстрые поморские корабли. Ходили они на рыбный лов, на промысел моржа, нерпы, белухи.

В старинных поморских лодках записаны удивительно обширные для того времени сведения о водных дорогах «Студёного моря». Поморы ходили «в Норвегю» по торговым делам, забирались далеко на север в поисках морского зверя. Им обязаны мы всеми важнейшими открытиями в европейской части Арктики. Так, Грумант (Шпицберген) задолго до путешествия Виллема Баренца был известен северным русским мореходам.

Двести с лишним лет назад, осенью 1743 года, русское промысловое судно «Ростислав» было раздавлено льдами у Малого Беруна — одного из островов, составляющих землю Грумант. Четыре человека спаслись: кормчий Алексей Химков, Степан Шаповов, Фёдор Веригин и сын Химкова Ваня. Они нашли приют в старой, заброшенной избе, которую здесь когда-то построили такие же поморы-промысленники.

Шесть лет пришлось провести четырём мореходам на Малом Беруне. О жизни на острове, полной опасностей, приключений и борьбы с суровой природой, рассказывает Герой Советского Союза капитан Бадигин в исторической повести «Путь на Грумант», часть которой мы печатаем в журнале.

«Астрономическая палка»

Медленно текло время в бесконечную полярную ночь. Вот ещё прошли сутки... Снова залили жиром светильник, и новая зарубка появилась на деревянном календаре.

Пурга всё не стихает, всё шумит в снежных просторах за стенами зимовья... Третий день уже свирепствует северный ветер, полуночник, наметая вокруг избы саженные сугробы и завывая в ущельях.

А в избе душно и дымно. Чёрный едкий

дым, заполняющий верх избы, клубами выходит через волоковые окна.

Временами вместе с ветром в избу врывается мелкий снег. Огонь в светильне начинает коптить и колебаться, на стенах оживают причудливые тени.

Сидящий у жирника Фёдор Веригин каждый раз закрывает от ветра огонь своей широченной мозолистой ладонью.

Никто из зимовщиков не спит. Каждый молча возится с какой-нибудь работой.

— Ну и разбушевался Грумаланский Пёс! Осерчал! Видно, хмельного не хватило!—наконец заговорил Степан Шарاپов.

— Ну, Расскажи, Расскажи, дядя Стёпа, про Пса-то, давно хотел послушать, да тебе всё недосуг было.

Ваня ближе подвинулся к Шарापову, приготовился слушать, зная, что весёлому и живому Шарापову невтерпёж тягостное молчание.

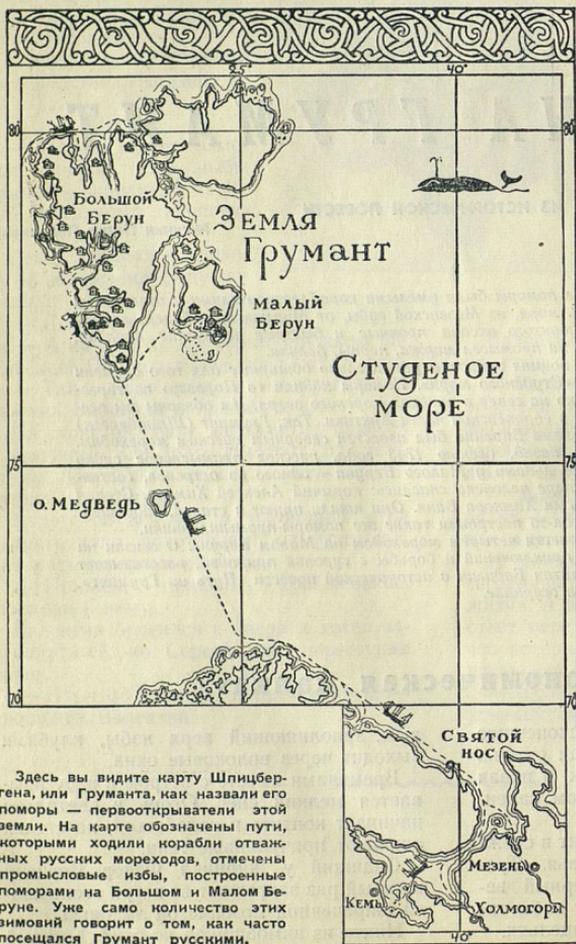
— Ну, уж ладно, слушай. Только, чур, не перебивать... Любит хватить хмельного Грумаланский Пёс, вот и лутеет, когда

опохмелиться нечем. Обернётся он полуночником, да и гуляет у Мурманского Носа, корабли поджидаячи. А встретит корабль, вином да другим хмельным грузом груженный, обернётся в южный ветер. И пойдёт гулять взводень страшный по морю. Ураганом кинется Грумаланский Пёс на лбоды. Паруса порвёт, мачты сломает, разметёт ту лбоды по досточкам. А бочки с вином да с ромом не утонут, всплывут. Погонит их к себе домой, на остров, Пёс Грумаланский. Пир горой да веселье на острове пойдут. В гости к себе позовёт Пёс старуху Цынгу, вместе веселятся. Тихо тогда на море.

Если весной или летом это случится, в самый раз тогда на моржовый промысел грумаланам отчаливать, а зимой — по кулёчкам иди, не бойся: ветра долго не будет. А другой раз бывает, Пёс к себе в гости чудище морское — рачьего царя — позовёт, царя всех зверей морских. Тогда у промышленника на зверя морского богатый промысел будет. Несторжкий зверь делается.

— Степан, а где рачий царь живёт? — перебил Ваня.

— Живёт он в море нашем, Студёном. Между Грумантом островом да Новой Землёй. Ему просторы морские надобны: велик он, рачий царь, больше кита... Боятся поморы-охотники Грумаланского Пса. Как к Груманту причалят, первого оленя убьют, — Пса одаривают. Человека погубить ему — раз плюнуть. В оленя, песка и других зверей да птиц он обернуться может. Бывали случаи, в любимую собаку охотника превращался, лаем своим в глубь острова завлекал хозяина. И гибнул промышленник... Париться в байне Пёс страсть как любит. Правда аль нет, не знаю, но байли мужики, что видели и байню его — в пещере большой и будто в байне той они каменку ещё горячую видели и венки березо-

Здесь вы видите карту Шлицбергера, или Груманта, как называли его поморы — первооткрыватели этой земли. На карте обозначены пути, которыми ходили корабли отважных русских мореходов, отмечены промысловые избы, построенные поморами на Большом и Малом Беруне. Уже само количество этих зимовий говорит о том, как часто посещался Грумант русскими.

вые, как деревья великие, опаренные тут же лежали.

Степан остановился, чтобы передохнуть — Ну, а ежели кто хочет с Псом Грумаланским дружбу завести, это можно. Нужно только подход знать. Обязательно лулу ждать надобно, чтоб на полный свет была. Дождлся луны, бери нож, иди в пещеру к Псу. Придётся, сразу же ножом кругом себя землю очерчивая да нож за кругом в землю воткни. Ну, и жди. В полночь лай собачий услышишь, да страшный такой. Прибежит в пещеру лохматый чёрный Пёс, ростом с лодью хорошую. А ты не пугайся. Тогда и дружба пойдёт. Будет Пёс Грумаланский в промысле помогать: лаем на добычу наводить. Другие тогоя не слышат. А кто с Псом подружился, по лаю только и ходит. То олень без числа настреляет, то тьму гнёзд гагачьих найдёт, то стада гусей большие. А то Пёс ему в кулёмки песцов сотнями загоняет... Да не даром даётся счастье-то. Бают старики, если охотник тот помрёт на острове, земля его не примет. Так и торчит сухой, как дерево, где-нибудь меж скал...

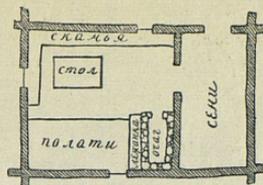
Степан умолк, молчали и остальные. Незаметно под сказку Степана прошёл час. Ещё один час из многих, многих часов бесконечной зимовки.

Вот так в пургу, у огонька, возникла когда-то старинная поморская легенда про Грумаланского Пса. Постепенно обрастала она всё новыми и новыми подробностями, придуманными у печки в ненастье, долгой зимней ночью.

Страшный порыв ветра потряс избу. С новой силой завыл и загудел полночник. Огонь в печи погас, только несколько красных звёздочек ещё боролось с серой пеленой бархатного плела.

— Будем спать ложиться, ребята. Ванюха, прикрой ставень: холодит что-то полночник, норовит совсем нас снегом завалить.— Алексей ещё что-то пробормотал про себя и стал укладываться поудобнее на медвежью шкуру.

Укрывшись потеплее, все вскоре заснули богатырским сном. Только Ванюха долго не мог уснуть. При каждом порыве ветра его глаза широко раскрывались. Казалось, что вот сейчас в избу вебжит страшная чёрная собака. Сквозь дикие стоны

План избы зимовщиков.

ветра ему слышался лай, то громкий, где-то совсем близко, то едва слышный. Наконец и Ваня уснул.

Слабый свет жирника освещал только середину жилья, а по углам оставались густые тени.

В неверном, колеблющемся свете всё же можно было разглядеть отдельные предметы и фигуры спящих людей...

Всю горницу устилали медвежьи, оленьи и песцовые шкуры. Ими были покрыты пол, лавки, завешана дверь. На шкурах промышленники спали, шкурами укрывались.

Слева от двери находилась глиняная русская печь с лежанкой, а посреди избы — грубо сколоченный стол на двух ножках, вкопанных в землю. По углам было сложено разное промысловое снаряжение.

В сених под потолком висели туши оленей. Несколько тюленьих пузырей с оленьим жиром было развешено на гвоздях по стенам избы. Под самым потолком коптились в постоянном дыму оленьи языки и лучшие куски мяса.

От всех этих тяжело пахнувших запасов, печного угара и вечно коптившего жирника в избе было нестерпимо душно. Даже привыкшие ко всему поморы с трудом переносили зимовку в курной избе.

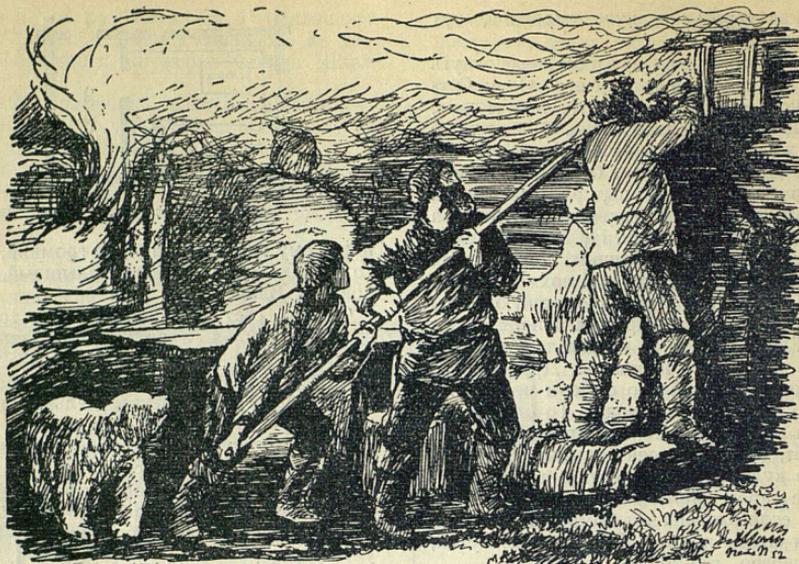
Первым проснулся Степан. Пожившись от холода, он прежде всего заправил сильно коптивший светильник, затем прислушался... Тишина. Ветер как будто перестал буйствовать. Стараясь не будить товарищей, Степан принял разжигать огонь в печи с помощью приготовленной с вечера сухой растопки, потом поставил на огонь котелок, вода в котором за ночь успела покрыться корочкой льда. Подойдя к окну, он отодвинул ставень и застыл в удивлении: окно, находящееся довольно высоко от земли, сплошной стеной закрывал снег.

Поморский жирник.

Светильник.

Дым понемногу выходил, дышать стало легче.

Степан быстро открыл второе, третье окно, но и там, отражая огонь светильни, поблёскивал кристалликами снег.

Тем временем дым из печи стал заполнять жильё.

— Ребята, — крикнул Степан, — засыпала нас! Топить нельзя, задохнёмся.

Фёдор вскочил первый и, осмотревшись, стал багром пробивать в снегу отверстие. Снег был плотный, и багор шёл в него с трудом. В это время Алексей со Степаном и Ваней старались открыть дверь из сеней наружу, но дверь не поддавалась.

— Догадались же, недодумы, построить избу в таком проклятом месте! — ругался Алексей. — Ручей, вишь, им понавился, видно, расчёта на зиму не было! Вот и метёт теперь со всего острова по ложине снег. Как раз полуночнику к нам прямая дорога... Ну, верно, дверь нам не открыть. Фёдору будем помогать, берите доски подлиннее.

Фёдор заканчивал уже расчистку снега у второго окна. За третье взялись Степан с Ваней.

Дым понемногу выходил, дышать стало легче.

— Отец, а отец, ведь пуржит всё — не успели мы окна очистить, как опять за-

валило. — Ваня сунул багор в окно. — Смотри, снега-то на сажень намело!

Ветер всё свирепствовал. Врываясь в долину, в которой стояла изба, он гнал по ней кучи снега, сметая его с ровной поверхности ледников.

Снег уже покрывал жильё ровень с крышей. Дыры, проделанные промышленниками в сугробе против окон, всё время заносило. С большим трудом удалось, непрерывно прочищая отдушины, приготовить обед и немного обогреть горницу.

— Огонь в печи погасить надобно: задушит нас дымом. В холоде жить придётся. — И Алексей с сожалением посмотрел на печь.

Потушили огонь. Обедали молча.

— Ну, что же, обождём, не век ветру жить, как-нибудь пережёмся. Это ещё только присказка, а сказка впереди будет, — вытирая ладонью усы, пошутил Степан.

Медленно потянулись дни. Погребённые под снегом охотники по количеству сгоревшего в светильнике жира отсчитывали сутки за сутками, делая зарубки на своём деревянном календаре. Печь больше не топили, но тепло в горнице от светильника и дыхания людей сохранялось лучше, чем

раньше. Плотный слой снега, как хорошая шуба, закрывал избу, не давая ветру выдувать тепло.

И на обед и на ужин ели сырое замёрзшее мясо, с трудом рубя топором окаменевшие на морозе куски. Завкашенную, как капуста, ложечную траву, салату, приходилось вырубать из деревянного корыта. Но не было такого дня, чтобы грумаланы позабыли про это замечательное народное средство от цинги.

В эти тягостные дни Ваню очень развлекал медвежонок. Мишка чувствовал себя прекрасно. Он успел крепко привязаться к Ване, хотя на других часто злобно орывался и рычал.

Развасяясь в ногах своего приятеля, мишка часами не спускал с него глаз. Иногда они подолгу возились на полу в горнице, играя и борясь друг с другом. Мишка быстро рос, всё больше и больше делаясь похожим на настоящего белого медведя-ошкуя. Только шкурка у него от дыма и копоти стала почти чёрной. Вряд ли теперь белые медведи приняли бы его за своего родича. Скорее мог он заслужить доверие у лесного медведя, бурого Топтыгина.

Заросшие, с длинными бородами, покрытые сажей от светильни, среди устилавших горницу шкур и мехов, грумаланы выглядели какими-то страшными существами. Но не отчаивались, не теряли присутствия духа поморы. Встав поутру, каждый из них принимался за какую-нибудь работу.

Последние дни Алексей Химков занимался изготовлением примитивного астрономического прибора.

Он долго что-то мерил и чертил на деревянной доске, пользуясь некоторыми несложными вычислениями.

Ваня с большим интересом смотрел, как отец выстругал ножом квадратную планку толщиной в полтора дюйма и длиной в тридцать дюймов. Дерево было крепкое, из обшивки потерпевшего аварию судна, остатки которого нашлись в плавнике. Потом на столе Алексей начертил углы и, приложив планку, аккуратно нанёс на одной из её граней деления. Сначала он наметил восемьдесят крупных отрезков — это были градусы, а затем на каждом отрезке сделал ещё десять узких полосок, разбив его таким образом на двенадцать частей. Каждое маленькое деление равнялось пяти мину-

там. Это была кропотливая и трудная работа.

Между делом Химков понемногу объяснял сыну, как можно определить широту своего местонахождения при помощи этого прибора, который он называл «астрономической палкой».

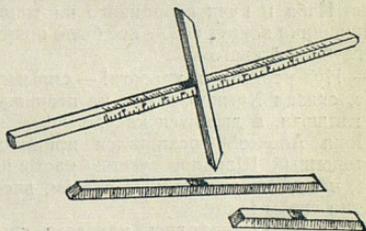
Закончив разбивку планки на градусы, Алексей выстругал другую дощечку, длиною чуть больше двадцати шести дюймов. Эту дощечку он плотно приладил поперёк планки, так что она могла скользить по ней строго под прямым углом. По концам поперечной дощечки Алексей просверлил дырочки, отстоящие одна от другой ровно на двадцать шесть дюймов.

— Жалко, солнечных таблиц нет, на «Ростиславе» остались, — говорил он. — Ну, ничего, сынок, без таблиц обойдёмся, по Полярной звезде мерить будем... И книжку Магницкого «Арифметика» тоже в каюте оставил, помнишь, может, толстая такая, в коже, с застёжками медными?

Ваня с восхищением смотрел на две простые, сложенные крестом деревянные планки, боясь даже притронуться к ним. В глазах мальчика они обладали теперь волшебной силой. Ведь они могли указать лодке дорогу в открытом море!

Прибор был готов. Отложив его в сторону, Химков сказал:

— Ну, теперь можно будет место своё поточнее определить. Да и тебя, Ванюха, понемногу учить стану, хочу, чтобы ты настоящим мореходом был... — Он замолчал, потом обратился к Шарпову: —

«Астрономическая палка» — прибор для определения широт.

Может, ветер и стих уже — ведь уже три дня прошло. Как выбираться на волю будем?

— Тут думать нечего, Алексей. Вырубать потолок в сенях надо. На крыше, чай, снега меньше, через потолок на волю выйдем.

— Добро, ребята, так и сделаем. Ты, Фёдор, стремянку готовь...

Выйдя в сени, Алексей, устроившись поудобнее на остатках дровяных запасов, принялся вырубать топором квадратное отверстие.

Скоро доски подались и обрушились вниз вместе с грудой рыхлого снега. Холодный, чистый воздух заполнил сени и горницу. Дышать сразу сделалось легче. Алексей, высунувшись в люк, поднимая на руках и выглянул из снежного сугроба.

В ночном тёмном небе светились мерцающим огнём далёкие звёзды. Прозрачный воздух Арктики как бы приближал их к земле, они казались ярче и крупнее. Занавес полярного сияния прозрачной вуалью прикрывал созвездия в южной части небосклона. Луна заливала своим волшебным светом необъятную холодную белую пустыню.

После долгого заточения в тёмной избе этот свет показался Алексею ослепительно ярким.

Созвездие Лося — Большой Медведицы — расположилось книзу от Полярной звезды, и положение ковша указывало, что сейчас около шести часов вечера.

Чем больше Алексей смотрел на знакомые места, тем меньше их узнавал. Вместо обрывистого, крутого подъёма, начинавшегося поблизости от избы, образовались пологие снежные скаты. По направлению к морю на снежной поверхности появился ряд волн-застрогов. Казалось, что здесь в какой-то миг застыло бурное море. Изба и кучи собранного на топливо плавника вокруг неё — всё было покрыто глубоким снегом.

— Ну, ребята, и красота! — спрыгнув вниз, сказал Химков. — Век не оторвался бы глядячи, а дышитесь как легко!

Пока Алексей восхищался природой, расторопный Шарاپов успел растопить печь, и котёл, наполненный снегом, висел уже на своём месте.

Грумаланы радовались, как дети, своему освобождению. Уж сегодня-то они и погорются как следует у жарко натопленной печи и вволю наедятся густых горячих щей!..

Отложив до завтра все работы, охотники долго сидели у огонька и оживлённо вели беседу о предстоящих делах. А Шарاپов так натопил печь, что любивший тепло Фёдор, и тот не выдержал.

— Ишь, как нажарил, ребро за ребро задевает — столь жарко! — сказал он, отворяя дверь в сени.

Спать легли поздно и быстро уснули, довольные и спокойные.

Внезапно Ваня проснулся от глухого ворчания своего друга. Мишка беспокойно возился на лавке, поглядывая на открытую дверь. Он как будто чуял что-то неладное. Из сеней слышался шорох и царапанье.

«Живой кто-то, зверь, должно быть», — подумал Ваня.

Мальчик быстро соскочил с лавки и смело направился в сени. Проходя мимо спящего Веригина, Ваня случайно рукавом задел его, и Фёдор проснулся. Пока он старался понять, в чём дело, Ваня уже вышел в сени. Почти в то же мгновение послышался его крик:

— Ошкуй!.. Вставайте!.. О...

Голос Вани внезапно прервался, заглушённый шумом падения тяжёлого тела, треском и рёвом. Казалось не один, а много зверей хозяйничают в сенях.

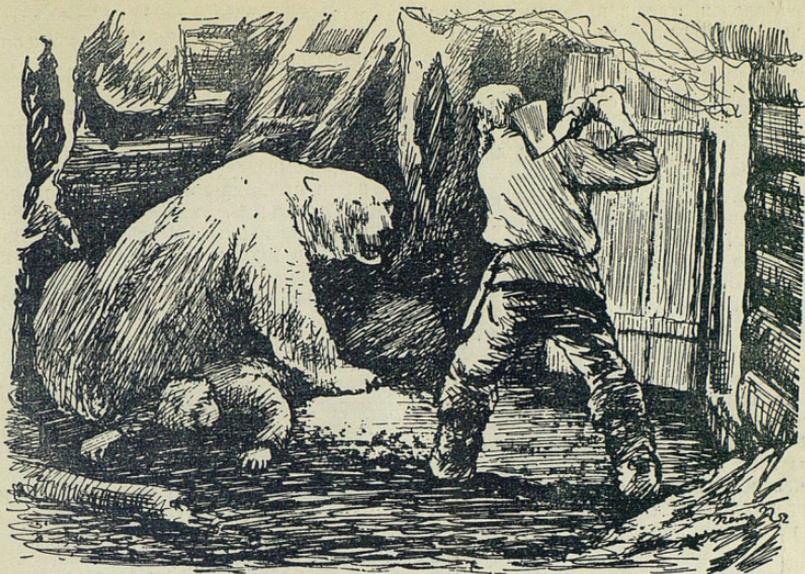
Веригин схватил топор, всегда находившийся у него под изголовьем, и стремительно выскочил вслед за Ваней. В сенях громадный белый медведь, увидев Фёдора, присел со зловонным рычаньем на задние лапы. Но Фёдор не замечал раскрытой синей пасти, страшных зубов, налитых кровью зловонных глаз зверя. Под медведем, разметав руки, неподвижно лежал Ваня — только его одного и видел Веригин. Ярость обуяла его. Подскочив почти вплотную к хищнику, Фёдор успел только крикнуть: «Держись, родной!» — и, размахнувшись, со всей своей богатырской силой ударил медведя топором между глаз.

Удар Фёдора был страшен. Он развалил голову зверя на две части, и медведь без звука медленно стал оседать.

Из горницы выскочили Алексей и Степан с рогадинами. Увидев мёртвого зверя, они бросились освободить Ваню. Он был цел и невредим, но без сознания. Дрожавшими руками Алексей молча прикладывал снег к голове сына.

Наконец, глубоко вздохнув, Ваня открыл глаза. Алексей подошёл к Веригину, сначала низко ему поклонился, а затем обнял и крепко его поцеловал:

— Спасибо, Фёдор, спас ты моего сына, век не забуду! Смотри, Ваня, Фёдор — отец твой крёстный — от смерти спас.

Под медведем, разметав руки, неподвижно лежал Ваня.

Помни это. Всю жизнь благодарить должен. Забудешь если, тяжёлый грех на душу возьмёшь.

Ваня, ещё слабый и бледный, улыбался и протягивал Фёдору руку.

— Как же ты, Ванюха, под медведя-то угодил, расскажи нам? — не вытерпел Степан.

— Да и рассказывать тут нечего. Как вышел я в сени, смотрю: ошкуй из люка задом спускается. Видно, мясо почуял, проклятый. Не успел я крикнуть, как ошкуй свалился да прямо на меня. Ну, и подмял. Вот и сказ весь. Тяжёлый ведь он, как жив остался, не знаю.

— Да, большой ошкуй, пудов-то в нём много будет... И шкура знатная, береги на память, Ванюха.

В тот же день ошкуй освежевали, сняли с него шкуру с роскошной густой шерстью и торжественно преподнесли Ване.

Прошло около месяца. Страшная пурга, так угнетавшая зимовщиков, стала понемногу забываться. Снова начались походы к ловушкам за песцами. Каждый день на небе полыхали сполохи.

Однажды, когда звёзды отчётливо горели на чуть посветлевшем небе, Ване уда-

лось получить практический урок астрономии.

— Ну, сынок, выходи, посмотришь, как ширину мерить будем, — приоткрыв дверь в горницу, позвал Химков.

Был февраль, и мрак полярной ночи днём понемногу начинал редеть. Ваня, выйдя из избы, обратил внимание на то, что линия горизонта резко разделяла небо и море.

Отец, сняв рукавицы, держал в руках «астрономическую планку».

— Видишь, Ваня, кладу к правому глазу длинную планку, дощечкой двигаю так, чтобы мне в один раз было видно и горизонт и Полярную звезду. Сейчас звезда поверх поля проходит. Видишь, как ковшик у Лося лежит в небе? Ну, вот и ширину измерили. На-ка ты, Ваня, примерься!

Ваня руками, дрожащими то ли от нетерпения, то ли от холода, взял прибор. Приложив глаз к планке, как ему указывал отец, он быстро сообразил премудрость измерения высоты звезды.

— Ну, посмотри, отец, правильно?

Алексей проверил и с удовлетворением сказал:

— Молодец, сынок, правильно сделал! А теперь в избу пойдём, на свету градусы посмотрим да погреемся: видишь, руки закаменели как!

— А длину места своего по звёздам можно сыскать, отец?

— Трудное это дело, Ваня, а для нас, простых мореходов, невозможное.

Пока Алексей делал расчёты, на него с одинаковым вниманием смотрели три пары глаз. Поморы всегда интересовались мореплавательным искусством, а теперь знать широту своего места было особенно интересно.

Отогревшись немного, Алексей сел рядом с сыном.

— Вот вернёмся домой, Ванюха,— мечтал он вслух,— ежели с деньгами соберёмся, обязательно тебя в Питер отправлю. Упрошу Амоса Корнилова, умолю его, чтобы тебя к Ломоносову свёл. Хороший он человек, поможет тебе навигацие науки изучить. Слыхивал я, много приборов разных, кораблеплаванью весьма

полезных, помор наш учёный выдумал. Маточки наши давно Михаил Васильевич поругивал. Компасы, говорит, надо большие заводить и накрепко их к судну ладить. Да самопиसेц от компаса, когда судно по морю идёт, работать должен, путь на карте вырисовывать. Палку эту астрономическую не хвалил: говорит, точности мало; другой инструмент придумал, чтобы градусы до звёзд да солнца способнее было мерить... А ещё Михаил Васильевич со многими мореходами совет держал про машину одну,— скорость судна способно ли той машиной мерить. Машина та беспрерывно ход показывает. Этому в иноземных краях не учёны. Норвеги да англиские кормички — сам видел — старинному, мерным верёвками, скорость мерят, как мы мерили, на Грумант идя... Да много чего наш Ломоносов выдумал! Для кораблестроения большую пользу принёс.

Ваня внимательно слушал отца. Крепко хотелось ему стать настоящим учёным мореходом.

С о л н ц е п о я в и л о с ь

В середине февраля зимовщики увидели солнце. Началась полярная весна. Теперь около полудня в поблекшем, бледно-голубом, словно вымерзшем небе бесильно угасали звёзды, без усталости светившиеся в течение долгой зимы. С нетерпением ждали поморы кризиса солнышко. А солнце появилось как-то неожиданно.

Сначала на юго-востоке показалась робкая, розовая полоска. Потом она стала ярче, отчётливее, и в полдень, наконец, из низкой гряды облаков, застилавшей горизонт, высунулся оранжево-красный краешек солнца. Недолго пробыло оно над горизонтом. Озарив нежнорозовым светом снега, льды и скалы, солнце скрылось за облаками.

Промышленники стояли на высокой скале около избы молча, взволнованные давно невиданным зрелищем.

Солнечные лучи осветили бледные лица зимовщиков, истомлённых тяжёлой полярной ночью. Но сейчас их озаряла неподдельная радость. С новой силой проснулась в поморах уверенность в скором освобождении. Вместе с мраком отступил грозный призрак старухи-цыгги.

Это была первая полярная ночь вдали

от родной земли и близких людей. Она показалась поморам особенно длинной.

И вот наконец наступила весна. Но морозы стояли попрежнему крепкие. Даже в тихие дни у охотников часто захватывало дыхание: ведь полярная весна далека от нашего представления о тепле и пробудившейся растительности! Лёд и снег попрежнему ещё долго будут царствовать на острове.

Даже летнему солнцу, совсем не уходящему за горизонт, много ещё придётся положить труда, чтобы справиться со снегом и льдом, накопившимися за зимнее время.

Несмотря на то, что против цыгги промышленники применяли в течение зимы все известные средства, всё же у всех, кроме Вани, появились первые признаки этой страшной болезни. У Фёдора опухли ноги, и ему тяжело стало ходить.

— Это ещё полбеды,— заметил Алексей,— тут лямочку горю можно: поболе на воздухе быть, сырое свежее мясо есть да ещё кровь тёплую пить.

— Самое время сейчас нерпу промышлять,— сказал как-то Фёдор.— Бельков можно руками брать, да и утельги близко подпускают, не отходят от детей-то.

Фёдор был прав. Наступила пора появления на свет нерп.

Где-нибудь в укромном, тихом месте у припая, в наторошенном льду, между неплотно лежащими льдинами нерпы ещё с осени облюбовывают небольшие норки для своих детёнышей. Вблизи норок зверь проделывает сквозные отдушины для дыхания и выхода на лёд. В марте в норках появляются бельёные беззащитные новорожденные нерпята. Они не могут плавать, и в продолжение трёх недель нерпята вынуждены находиться в своих убежищах, ожидая мать, кормящую их молоком. Несмотря на сильные морозы, белки не страдают от холода. Их хорошо согревает пушистая, тёплая шкурка. Мамаша заботливо ухаживает за своими детёнышами. После того как бельёный мех исчезнет и нерпята покроются обычной грубой шерстью, матери приучают их понемногу к воде.

На охоту собрались втроем: Алексей, Степан и Ваня.

Захватив с собой охотничье снаряжение, промышленники отправились на берег.

Почти у самого берега возвышались мощные гряды наторошенного молодого льда. Эти торосы образовались в начале зимы, когда неподвижный береговой лёд — припай — был так тонок, что не выдерживал напора дрейфующих льдов. Теперь прибрежный лёд был толстым, больше полсажени толщиной, да и вся поверхность пролива, казалось, была покрыта сплошным, крепко смёрзшимся льдом.

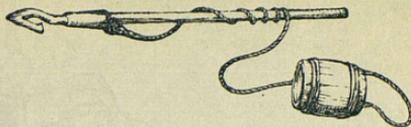
Охотники быстро двигались по уплотнённому зимними ветрами снегу. Лыжи на нём почти не оставляли следа.

Но вот вышли на лёд. В двадцати саженях от берега темнела широкая трещина, своими изгибами повторяя прибрежное мелководье.

— Почему тут лёд разошёлся, отец, будто кто по берегу ровнял трещину? — спросил Ваня.

— Это, Ваня, живая вода делает. Вода то два раза в сутки на прибыль идёт. На полную воду лёд за трещиной подыматься будет, а как сойдёт вода, вновь на дно опустится. Вот трещина и не мёрзнет. А у берега, где мелко, лёд неподвижен, там он до самого дна промерзает.

— Теперь тихо идти надо, зверь близко должен быть: вишь, отдушины чернеют, — не вытерпел Степан, которого уже

Кутило, поморский гарпун.

охватило возбуждение предстоящей охоты. — Нам нерлиху запрямышлять надо, с белька толку мало.

Дойдя до первой гряды торосов, охотники осторожно стали выглядывать из-за обломков льда.

— Вон, вон он, зверь! — зашептал Степан.

В десяти шагах от охотников, внизу, у тороса, лежала нерпа, утельга. Маленький бельёный детёныш жадно припал к матери, посасывая молоко. Промышленникам были слышны нежное похрюкивание матери и слабые всхлипывания детёныша.

— Ну, Степан, начинай.

Степан приподнялся, взмахнул кутилом и, изогнувшись, с силой бросил его в нерпу. Оружие, слегка задев зверя, вошло в лёд рядом с бельком. Нерпа быстро скользнула через отдушину в воду, а белёк, извиваясь, как червяк, уполз в свою нору.

— Я его живым возьму! — крикнул Ваня.

Быстро спустившись с тороса, он побежал к норке, засунул туда руку и стал тащить белька прямо за густой мех.

Зверёк, извиваясь в руках у Вани, жалобно закричал, призывая мать.

— Ма-ма-ма-ма! — стонал белёк, выговаривая почти человечески.

Из отдушины показалась голова матери. Приподнявшись на ластах, она, не обращая внимания на людей, вылезла на лёд и бросилась к детёнышу. Ваня выпустил из рук белька, и тот, продолжая стонать, ментально очутился возле матери. Не зная, как помочь своему детёнышу, нерпа металась по льду, то пытаясь уйти в воду, то снова возвращаясь.

Пешня.

Не обращая внимания на людей, нерпа вылезла на лёд и бросилась к детёнышу.

Степан, взяв кутило в руку, стал медленно подходить, готовясь к удару. Мать, словно чувствуя несчастье, крепко прижала детёныша к себе. Она уже не двигалась. Жалобно смотрели на охотников её большие выразительные глаза. Белёк, прижавшись к матери, успокоился и затих. Вдруг охотники увидели, как две крупные слезы скатились из глаз обречённого зверя.

Степан заколебался. С поднятым в руке кутилом он стоял, не решаясь прикончить мать, так самоотверженно отдающую жизнь за детёныша.

— Не надо, Степан, — глотая слёзы, едва слышно сказал Ваня. — Жалко ведь, дитё своё защищает.

— Зверей всех не пережалеешь. Верно, что жалко, да что делать: нам ведь тоже жить надо! Бей, Степан, — отвернувшись, сказал Алексей.

Но Ваня схватился обеими руками за кутило.

— Не дам матку убивать, не дам, не дам! — повторял он, чуть не плача.

Степан опустил своё оружие.

— А и правда, Алексей... Уважим Ванюшку... Да и зверя жалко, — как-то не-

решительно, точно стыдясь своей слабости, сказал Степан. — Ладно, что ли?

Алексей не сказал ни слова, махнул рукой и стал уходить от нерпихи, продолжавшей лежать так же неподвижно около своего детёныша, спокойно посадывавшего молочко.

Охотники двинулись дальше. Ваня сразу успокоился и развеселился.

Будто в благодарность за доброе дело охотникам не пришлось долго искать добычу. В нескольких десятках метров они снова наткнулись на нерпу.

На обратном пути произошло событие, встревожившее зимовщиков. Охотники, возвращаясь домой, несли на плечах багор с привязанной к нему добычей. Впереди шёл Шаратов, а за ним Алексей.

День был яркий, солнечный. Вдруг Степан остановился и стал протирать глаза.

— Постой, Алексей, что-то в глаза попало. И резь такая в глазах... Ой!.. — не выдержав, вскрикнул он. — Против света и взглянуть нельзя.

Алексей внимательно осмотрел глаза Шаратова.

— Ничего тебе не попало, а беда приключилась немалая. Это слепота от снега у тебя. Прикрой глаза чем-нибудь и иди за мной. Как придём домой, очки тебе сделаю. С неделю дома в темноте посидишь, надо глаза беречь.

Снежная слепота — нередкое явление у зимовщиков, особенно в те времена. Истощение организма отражается и на зрении. Отвыкшие от яркого освещения глаза не справляются с ослепительным светом весенних солнечных лучей. А свет этот, действительно, ослепителен. Подтаившие на солнце снежинки ночью смерзаются и образуют тончайшую корочку. Отражающиеся от поверхности такой корочки весенние солнечные лучи особенно ярки.

По возвращении в избу Алексей сейчас же занялся изготовлением очков для Шаратова. Выстругав ножом две тонкие до-

щечки, он округлил их, как стёкла для очков, и соединил ремнём. В центре деревянных кружочков Алексей проколов гвоздём небольшие дырочки, как раз против зрачка. Надев очки, можно смотреть через эти отверстия, но свету в глаза попадает очень немного. Фёдор очки усовершенствовал, укрепив сбоку кожаные щиты.

Шарапову пришлось посидеть в темноте несколько дней, пока снежная слепота не исчезла. Но света пришлось остерегаться ещё долго, и Степан не расставался с очками.

Спустя две недели, когда солнечная слепота у Шарапова совсем прошла, зимовщики решили добыть оленьей крови, считавшейся среди зверобоев-поморов самой целительной.

Услышав разговор об оленях, Фёдор веселился с нар опухшие ноги.

— Думаю я,— сказал он,— хорошо оленьей в песчовом совике промышлять. Со всем на снегу охотник не виден. Только день надо выбрать не солнечный, а пасмурный, чтобы тени на снегу было меньше, а ещё лучше, чтобы снежок шёл.

Через несколько дней, шив совика из драгоценных шкурок песка, Ваня и Шарапов отправились на лыжах промышлять оленя. Погода благоприятствовала охотникам. Окрестности затянуло морозным туманом. Мельчайшими иголочками оседал он на одежду, ресницах и на бороде Степана.

Они шли медленно, высматривая оленьей. Иногда Ваня взбирался на уступы скал и осматривал низины.

— Олени, Ваня, безрогие сейчас,— рассказывал Степан.— К зиме они рога обязательно сшибут и всю зиму комолыми ходят. К весне вместо рогов шишки мягкие сначала вырастут, а уж из шишек — рога. Немалое время пройдёт, пока затвердеют рога-то. По рогам года олени узнают. Сколько концов на одном роге отрастёт, столько оленю лет... Теперь примечай, Ва-

ноха, тут оленям быть: снегу совсем мало.

Зимой олени обычно держатся на неглубоком снегу. На ровных, без сугробов местах им легче добывать из-под снега сочный и сытный лишайник ягель.

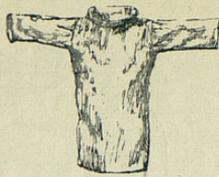
Наконец охотники заметили небольшое стадо. Олени сбились в кучу, и от них клубами шёл пар.

В белых совиках Ваня и Шарапов незаметно подкрались к оленям и, путив две стрелы, убили двух больших животных. Морозец был значительный, и охотники заторопились домой.

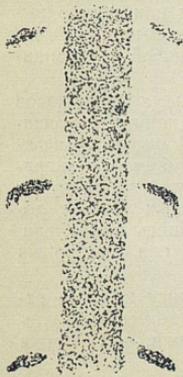
Фёдор от оленьей крови отказался, как отказывался он от сырого мяса. Остальные с удовольствием пили это замечательное противоязвотное средство.

На следующий день Шарапов с Ваней отправились на поиски салаты для Фёдора, которая и под снегом сохраняет свой зелёный цвет.

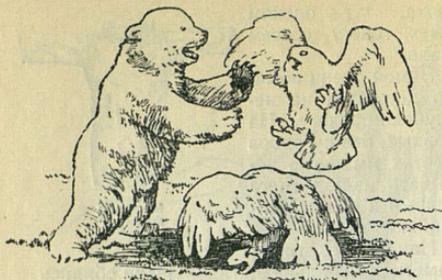
С ними увязался медвежонок. Пушистым шаром катился он вперёд, часто останавливаясь, принохиваясь к следам на снегу. Несколько раз, подняв вверх свою мордочку, он пробовалнюхнуть что-то яркое, светлое, слепящее глаза. И при этом чихал, мотая головой. Ведь с солнцем он по-настоящему знакомился впервые в жизни. Судя по его весёлому настроению, оно ему понравилось. Он то и дело подбегал к лыжникам и порядком мешал им, путаясь под ногами. Вероятно, чувствуя, как неприглядно он выглядит после зимы, проведённой в закопчённой избе, мишка катался по снегу, стараясь отбелить свою шкуру, оставляя за собой грязные пятна. Вдруг медвежонок остановился. Уткнувшись носом в снег, он долго и жадно принохивался к большому, совсем свежим следам, потом свернул в сторону. Охотники, увлекшись разговором, не заметили исчезновения медвежонка. А мишка уверенно бежал по следам, так знакомо и приятно пахнувшим. Они привели его на припай. На льду следы пошли петлями и окончились площадкой, утоптанной большими лапами ошкуча. Как раз посредине её, в небольшой продушине, темнела вода. Медвежонок, вытянув морду, вдыхал приятные запахи. Вот он

Межовая малица.

След тюленя на снегу.

Медвежонок с ворчаньем встал на задние лапы.

остановился и замер, как почуявшая дичь хорошая охотничья собака.

Когда тюлень высовывает в такую отдушину морду, чтобы подышать воздухом, хозяин льдов — белый полярный медведь — хватает его мощной когтистой лапой и одним движением выволакивает на лёд.

Обнаружив наконец отсутствие медвежонка, охотники решили вернуться. Скорые мишкины следы вывели их к морю.

Поморы сразу заметили забавную фигуру медвежонка настороже у тюленьей отдушины и решили подождать: посмотреть, что будет делать мишка дальше. Простояли они немало времени. Им уже надоело смотреть на маленького зверя, который терпеливо, не шелохнувшись, ждал...

Вдруг в тёмной отдушине показалась круглая усатая голова. Она поднялась надо льдом и стала осматриваться. Мишка не выдержал и цапнул голову лапой. Тюленья голова скрылась. А медвежонок, не удержавшись, плюхнулся в воду.

Охотники хохотали до слёз над позорным концом первой охоты. А медвежонок после неожиданной ванны сразу опомнился и, выбравшись на лёд, заковылял рысцой обратно, по своим следам. Мокрый, по-собачьи отряхиваясь на ходу, подбежал он к Ване, лёг на спину и поднял вверх лапы, умильно поглядывая на мальчишка.

Обласкав мишку, охотники снова тронулись в путь.

— А знаешь, Степан, — сказал задумчиво Ваня, — попробовать бы нам с миш-

кой выслеживать тюленей, он нам, пожалуй, поможет находить отдушину под снегом.

— Ну, что ж, давай попробуем, попытка не пытка, — охотно согласился Шараров. — Только чур, пока не рассказывать об этом. А то, ежели ничего не выйдет, Фёдор засмеёт нас с тобой.

По приметам, сделанным ещё с осени, охотники быстро нашли место, где росла салат. Разгребая лопатой снег, они обнаружили ещё одного грумантского зверя, маленькое беззащитное животное.

— Смотри, Ваня, — говорил Шараров, — сколько здесь мышей! Это добыча для песца, его промысел. У мыши этой зимой коготочки на лапах отрастают, чтобы удобнее ходы да норы в снегу копать. В норах прычутся они от песца. Летом мыши рыжими бывают, с чёрной полоской на спине, а зимой белыми, что твой песец.

Медвежонок тоже познакомился с мышками и начал давить их лапами. Но это для него была только игра, есть их он не стал.

— Смотри, смотри, Степан! — бросив рвать салат, закричал вдруг Ваня. — Вот потеха!

На другом конце площадки, расчищенной охотниками от снега, происходила драма. На мишку, придавившего лапой крупную жирную мышь, налетели две белые полярные совы. Страшно вытаращив глаза, они с шипением хлопали его крыльями, стараясь отбить добычу. Медвежонок злобно огрызался и, наконец, бросив добычу, с ворчаньем встал на задние лапы, пытаясь подняться как можно выше. Но совам только того и нужно было; они уже дрались между собой из-за мишкиной добычи.

Ложечной травы за несколько часов охотники нарвали много, набив два мешка, сделанные из оленьей шкуры, и вечером, приготавливая ужин, Фёдор к жареному оленею мясу сделал приправу из мелко нарубленных зелёных листьев ложечной травы. Соскучившись по зелени, все с удовольствием ели полярный салат.

— Вот так старуху-цынгу надолго отгоним. Делать ей у нас нечего, — с удовольствием заметил Степан. — А там и птицы пойдут.

П т и ч ь я г о р а

Шла вторая половина апреля. Солнышко светило теперь круглые сутки.

В низинах, где снегу было меньше, оказалась бугристая почва тундры. Мох, освободившись от снега, закудрявился, отошёл от зимней спячки. Под лучами солнца сугробы быстро таяли. То там, то здесь слышались тяжёлые вздохи оседающего снега. Небольшие озёрки, разбросанные по острову, пятнами стали выступать из снега. Пресный лёд пропитался тальми водами, стал тёмным и рыхлым. Поверхность морского льда тоже изменилась. По высоким торосам снег совсем стаял. На льдинах, нагромождённых в беспорядке по заливу, висело множество сосулек. Сказочно красивыми в лучах незаходящего солнца стали ледяные торосы. Зима построила из ледяных глыб причудливые гроты и пещеры. Теперь эти волшебные сооружения, освещённые солнцем, были наполнены таинственным зелёным светом, а входы украсились сосульками, сверкающими прозрачными колоннами.

Каждый день вносил что-то новое, разрашающее зимний облик природы.

Прошло ещё несколько времени — и около самого берега в морском льду появились небольшие пространства чистой воды, а на пресных озёрках лёд растаял совсем.

Наконец на остров прилетели первые гости — птицы морских побережий. Сначала поморы увидели кайр, чистиков, а потом вдруг сразу много разных горластых, беспокойных птиц заполнило все уступы на высоких скалах, уходящих отвесной стеной в море.

Наступил долгожданный для Вани день. Степан сказал ему:

— Ну, Ванюха, собирайся по яйца, пойдём яичницу добывать. Гнездовье морской птицы началось.

Зная, как опасно лазить по отвесным скалам, собирая птичьи яйца, Алексей с беспокойством взглянул на Степана и сказал ему:

— Береги, Степан, Ванюху... Рисковый он. Не бережётся совсем.

— Будь покоен, Алексей. В этом деле бичева — главное, а бичева у нас крепкая. Я её из тонких ремешков зимой ещё сплёл.

Сборы были недолги, и вскоре охотники, снаряжённые всем необходимым, были готовы отправиться в путь.

— Топор да пику с собой захватите. Нероён час и с ошкучем встретитесь, — провозжая их, наставлял Алексей.

Долго шли на север по берегу Шараров с Ваней в поисках большого птичьего базара. Весенняя дорога тоже не легка, местами ноги утопали по колено в месиве из воды и снега, местами приходилось пробираться по липкой грязи оттаявшей тундры. Наконец они подошли к мысу, где берег резко поворачивал к западу и скалы подходили к самому морю. На конце мыса высокая, саженей в пятьдесят, скала выходила стеной из воды.

Ещё издали охотники увидели большие белые хлопья, будто в пургу, вихрем кружившиеся над скалой. Это были сотни тысяч птиц, неумолчно и разногласно шумевших, как прибой бурного моря. Каких только птиц не было здесь: и чёрно-белые гагарки, и кайры, и чистики, и бурвато-серые буревестники, и много чаек.

Но вот друзья подошли поближе. На высокой отвесной скале, ниспадающей в море, хорошо были видны многочисленные слои горной породы, лежащие почти параллельно. Благодаря неодинаковой плотности скала выветривалась неравномерно. Длинные и узкие, короткие и широкие многочисленные впадины, уступы и карнизы тянулись по всей скале. Иногда из стены выступали над морем большие каменные глыбы. Местами в стене чернели углубления, пещерки. Сверху и до самого моря утёс был унизан птицами. Они занимали каждый карнизик, каждый, самый незначительный выступ. Бело-чёрные живые пятна сидящих птиц было трудно отличить от массы серого птичьего помёта и белых яиц, лежащих прямо в гольях каменных впадинах и в щелях карнизов. У скалы птицы находились в беспорядочном бесперывном движении, перелетая с места на место или кружась в воздухе.

— Вот это птичий базар! Целая ярмарка! — воскликнул с восторгом Шараров. — Тут яиц всю жизнь считать — не пересчитать. Идём, Ваня, прохода на гору поимем. Забраться нам надо вон куда, — указал Шараров на самую вершину скалы.

Пройдя ещё немного, друзья увидели с

другой стороны утёса уступы, поднимающиеся до самого верха. По этим природным ступеням они стали медленно и осторожно взбираться на вершину «птичьей горы». Куда ни глянь, вокруг только скалы с серым лишайником, тесно прильнувшим к шершавой поверхности камня, тёмные ущелья да белые пятна нерастаившего снега. Ни цветка, ни травки, ни мха — ничего живого.

Шарапов привязал короткую верёвку к своему поясу, а другим концом обвязал Ваню. Так они шли, помогая друг другу: когда отступался один, другой его поддерживал. В руках у них были лёгкие багры, помогавшие держаться за каменные выступы.

Но вот после огромного напряжения они оказались на вершине горы.

Степан неколько раз прошёлся взад и вперёд по площадке, стараясь ровнее дышать.

— Ну, отдохнул, браток? — спросил он Ваню. — Тогда начнём.

Шарапов перевязал Ваню несколько раз у пояса концом верёвки, потом перехватил ею грудь мальчика крест-накрест через плечи. Сбоку у Вани был крепко привязан мешок из оленьей шкуры. У пояса висел нож. Руки были свободны. Топор и пика остались у Степана.

— Ну, — сказал серьёзно Шарапов, — теперь, брат, ложись у самого края и ползи осторожно. Смотри, крепко держись за верёвку... А я камень найду, чтобы верёвку привязать. Как крикну я, будешь спускаться понемногу, а мне сигналы давай. Голоса твоего мне не услышать: птицы крик да шум такой поднимут, как в бурю на море. Сигналы верёвкой давай: если один раз дернёшь, — значит, спускать тебя надо, два раза — на месте держать, а три — я кверху тебя поднимать буду. Ползи вон к тому выступу. Он гладкий, верёвку не будет резать.

Охотники поползли осторожно, как кошки. Впереди Ваня, за ним Шарапов. Вот они у самого края обрыва. Ваня взглянул вниз, и... скала будто закачалась под ним.

— Если будет кружиться голова, посмотри на скалу около себя, — услышал он слова Степана, будто догадавшегося о его состоянии. — А главное, не бойся ничего, знай яйца в мешок клади да ни о чём не думай. Как полный наберёшь, дёрни за эту верёвку — я мешок вытащу.

Шарапов проверил ещё раз, крепко ли привязан Ваня, внимательно осмотрел, удобно ли подвязан мешок для сбора яиц. Затем он нахлобучил Ване поглубже шапку.

— А то глаза выхлещет птица-то, — пояснил он.

Ваня стал медленно сползать с края обрыва. Теперь уже голова у него не кружилась. Одна мысль владельца им безраздельно: не бояться, не осрамиться в глазах Степана, быть настоящим охотником.

Шарапов внимательно следил за движениями мальчика, крепко держа верёвку в руках, и был готов в любой момент опустить его дальше или вытащить наверх.

Как только Ваня появился у первых гнёзд, сразу же, как по сигналу, всполошился весь птичий базар. От хлопанья крыльев и резкого крика поднялся такой шум, словно на скалу обрушился внезапно водопад. Птицы тучей окружили утёс.

Держась одной рукой за выступ скалы, другой Ваня уверенно и быстро хватал яйца, стараясь подбирать пёстрые, в крапинках, и клал их в мешок. Иногда он упирался ногами в выступ скалы и закрывал лицо руками; чайки густой тучей облепляли его, стараясь ударами крыльев и клювами отогнать дерзкого врага. Понемногу наполняя мешок, Ваня то и дело подавал сигнал опускать его ниже, пока ноги его не коснулись широкого карниза, расположенного почти посередине скалы. Птичьих гнёзд здесь почему-то не было. Совсем близко от Вани, смешно растопырив лапки и быстро махая крыльшками, держалась в воздухе птичка на одном месте кайра. Брюшко у птички между лапками было совсем голенькое.

«Для детей себя не пожалела, весь пух на гнездо выщипала!» — догадался мальчик.

Ваня с наслаждением отдыхал, поглядывая по сторонам. Внизу, под ним, неслышно плескалось о камни море. Он весело глянул вверх и сквозь белые хлопья всё ещё носившихся в тревоге птиц увидел голову Степана. Мальчик дёрнул за тонкую верёвку, и мешок с богатой добычей пополз кверху.

Готовясь к подъёму, Ваня оцупал верёвку у пояса. Потом обернулся и замер: в двадцати шагах от него, прижимаясь к скале, стоял большой белый медведь. Видимо, он давно с любопытством смотрел,

Ваня, медленно покачиваясь, начал подниматься.

как опускался Ваня, а когда мальчик оказался на уступе, медведь решил, что это его законная добыча, и смело пошёл на него.

Правой рукой Ваня инстинктивно схватил нож, а левой дёрнул три раза за верёвку.

Медведь подошёл совсем близко и протянул когтистую лапу. Мальчик быстро отпрянул, полоснув по ней ножом. В этот момент верёвка натянулась, и Ваня, медленно покачиваясь, начал подниматься. Медведь со злобным рычанием стал на задние лапы и, подняв морду, тянулся за ускользающей добычей. Только сейчас Ваня догадался, почему на этом выступе не было птичьих гнёзд: видимо, звери легко могли добираться сюда.

Вот наконец и верх скалы! Мальчик схватился руками за край обрыва и ловко выбрался на вершину.

— Ну, съел бы ошукй вместо нас яицицу и меня вместе с ней! — говорил Ваня, возбуждённо смеясь. — А там мне не до смеху было. Ошкуй-то, видно, давно меня поджидал. Не оглянись я, удержишь хоть чуть-чуть — и конец мне. Спасибо, Степан, быстро ты меня вытянул!

— Птицы, Ванюха, тучей носятся, я и тебя-то не всегда видел. А ошукя и вовсе не заметил. Увидел бы зверя, без сигнала вытасил бы тебя наверх. А ты, смотри, ошкуев-то остерегайся, уж второй раз на тебя зарятся. Третьему разу, говорят, не миновать.

Оживлённо и весело беседуя, товарищи стали спускаться с птичьей горы.

Больше всего в мешке у Вани оказалось яиц кайры.

— Совсем как куриные, и вкус такой же, — повторял Ваня, — только белок прозрачный. А скорлупа-то какая — толстая да пёстрая!

— Ты заметь, Ванюха, — сказал Степан, — у кайры яйца, как груша с виду. Поэтому и держатся они на голом камне. На самом краю лежат, а не падают. Куриные бы давно в море были.

Быстро проходили дни и ночи, озарённые незаходящим солнцем. На острове делалось всё оживлённее и оживлённее. Лето вступало в свои права.

Однажды, выйдя рано утром из избы, Алексей услышал знакомый скрипучий клёкот гусей. Над головой в розовых лучах солнца, низко стоявшего над горизон-

том, он увидел летящих с юга птиц. За одним углом плыл другой, третий... Перелёт водоплавающей птицы с юга на север начался.

«Ну, значит, совсем лето», — подумал Алексей и громко позвал:

— Ваня, Степан, Фёдор, выходите смотреть, как гуси летят!

Все выбежали из избы. Стая за стаей пролетали гуси. В светлом небе были видны отчётливыми точками отдельные птицы. В безмолвии наблюдали за ними поморы.

Кит на Гусином озере

В июне пришли туманы и частые дожди. Зашумели бесчисленные речушки и ручейки, несущие с гор мутные талые воды.

Всё живое спешило использовать кратковременное полярное лето.

По защищённым от холодных ветров южным склонам, по впадинкам и небольшим лужайкам на серо-зелёном мягком ковре из лишайников и мхов пестрели яркие крупные цветы. Белые, жёлтые и красные камеломки, синие стилистницы, голубые колокольчики, жёлтые лютики, голубые незабудки, яркий полярный мак, гравилат.

Все эти растения приобретали здесь особый облик. Они были низкорослыми, жались к земле, как бы ища защиты от холода. Листики их расстилались внизу, и среди мхов поднимались только крупные яркие венчики цветов.

Нарядная пестрота тундры веселила взор. Но стоило только солнцу закрыться тучами — и яркий день сразу темнел. Полярные цветы закрывали свои венчики, вся растительность блекла, принимала однообразный, серый вид.

Заметно увеличился животный мир острова. Прилетевшая с юга водоплавающая птица — гуси, утки, лебеди — шумела на разные голоса, расположившись на озерах, разбросанных по береговой низине.

В середине июля у птиц началась линька. Некоторые птицы при этом сразу теряют много перьев и летать не могут. Линный гусь, например, в это время смиренно сидит, притаившись где-нибудь, чувствуя свою беззащитность.

Шарапов с Ваней ежедневно ходили теперь на охоту за утками и гусями. Они

— Гуси-лебеди с родимой землицы-матушки летят. Эх, как бы вы, птицы милые, письмецо дорожное из дому принесли! — воскликнул Степан.

Это восклицание навеяло на всех печаль. Но вместе с тем поморы почувствовали с новой силой возможность своего освобождения из плена. Вслед за стаями гусей полыхнут по Студёному морю и лодьи промысловые. И, может быть, скоро окончится зимовье.

Так гуси-лебеди принесли надежду на освобождение.

облюбовали одно из больших озёр, расположенное в десяти верстах от зимовья. Степан назвал это озеро гусиным. Только вчера они принесли оттуда домой пять жирных гусей и несколько уток.

— Ну и гуси, прямо как на подбор! — говорил с восхищением Фёдор.

— А как же, конечно, на подбор, — смеялся Шарапов. — Птица-то вовсе дурная стала, палкой били, ну и выбирали, что покрупнее да пожирнее. Выбор велик, как на базаре.

Гусей и уток жарили, варили и коптили впрок: знали, что охота на них не будет продолжительной.

Для Вани и Степана это была не только охота, но и чудесная прогулка. По пути их радовали яркие полярные цветы. Возвращаясь домой, Ваня всегда приносил букетик цветов.

Гусиное озеро было, собственно, не озером в полном смысле слова, а обширным мелководьем, образовавшимся от скопившихся талых вод. Огромным полукруглым заливом вдавалось оно в глубь острова, отодвигая отвесные стены прибрежных скал вёрст на пять от морского берега.

Здесь, под высоким утёсом на берегу озера, поморы частенько устраивались на привал, отдыхая после охоты. Они всегда с большим интересом наблюдали ключом бьющую вокруг жизнь и с горечью думали, что скоро летняя пора сменится мертвящей снежной ночью с однообразным завыванием ветра.

Некоторые птицы совсем не боялись людей и близко подпускали к себе. А были и такие, что сами подходили к охотникам, с любопытством поглядывая на непонятных бескрылых пришельцев.

— Вон, смотри, Ваня, — объяснял Степан, — серые гуси, гуменники, издалека поглядывают. Хитрее птицы нет. Хоть и летать линный-то не может, а попробуй догнать его — и собаке не угнаться. Ты и мигнуть не успел, а он уже в камнях спрятался. А глянь туда, там белолобые гуси, — эти куда глупее серяка. А вот чёрный гусь, казаркой прозывается. Вон, вон, смотри, сидят они под той скалой! Казарка — это уж просто дура несусветная. Так и лезет сама в руки. Случается иной раз, прямо в избу заходит, чуть в котёл не прыгает, то ли сослепу, то ли от дурасти.

Вокруг них слышались утиное кряканье, пронзительные крики гагар, звонкие голоса куликов, гоготание гусей, куканье лебедей.

Озеро кишело недавно выведенными птенцами. Их пискливое щебетанье вливалось в общий концерт.

Иногда среди птичьих голосов слышался визгливый лай пса. Вертясь вокруг озера, песец тщательно обнюхивал каждый камешек, каждую кочку, маленькое болотце в поисках яиц и птенцов. А порой и взрослая зазевавшаяся птица попадала на обед хищному зверьку, если, конечно, она оказывалась ему по силам.

Поверхность озера и берега его были усыпаны пухом и перьями лиявшейся птицы. «Ну и ну, — думал Ваня, — если все эти перья собрать — не одну лодью нагрузить можно!»

Однажды недалеко от берега, на мелководье, Ваня заметил какие-то торчащие из воды брёвна. Он подошёл поближе и стал внимательно рассматривать их. Ему показалось, что это были чьи-то кости, только очень уж крупные.

— Степан, иди-ка сюда, — позвал Ваня.

Подошёл Степан. Общими силами друзьям удалось освободить из-под илистого, ещё мёрзлого грунта большую кость. Похоже было, что это часть огромного черепа. Ваня и Шарапов, заинтересованные необычайной находкой, стали разрывать палками грунт. После долгих усилий откопали весь череп и увидели, что он соединяется позвонками со скелетом громадного животного.

«Больно уж велика животина», — думал Шарапов, рассматривая со всех сторон череп, оказавшийся около трёх аршин длиной.

Шарапов с Ваней ежедневно ходили на охоту за утками и гусями.

В это время Ваня вытянул из-под гигантских костей какие-то пластины.

— Да это китовый ус! — закричал Степан. — Это кит, Ванюха. Смотри-ка, вот и рёбра торчат. А позвонки-то, позвонки-то, как чурбаны хорошие!

Около черепа нашли несколько сот пластин китового уса. Прикинув на глаз длину скелета, Шарапов задумался и как бы про себя сказал:

— Ну как же такая махина целёхонькой оказалась, да ещё за пять вёрст от берега морского? Вот задача! Как кит сюда попал?

— Я тоже об этом думаю, — ответил Ваня, — непонятное что-то.

Думая об одном и том же, они оба обернулись и посмотрели на море. Полукруглая широкая долина, часть которой занимало озеро, постепенно расширяясь, сливалась с прибрежной полосой.

— Да, море отсюда далеко, — сказал в раздумье Степан. — Ну-ка, Ванюха, давай посмотрим, нет ли ещё чего-нибудь около кита-то.

Охотники внимательно обследовали дно озера.

— Посмотри, Степан, я ещё что-то нашёл, — позвал Ваня, очищая от ила какой-то чёрный предмет.

Оказалось, что это была полусгнившая дубовая доска. А немного дальше торчал толстый корень какого-то дерева.

— Да это плавник, вот так штука! — воскликнул мальчик. — Ну, я теперь понял, Степан, в чём тут дело. Раз здесь

плавник, значит, сюда море доходило. Горы-то почти у самого берега были. Сюда волны морские плавник выносили, волны и кита мёртвого, а может быть, и живого ещё выбросили. А он, видишь, застрял в камнях. Назад ему ходу уж не было.

— Правильно, Ваня. Только море приливной водой могло такую махину сюда принести. А в обрат взять — не осилил океан-батюшка! Вот и застрял кит в камнях. Ведь махина! С лодью хорошую, пожалуй, будет!..

Всю дорогу домой друзья делились своими предположениями, прикидывая, где было раньше море и где проходил берег.

— А знаешь, Степан, когда я за яйцами по скалам лазил, как сейчас помню, около площадки, где медведь стоял, все выступы и впадины сглажены были. Волна морская только так сгладит камень может. Да только высоко больно!

— Высоко, это верно, — подумав, согласился Степан, — а по всем приметам, Ванюха, море-то здесь раньше не в пример выше стояло.

Охотники были правы в своих догадках, хотя, конечно, не могли знать, что остров Грумант очень медленно, на 0,7 метра в столетие, поднимается, делается выше. Происходит это вследствие таяния ледников на его поверхности. В ледниковый период массы льда давили своей тяжестью на остров. Под их давлением большие участки земной коры вместе с островами и частью материка понизились. По мере таяния ледников участок суши освобождается от лишней нагрузки и понемногу подымается.

Только медленным поднятием острова можно объяснить, почему поморская промысловая изба, которую наши мореходы обнаружили на острове, оказалась далеко от берега. Эта изба подтверждает давность русских промыслов на Груманте. Поморы, найдя избу, сочли её очень древней. И они были правы. Судя по тому, насколько отступил берег, изба могла быть построена 300—400 лет назад.

Дома Алексей и Фёдор выслушали с огромным интересом все подробности находки скелета. Предположение Вани и Шарапова насчёт отступившего моря Алексей слушал с особым вниманием, часто задавая вопросы: как лежал кит, где нашли плавник, далеко ли море от озера, как расположены горы, полого ли идёт к морю берег?

За разговорами забыли об ужине, но когда сели за стол, разговор шёл всё о том же — о китах на Груманте. Алексей рассказал товарищам о том, что ему приходилось слышать, а кое-чему он был и сам свидетелем.

— Старики рассказывали, китов этих промыслять раньше, в новгородские времена, смыслу не было. Тогда клыкки моржовые в большой цене были. А моржей по островам тьма была. Клыкки-то по грумантским берегам так собирали. Кладбища целые моржей находили.

— И сейчас по берегу клыков моржовых да черепов много, — заметил Ваня.

— Есть и сейчас, да в старину куда больше было. А как ворвань в цену пошла, да и моржей поубавилось, хотели наши поморы китов добывать, да куда там! Иноземцы вокруг все воды заполонили. Государства между собой за китовый жир в бой вступали, с пушками да с войсками корабли приходили. Куда уж русскому мужику в такое дело нос совать, ежели за нами защиты никакой нет! И без того иноземцы, как звери лютые, на поморян смотрели. Грабили их да лоды топили; моржей — и тех промыслять не давали.

— Соперников, видать, на промыслах болись: знали, что супротив поморов во всём мире промышленников не найти.

— Ну, а сейчас как, отец? Почему сейчас у наших охоты на китов нету?

— Да и сейчас неладно. Вот недавно, уж на моей памяти, это было, сам царь Пётр велел промысла китовые для России завести. Корабли большие велел построить. Корабли-то только через два года после его смерти готовы были. Тут надо бы на промысла выходить. Да нет, иноземцы и здесь правителей наших вокруг пальца обвели. Слыхивал я, рассказывали, будто голландцы в Питере хвалились: поморам, мол, промыслять кита нельзя доверить, не учёны, дескать, этому, без кормщиков голландских и гарпунёров китов запромыслить не смогут. И поверили ведь им, голландских китобоев назначили. Вот и напромышляли голландские китобои для России! Шестнадцать лет уж, как три корабля больших за китами к Груманту ходят, да всего-навсего трёх китов упромыслили. Смех, да и только! А в Архангельске купцы зело недовольны были. На убытки обижались. Поморов наших, что матросами на тех ко-

Общими усилиями друзьям удалось достать из илистого грунта большую кость.

раблях служили, допрашивали. Поморы всю правду, как есть, начальству обсказали: мол, кормишки голландские не хотят, чтобы русские китов били. Порчу только на промыслы наводят.

— Тут и выгнать надо было мореходов голландских и поморов наших поставить, — опять не утерпел Ваня.

— Правда твоя, Ваня, надо бы, да не так дело обернулось. Слышно, будто деньги китобои голландские от государства своего получали, чтобы промыслу китовому у русских не быть. И начальники наши тоже куплены были.

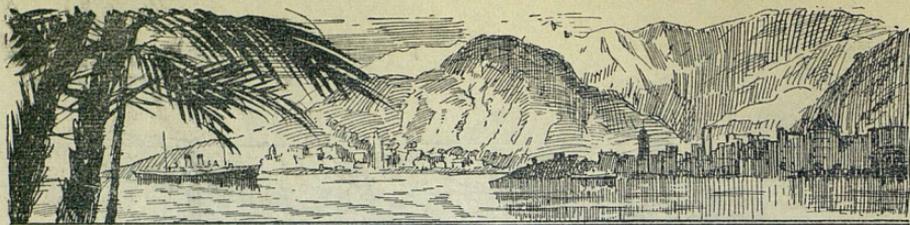
Напрасно думал Алексей заснуть в эту ночь. Сон не шёл к нему. Взбудораженная последними событиями мысль невольно возвращалась всё к одному и тому же. Изба была, конечно, когда-то на самом берегу. Какой помор за тридевять земель

от моря избу строить будет? Думал Алексей и о том, что пора им перебраться к морю, в то зимовье, что у Крестового Мыса. Эта изба далеко от берега и давно заброшена, а то зимовье на памяти у промышленников, зверобойная лодья может подойти к нему в любое время. Но как быть с запасами, которыми они незаметно обросли? Куда их деть? У них было уже немало оленьих, медвежьих и песцовых шкур. Моржовых клыков много. На руках всё это не перетащишь, а бросить жалко.

«Карбасишко надо соорудить хоть какой-нибудь или лодчонку. Морем тогда вдоль берега в тихий день пройдем до самого становища. Всё, что нужно, с собой прихватим...

...Завтра же работу начнем», — твёрдо решил Алексей.

(Продолжение в следующем номере.)

НАРОДНЫЙ ПЕВЕЦ

Густые, непроходимые заросли сахарного тростника. У нищей, крытой тростниковыми стеблями хижины собрались измученные дневной работой полуголые негры. Под жалобные звуки полуразбитой гитары они поют песню — песню о горе и надежде.

А вот окраина города. И там те же хижины, те же измученные, оборванные люди — негры, мулаты, белые. Те же звуки гитары, та же песня.

Спросите, кто написал эту песню? Один ответит: «Не знаю». Другой скажет: «Народ!» А третий удивленно воскликнет: «Как, вы не знаете?! Её написал наш поэт, поэт кубинского народа, Николас Гильен».

Тяжела жизнь кубинцев.

Куба считается независимой республикой. Но на самом деле это американская колония. Американцы скупили на Кубе огромные участки земли и стали разводить там сахарный тростник. Кубинские помещики тоже начали вырабатывать сахар и совсем перестали сеять пшеницу и кукурузу. Так плодородная Куба осталась без хлеба и превратилась в американскую сахарную плантацию. Собственной промышленности и собственного хлеба на Кубе почти нет.

Кроме США, никто не покупает кубинский сахар. А США покупают сколько хотят, когда хотят и по цене, которую они сами назначают.

Огромные пространства кубинской земли пустуют. Но американцы не позволяют жителям сеять пшеницу, кукурузу и другие культуры. А кубинский народ — и особенно негры — голодает, хотя земля могла бы прокормить не пять миллионов своих обитателей, а гораздо больше.

Из десяти кубинцев шесть работают на сахарных плантациях. Это изнурительный

труд. Работать приходится под палящим солнцем, быстро и напряжённо, чтобы срезанный тростник, твёрдый и колючий, не портился, не терял сахаристости. Почти вся работа делается вручную. Оплачивается она жалкими грошами, а продовольствие приходится покупать втридорога у американской компании или у помещика. Очень часты несчастные случаи, но ни больниц, ни врачей, ни даже лекарств нет.

На Кубе очень много безработных. Тысячи семей бредут от плантации к плантации, ноуя под открытым небом. Квартирная плата высока, а для безработного она просто непосильна.

Куба — рай для американских туристов. Им предоставлено всё: роскошные гостиницы, огромные парки, пляжи с шелковистым песком, лучшие в мире сигары, ароматный кофе, ананасы, бананы, кокосовые пальмы... Но рядом с роскошью — жалкие хижины, грязь, земляные поля... Большинство населения ходит в лохмотьях; никогда не видит мяса, питается кукурузными лепёшками, и даже дети никогда не пьют молока. Тысячи нищих просят подаяния, десятки оборванцев кидаются к туристу, — может быть, он даст им какое-нибудь поручение: велит отнести покупку, показать дорогу... И американцы иногда презрительно швыряют им медную монетку: «Лови, кубинская обезьяна!»

Моя родина кажется сахарной.
Но сколько горечи в ней!
Моя родина кажется сахарной,
Она из зелёного бархата,
Но солнце из желчи над ней, —

пишет Николас Гильен о своей стране.

С раннего детства Гильен слышал песни, то весёлые, то грустные, то плясовые, то

жалобные. Их распевают под заунывные стоны гитары. Кубинец, в особенности негр или мулат, никогда не расстаётся с гитарой; у него нет работы, нет жилья, нет хлеба, но гитара всё-таки висит за плечом. Музыка кубинских песен очень своеобразна: в ней слышатся и африканский барабан «там-там», и всплески волн, и старинные негритянские напевы, и ритмы испанских танцев. А слова обычно очень просты, даже наивны, но идут из самой глубины души.

Гильен много бродил по стране, жил с неграми, батраками, рабочими. Он узнал их жизнь, и она стала его жизнью. Он сделался народным поэтом своей страны.

В своих стихах Гильен поёт о кубинском народе, о его беспросветной жизни, о его

мечтах и надеждах. Он поёт о том, как убивает батрак жестокого плантатора, как негр умирает от голода; о том, как выгоняют из квартиры безработного; поёт о том, как встают кубинцы против своих угнетателей, как ненавидит народ американских захватчиков, отнявших у него землю и свободу, построивших тюрьмы и застенки.

Вместе со всем народом он ненавидит американцев и требует в своих стихах, чтобы они убились прочь из его страны.

Николас Гильен — коммунист, один из виднейших борцов за мир. Всё своё творчество Гильен отдаёт народу, и народ знает и любит его песни. Их поют не только на Кубе, но и по всей Латинской Америке.

О. Савич

БАЛЛАДА О СИМОНЕ КАРАВАЛЬО

Николас Гильен

Поёт Симон:

— Ах, был у меня свой домок,
была жена у меня!

Я —

негр Симон Каравальо,
голодаю сегодня я.

Жена от родов скончалась,
и отняли дом у меня.

Я —

негр Симон Каравальо —
не танцую и не пою
и себя уже не узнаю.

Я —

негр Симон Каравальо —

в подворотне сегодня сплю;
кирпич мне служит подушкой,
постель на земле стелю.

Чесотка меня съедает,
ревматизм — ни встать и ни сесть,
всю ночь дрожу под луною,
а утром нечего есть.

И рукам моим нечего делать,
но я им дело найду:

я —

негр Симон Каравальо,
кулаки мои крепко сжаты,
кулаки мои крепко сжаты.

Я должен найти еду!

— Симон, полицейский едет
на кляче — чёрные шоры!
(Симон упорно молчит.)
— Симон, полицейский едет,
гремят жестяные шоры!
(Симон упорно молчит.)
— Симон, полицейский едет
с пистолетом, с резиновой палкой,
с лицом, перекошенным злобой:
он слышал, как негр распевает,
он рёбра твои сосчитает,

забытых песен певец,
гитары своей вдвоец!
(Симон упорно молчит.)
Подъехал злой полицейский,
огромный, усатый, суровый,
на кляче подъехал рысью.
— Каравальо, ты арестован!
(Но Симон и тут не поднялся:
Симон — скончался.)

(Из книги «Вест-Индия»)

ПЕСЕНКА О КВАРТИРНОЙ ПЛАТЕ

Опять не внёс квартирный взнос
и, стало быть, молчи;
нехорошо стоит вопрос,
неразрешим вопрос:
монеты нет — верни ключи.

Свободное жильё найдётся —
вздохи и промолчи,
свободного не подвернёшься —
и тут молчи.
Хозяин скажет: «Да, печально...» —
Вздохи и промолчи.
И если скажет: «Очень жаль, но...» —
и тут молчи.
И если ничего не скажет —
молчи.
Всё будет, как тебе прикажут,
а ты — молчи.
Не ты, другие держат палку,
и, стало быть, молчи,
и, если вышвырнут на свалку, —
молчи!

Спокойно, сосед, спокойно,
давай спойм что-нибудь.
Идёт к нам домохозяин,
он сможет нам подтянуть.
Хозяин, минуту внимания!
Вчера меня суд вызывал.
«Ну да, не плачу, — я сказал, —
ведь я безработный, в кармане
блоха на аркане».
На улицу я не пойду:
там дождь так и хлещет повсюду.
Сами, хозяин, скажите,
сами скажите:
не у вас ли лечиться я буду,
когда я схвачу простуду?
Я знаю дома пустые,
квартиры без квартирантов,
а я — сиди сложа руки,
когда столько мест есть вакантных!

Спокойно, сосед, спокойно,
давай спойм что-нибудь.
Идёт к нам домохозяин,
он сможет нам подтянуть.

Вы, может быть, просто трус?
Нет, сеньор,
Я не трус. Ничего не боюсь,
Никуда не уйду. Остаюсь.
Да, сеньор,
я здесь остаюсь,
да, сеньор,
остаюсь!

(Из книги «Песни для солдат и
звуки для туристов»)

Перевёл с испанского О. Савич

НА ШКОЛЬНОМ УЧАСТКЕ

Б. Шатилов

ЗЕЛЕНЬ УГОЛОК

антауровская школа стоит у берёзовой рощи, на краю откоса, круто обтекающего вниз, к тихой прозрачной речке Динде с низкими песчаными берегами.

На откосе был когда-то неприглядный пустырь, поросший бурьяном. На лужайке у берега бродили козы и гуся. А сейчас здесь пришкольный участок — самый красивый, самый цветущий уголок во всём селе Кантаурове.

Он занимает два гектара. Везде школы цветник. Вниз по откосу спускается питомник тополей и ясеней, зеленеют бахчи, ещё ниже — мичуринский виноград, молодые яблони, вишни, смородина, малина, земляника, а дальше вдоль берега речки тянутся аккуратные, ровные грядки, на которых растёт около двухсот пятидесяти видов разных культурных растений — от простого лука и капусты до китайской чумицы и мексиканского томата физалиса.

Если вы зайдёте на участок в июне или в июле, вас поразит прежде всего пестрота красок и обилие всевозможных растений. Чистота и

порядок на грядках, беседки, дорожки, посыпанные золотистым песком, — во всём чувствуются заботливые, трудолюбивые руки.

На горе, в школе, тихо. Окна закрыты, на двери замок. Не звенит звонок на перемену, не слышно в коридорах весёлого шума ребячьих голосов. Каникулы. Но школа живёт, школьники не распрощались с ней до первого сентября, как это порой бывает в других местах. Только не ищите ребят в коридорах и опустевших классах. Они на участке. Жизнь школы передвинулась сюда, на аккуратные зелёные грядки, в цветники, ягодники. Ребята полют грядки, уничтожают вредителей, тщательно записывают и зарисовывают свои наблюдения в тетради. Вот девочка измеряет стебли растений: намного ли выросли? Вон два мальчугана снимают какие-то чёрные колпачки с макушек долговогого топинамбура. Что за колпачки? Зачем растению эти странные головные уборы? Об этом речь впереди...

А солнце печёт. Река рядом играет ослепительным блеском. Лес вдали за рекой манит прохладой, но ребята, словно забыв об этих соблазнах, склоняются над своими грядками и клумбами. Кто же их принуждает работать?

Никто и не принуждает. Учитель ботаники и биологии Сергей Александрович Селифонов говорит:

— Хочешь работать, работай, не хочешь — не надо...

Это — его правило. И, тем не менее, все ребята приходят сюда, потому что здесь им интересно. Самые маленькие и самые большие школьники неразлучны со своими зелёными питомцами. Что же так влечёт сюда ребят? Какая притягательная сила заставляет их променять лес и речку на делянки пришкольного участка? Если присмотреться внимательно к тому, что делается на грядках, это станет понятным.

Вот топинамбур, южное растение. Зачем надевают на него ребята чёрные колпачки? Затем, что без этого на широте наших центральных областей он не даёт семян. Но при чём тут колпачки, спросите вы. Дело очень простое. На родине топинамбура — в субтропиках — летом день короче, чем у нас. Там зarya с зарёй не сходится, как в Горьком или под Москвой. Казалось бы, тем лучше, ведь растению нужен свет, много света! Но вот на деле получается не совсем так. Оказывается, у разных растений разные привычки, с которыми надо считаться.

Карликовая полярная берёзка, привыкшая к бесконечному летнему дню с незаходящим солнцем, зачахла бы у нас от недостатка света, а топинамбур и многим другим южанам нужна смена дня и ночи, света и темноты. Они не могут ни цвести, ни давать семена в наших широтах, если на помощь не придёт разум человека. Человек может устроить ночь среди бела дня, когда захочет; он и устраивает её для растений-южан, для растений короткого дня. Ещё далеко до сумерек, ещё солнце не скрылось за горизонтом, а кантауровские юнаты ходят среди грибов и надевают чёрные колпачки на стебли топинамбура. Ему «пора спать». Ведь на юге уже зажглись звёзды на синем бархатном небе!

Летом рано светает, уже в три часа совсем светло. Но для топинамбура утро наступит в семь — восемь часов, когда придут ребята и снимут с него колпачок. И вот топинамбур зацветает на ребячьих грядках и к осени успевают дать семена.

Точно так же помогают цвести и созревать другой южанке — сое. А георгины, которые принято у нас считать цветами поздней осени, в цветниках кантауровской школы начинают цвести в июле. Когда ростки георгинов достигают пяти — шести сантиметров, ребята прикрывают

Куст картофеля ребята заставили «работать» вдвойне: под землёй развиваются клубни, а на крепких стеблях зреют плоды привитых томатов.

их щипками в восемь часов вечера и открывают в восемь утра. Свет действует на них не семнадцать — восемнадцать часов, а всего двенадцать.

Школьники сажают и сеют разные культуры разными способами, но у всех у них одна задача — изучить жизнь нужных человеку растений, условия, при которых они могут дать наибольший урожай.

Так пятиклассники изучают на своих грядках различные способы размножения картофеля — семенами, клубнями, верхушками клубня, глазками, черенками, ростками — и на опыте узнают, какой из способов даёт больший урожай.

А вот грядки с вегетативными гибридами. Пышный куст картофеля. На нём летом краснеют плоды томатов, а осенью ребята выкопают из земли его смуглорозовые клубни. На могучих плетях тыквы зреют ароматные дыни. Не только терпение и трудолюбие нужны, чтобы делать такие прививки. Нужны ловкие и послушные пальцы: ведь это работа такая же тонкая и сложная, как работа хирурга.

Старшие школьники заставляют расти в Кантаурове арбузы, лён, ветвистую пшеницу, виноград, актинидию, кукурузу, сою, кок-сагы, чумизу, фисалис, арахис и множество других растений, которые в Горьковской области никогда не росли.

Синие банлажаны уже почти созрели. Каждый плод на кусте измерен, сделаны зарисовки в дневнике.

ДРУЖНАЯ ВЕСНА, ДРУЖНОЕ ЛЕТО

огазду раньше, чем это можно заметить в природе, приходит весна в кантауровскую школу. Ещё кругом лежит снег, ещё бужут метели, ещё далеки такие предвестники весны,

как отметки за третью четверть, а в отрядах и на комсомольских собраниях уже идёт речь о лете, о летних планах.

Весна в кантауровской школе начинается с того, что каждый пионер думает, какими опытами он займётся на пришкольном участке, и делает свою заявку. Уже в январе Сергей Александрович вывешивает общий план летней юннатской работы.

Каждый, кто задумал выращивать какое-либо растение, принимается изучать своего будущего питомца, читает небольшие книжечки о том, как его выращивать, допытывается, что он любит и чего не любит.

А дальше все начинают заготавливать семена, проверять их, выращивать рассаду в теплице, нарезать черенки смородины и заготавливать этикетки для будущих своих грядок: колышек с

прибитой к нему дощечкой, надпись на которой сообщает, какой ученик какого класса какое растение выращивает.

И вот когда наконец сойдёт снег, подсохнет земля, зазеленеют лужайки перед школой, на участке начинается кипучая деятельность. Около трёхсот пятидесяти школьников с весёлым говором и песнями готовят почву под посев, разделяют аккуратные, ровные грядки, вбивают в них этикетки, расчищают дорожки и начинают сажать и сеять.

С первого же дня подготовки к севу у каждого появляется тетрадка. На обложке крупными буквами выведено название выбранного растения. В таких тетрадках каждый изо дня в день аккуратно ведёт дневник, зарисовывает первые ростки, цветы и плоды растения.

Весной, ещё во время школьных занятий, ученик работает на своей грядке и ежедневно наблюдает за развитием подопытных растений. Одноклассники, которые проводят примерно одинаковые опыты, объединяются по семь, по восемь человек и помогают друг другу.

ВСЕ ЗА ОДНОГО, ОДИН ЗА ВСЕХ

кончились экзамены. Настали каникулы. Многие ребята живут не в Кантаурове, а в окрестных деревнях за четырёх—пять километров от школы. Они не могут прийти

каждый день. Кто же будет ухаживать за их растениями и наблюдать, как они развиваются? Неужели заглохнуть грядкам, зарости бурьяном?

Нет, в Кантаурове так не бывает. Дежурные — всего человек двадцать — работают на участке в течение недели не только за себя, но и за своих товарищей, не на одной, а на семи — восьми грядках; каждый ведёт записи и зарисовки в семи — восьми дневниках.

Дежурства спланированы так, что за лето каждый школьник — не только кантауровский, но и из самых дальних деревень — дежурит в течение недели.

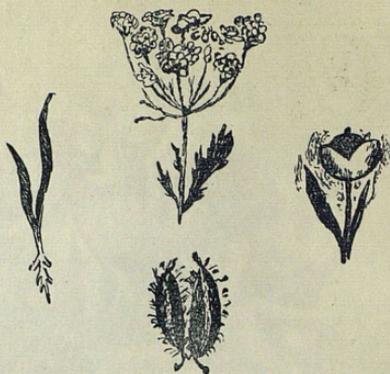
Старший дежурный — мальчик или девочка из девятого класса — принимает участок, составляет план работы на неделю, ведёт свой дневник, в котором отражаются все события и вся жизнь ребят на участке — их поведение, их трудолюбие.

Чуть не в два человеческих роста поднялась конопля на школьных грядках.

Летом в Кантаурово, на пришкольный участок, часто приезжают экскурсии учителей из разных районов, пионеры из окрестных лагерей, колхозники. Старший дежурный обязан их встретить, провести по участку и рассказать, что и как выращивают кантауровские школьники. Он всё должен знать на участке.

Вот выписка из дневника старшей дежурной Альбины Дорониной. В дневнике ярко отразились и волнение и горячая любовь к дружной работе на пришкольном участке:

Росток, соцветие, цветок и семя моркови. Рисунки из юннатского дневника.

«22 августа. Первый день моего дежурства! Пришла пораньше и думаю: что же сулит мне этот день? Как построю работу? Будут ли слушаться меня мои помощники? Придут ли все сразу?»

С утра день пасмурный. Тучи заволокли всё небо. Часам к восьми застучал мелкий дождь. Что будет дальше?

Ещё вчера я приняла участок, проверила все культуры. Интересно собрание нескольких сортов капусты. Меня поразило, как человек путём искусственного отбора выработал такое разнообразие листьев у капусты. А маки! Какие чудесные маки! А лён!.. Он уже отцветает. Оппадают цветы, остаются коробочки с семенами. Проведёшь рукой, и они звенят, словно крошечные бубенчики. Приятный, ласковый звук! Да, здесь всё интересно!

...Напрасно я волновалась. Несмотря на дождь, все пришли во-время. Цветкову и Евдокимову я поручила уничтожить гусениц на капусте. Евдокимов работает быстро, прилежно, чувствует ответственность за свою работу. Цветков же немножко ленился, но потом и он взялся за дело как следует.

В 11 часов были гости из кантауровского колхоза, четыре человека. Восхищались обилием и многообразием культур на нашем опытном участке, оценивали, какую пользу может принести колхозу каждая культура. Особенно заинтересовались топинамбуром, когда я сказала, что клубнями его можно отлично откармливать скот, а из длинных стеблей делать силос — тоже хороший корм для скота...»

РАДОСТНЫЙ ИТОГ

ентябрь. Кончились каникулы. Поздоровевшие, весёлые, подросшие за лето школьники на переменах и после уроков бегут на участок, с интересом осматривают, в каком состоянии их грядки, что на них выросло. Снова здесь дарит оживление, звучат песни, смех.

Снова около трёхсот пятидесяти человек работают каждый на своей грядке, собирают урожай, пишут отчёты — готовятся к выставке.

Школьная выставка устраивается обычно в октябре. В зале школы на стенах и на стендах вывешиваются образцы растений, плодов с указанием, кто вырастил и какой снял урожай. Тут и виноград, и морковь, и арбузы, и голозёрный ячмень, и ветвистая пшеница, и джут, и кенаф, и яблоки, и такие плоды и растения, о каких в Кантаурове прежде и не слышали.

В день открытия выставки вечером собираются школьники, их родители, колхозники, приезжают учителя из соседних школ, из района и даже из Горького. Это праздник не только для школы, но и для колхоза. Сергей Александрович Селифонов подводит итоги летней работы, оценивает работу ребят. Потом сами ребята рассказывают, какой урожай они собрали на своих грядках.

Выставки с отчётными докладами не проходят бесследно. Уже сейчас два колхоза — кантауровский и зуевский — сеют на своих полях топианбур, могару и чумизу. Это кантауровские школьники доказали, что многие ценные культуры можно хорошо выращивать и на колхозных полях. Они же и семена дали колхозам.

Ребята завоевали доверие старших. Когда колхозу нужно было повысить урожай ржи, а для этого переопылить её во время цветения, колхозный агроном пригласил кантауровских школьников, и они прекрасно справились с поручением колхоза.

В прошлом году работники шоссежных дорог попросили школьников помочь озеленить участок возле Кантаурова, и школьники под руководством Сергея Александровича вокруг служебных и жилых домов дорожного отдела заложили превосходный плодово-ягодный сад. Такой же сад заложили они и возле детдома в деревне Попово, в трёх километрах от Кантаурова.

Если раньше в окрестных деревнях возле домов росла бузина да ветлы, то теперь почти всюду цветут цветы, зреют земляника, малина, смородина, крыжовник, зеленеют молодые мичу-

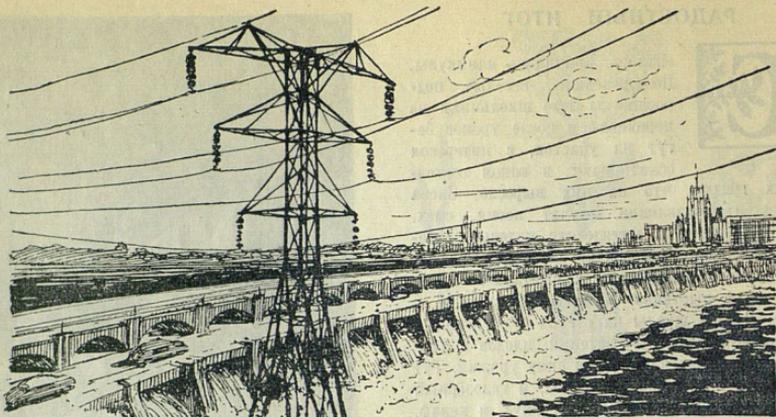

По примеру мастеров высокого урожая кантауровские ребята производят дополнительное опыление кукурузы, чтобы не было щуплых зёрен в початке.

ринские яблоны, тополи, клёны, ясени. Усадыбы колхозников преобразуются, становятся веселее, красивее.

Но самое главное, чем могут гордиться ребята, это то, что они не только знают, как взрослые выращивают ценные культуры и собирают большие урожаи, но и сами умеют это делать своими руками.

ПУТЕШЕСТВИЕ В БУДУЩЕЕ

Николай Асанов

Рисунки Н. Кольчицкого

Человек, который предложил мне поехать в будущее, работает директором одного научно-исследовательского института. Зовут его Василий Фёдорович Воробьёв, и занимается он вопросами применения электрической энергии в сельском хозяйстве. Когда он предложил мне эту поездку, я спросил:

— Разве вы изобрели «машину времени», о которой написал когда-то английский писатель Уэллс?

— Уверяю вас, что для этого достаточно простого рейсового самолёта, — сказал Василий Фёдорович, и на лице у него появилась хитрая улыбка.

Я люблю хитрую улыбку, когда она к тому же добрая. А лицо у Василия Фёдоровича очень доброе. Такая улыбка на добром лице обещает много интересного. Ведь когда вам приготовили подарок, всегда улыбаются хитровато и с добротой.

Утром мы приехали с Василием Фёдоровичем на аэродром. Мне вручили билет, и оказалось, что он совсем не в будущее, а в город Запорожье, который расположен на Днестре и вырос там вместе с Днепрогэсом.

— Какое же это будущее? — удивился я. — Ведь Днепрогэс уже много лет работает!

— Не говорите гоп, пока не перескочите! — сказал Василий Фёдорович; он много лет работал на Украине и очень любит украинские поговорки.

И мы сели в самолёт.

В Запорожье нас ждала машина. Обыкновенная «Победа». И я опять разочаровался. Где же будущее?

— Будущее ждёт нас на Электрическом острове, — утешил меня Василий Фёдорович.

Я никогда не слышал, чтобы на Днестре был Электрический остров. Однако с хозяином не спорят, и я сел в машину. Через час мы и в самом деле были на Электрическом острове.

Вот тут-то я и увидел будущее.

Электрический остров — это и в самом деле остров, то есть часть суши, окружённая со всех сторон водой. Он называется Хортица и находится на Днестре, чуть ниже Днепрогэса.

Когда я увидел перед собой гигантскую, выгнутую гребёшкой вверх по течению плотину, а за ней тысячи металлических опор с проводами — так назы-

ваемое силовое поле, — я понял, что меня действительно ждут чудеса. Провода на мачтах гудели, и казалось, что электричество с лёгким жужжанием льётся по ним во все стороны: на заводы, на поля, в города и сёла. Так оно и было на самом деле. Отсюда электричество текло в большое энергетическое кольцо, и главный диспетчер мог нажимом одной кнопки погрузить город в темноту или осветить так, что глаза станут больно.

А ниже плотины находился Электрический остров, и я увидел на нём паутину проводов, которые убегали в поля, в конюшни, на скотные дворы, в какие-то здания и к гигантскому ветряку. Ветряк стоял на вершине острова, как маяк. На нём горели огни, красные, яркие, для того, чтобы самолёты знали: опасно!

Я понял, почему Василий Фёдорович говорил о будущем.

Ведь по постановлению партии и правительства мы в ближайшие пять — семь лет построим много новых гигантских электростанций. И тогда электричество станет главным нашим помощником не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Оно начнёт качать воду на поля, обслуживать животноводство... Учёные подсчитали, что электричество заменит труд миллионов колхозников. Но для этого надо создать такие машины, которые работали бы при помощи электричества. Например, электрические тракторы и электрические комбайны. Ведь надо

будет распахать и освоить целинные земли Прикаспия, Крыма и Заповольжья, бывшие полупустыни Сарпинской низменности, Чёрные земли Прикаспия, пустыни возле Тахиа-Таша и вдоль будущего Аму-Дарьинского канала.

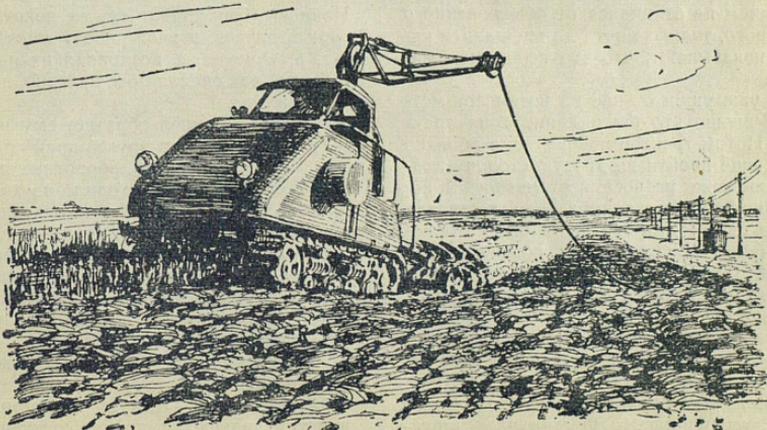
Вот такие машины и испытывались на Электрическом острове. Испытания вели научные работники того самого института, которым руководит Василий Фёдорович Воробьёв. У них тут научно-исследовательский филиал.

Прежде всего мы поехали смотреть электротракторы.

Эти машины работали на колхозных полях. Их сделали на Харьковском тракторном заводе. Но не одни харьковчане трудились над созданием этих чудесных машин. Ереванцы монтировали подстанции для электротракторов. Подстанция берёт из проводов ток и трансформирует его, изменяет, чтобы трактор мог им питаться. Механизаторы из Москвы создали для нового трактора плуг удивительной конструкции. Кабельный институт выпустил новый кабель, через который ток поступает от подстанции в мотор трактора. Одним словом, трудилось много народу и трудилось хорошо, в чём я сразу и убедился.

На поле под обыкновенными проводами, какие бегут по нашей стране во всех на-

Электротракторы работали на колхозных полях.

правлениях, перенося электрическую энергию, стояли светлосерые домики подстанций. Они прицепились к проводам тремя крюками каждая, принимая ток. Домики эти стоят на колёсах, их можно перевезти куда угодно. В каждом горит сигнальная фара, издавая видная трактористу. Ниже фары откидной щиток, за которым помещается всё управление электростанции. Но главная хитрость в том, что подстанцией мог управлять сам тракторист со своей машины, хотя он находился в это время в полутора километрах от подстанции и усердно пахал целину. Он мог, не сходя с трактора, выключить подстанцию и включить её снова, а если трактор шёл в гору, так и увеличить силу тока. Всё управление находилось у него в кабине трактора.

На другой стороне домика расположен щиток для бытовых нужд тракториста. Там можно включить электроплитку, чтобы согреть обед или чай, радиоприёмник, электрическую бритву. Конечно, девушки-трактористки уже наловчились завытывать при помощи электричества. Ещё бы, впервые они получили такую машину, на которой можно работать в белом платье и быть всегда чистой. На электрическом тракторе нет горячего, от которого вся одежда тракториста, бывало, замаслится и стоит колом. У теплового трактора, если он остановится, заводную ручку, бывало, не провернёшь, хоть плачь. Надо было звать на помощь сильного мужчину. А тут нажал кнопку — и готово.

Мы, конечно, поспешили за трактором. Он ничем не отличался от обыкновенного теплового, только мачта да змеящийся кабель показывают, что это необычная машина.

Он уже ушёл от нас на восемьсот метров. Раньше это была длина гона трактора. Потом трактор поворачивал обратно и мог ещё пройти по другую сторону подстанции тоже на восемьсот метров. А когда ширина вспаханного поля достигала восьмидесяти метров, надо было отключить подстанцию, вызвать обыкновенный тепловой трактор и перевезти всё хозяйство на новое место. Это было неудобно и убыточно.

Тогда учёные взяли да и прибавили к трактору кабелевозку с запасным кабелем ещё на восемьсот пятьдесят метров. И площадь, которую мог вспахать трактор, сразу увеличилась с шестнадцати гектаров до двухсот пятидесяти. Значит, под-

ключил станцию, и пусть трактор работает на одном месте. Не надо его и подстанцию так часто перетаскивать...

Вот мы идём рядом с кабелем. Кабель четырёхжильный, по нему бежит ток. А трактор всё уходит вперёд, разматывая кабель с кабелевозки. Размотал восемьсот пятьдесят метров и начал разматывать кабель с барабана, который находится на самом тракторе. Вот он уже прошёл полтора километра и дошёл до конца поля. Кабель бежит через мачту на тракторе и ложится змеей по земле. На обратном пути трактор станет сматывать его обратно на барабан.

Но вот трактор дошёл до конца поля, и там происходит удивительная штука с плугом.

Ещё издали мы заметили, что плуги у трактора особые. Пять корпусов плуга падают, отваливая землю по ходу трактора направо, а сверху торчат ещё пять корпусов лемехами вверх. Как будто муравьи ташат на спине других муравьёв лапками вверх. На конце поля тракторист нажал рычаг плужного управления — и все пять корпусов легонько вывернулись из земли и легли горизонтально. Верхние корпуса плуга проделали тот же манёвр в другую сторону. Тракторист повернул трактор вокруг оси, как поворачивается танк, и снова ввёл его в борозду. И тут свободные корпуса плуга повернулись вниз и вошли в борозду, отваливая землю уже налево. Плуг этот называется «пятикорпусный оборотный», придумали его авторы многих советских плугов муж и жена Ивановы. Они ходили тут же вокруг трактора и плугов, изучая работу своего детища, и, конечно, я поздравил их и пожал им руки, как сделали бы, наверно, на моём месте и вы...

А трактор пошёл обратно; ему не надо было переходить на другой край поля, как это было раньше без оборотных плугов, когда много энергии уходило на холостые пробег. Ехавший по полю колхозник, порывавшись с трактором, соскочил с телеги и долго шёл рядом, то заглядывая под кабину, то озираясь на плуги, слушая тихий, бесшумный ход и качая головой. Наконец колхозник не выдержал, крикнул трактористу:

— Товарищ тракторист, на чём же твой трактор работает?

— На воде! — ответил тракторист и проехал дальше, отваливая сразу полтора метра целины.

Пришлось нам объяснить заинтересованному колхознику, что это так и есть. Впервые в истории машинного земледелия тракторы работают на энергии, получаемой от воды. Разве это не чудо? И колхозник согласился с нами.

Следующие дни мы провели в стране чудес. Чудеса эти делало электричество. Учёные попытались заглянуть в будущее и облегчить труд человека при помощи дешёвой электроэнергии.

Владимир Ильич Ленин сказал, что «коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Советские учёные готовились поставить электричество на долгую и умную службу человеку.

В огромной теплице вызревали овощи. Днём теплицу через стеклянную крышу освещает солнце. А как стемнеет, загораются люминесцентные лампы, или, как их ещё называют, лампы дневного света. Эти лампы горят в метро, в магазинах, и вы сами, наверно, удивлялись тому, что свет их ничем не отличается от солнечного.

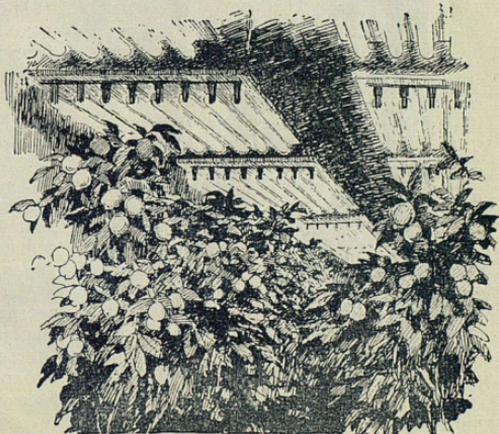
Это превосходно чувствуют и растения. Они вызревают в два раза быстрее, потому что люминесцентные лампы увеличивают для них короткий зимний день. Над теплицей не было ни труб, ни дыма, как обычно бывает. Внутри не видно ни труб парового отопления, ни печей. Теплица обогревается электричеством. Растения пышно разрастаются в прогретой земле под «южным солнцем» ламп дневного света.

А на открытом воздухе в траншеях ранней весной благоухали лимоны и мандарины. Это был первый лимонарий, расположенный так далеко от советских субтропиков. Учёные раздумывали над тем, нельзя ли осветить лампами дневного света и траншеи.

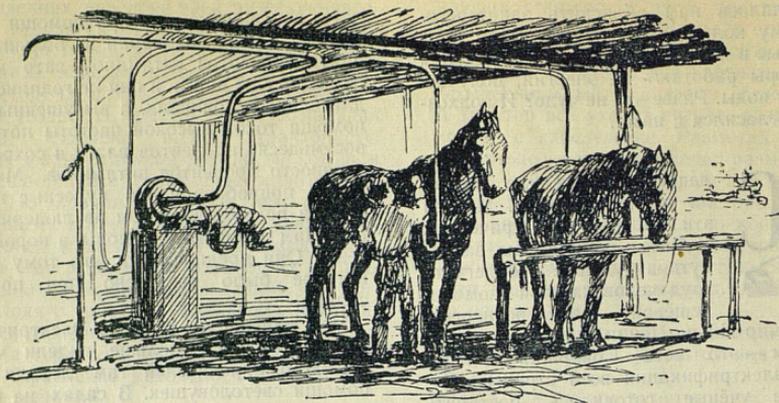
Рядом стояли две сушилки. Одна обогревалась топливом, в другой пропускались токи высокой частоты. Эти токи глубоко проникают в ткани организма, дерева, плода и нагревают их изнутри. Из сушилок при нас вынули спрессованные в виде кирпичиков сухие абрикосы, изюм, сено и понесли в лабораторию. И оказа-

лось, что высушенные при помощи тепла фрукты и сено сохранили не больше тридцати процентов витаминов, зато в них осталась ещё влага, и они не годились для длительного хранения, а высушенные при помощи токов высокой частоты потеряли восемьдесят процентов влаги и сохранили девяносто процентов витаминов. Мы, конечно, попробовали эти чудесные плоды сами и покормили сеном из люцерны коров. Нам понравились плоды, а коровам — сено. Они предпочитали его тому сено, которое было высушено при помощи солнца.

Чем дальше мы шли по Электрическому острову, тем больше видели чудес. Насекомых-вредителей там ловили при помощи светоловушек. В садах на высоких деревьях были подвешены сильные лампы. Под лампами — вентиляторы с трубами, а на концах труб — мешки. Едва наступала ночь, как вспыхивали лампы, и садовые вредители летели на свет этих электрических солнц. Насекомые кружились возле ламп, а вентиляторы всасывали их в трубу. К утру мешок наполнялся доверху. А попробуй наловить хоть чернильный пузырёк садовых вредителей: златогзук, плодоядок, — и вы увидите, как это трудно. Если пометить насекомых особой радиевой краской, то можно выяснить, издалека ли они летят на свет. Во всяком случае, учёные считают, что одной светоловушки достаточно для охраны от вредителей сада в пять гектаров.

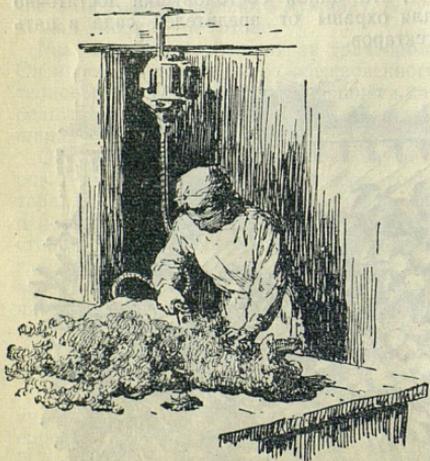
Ночью в теплицах горели лампы дневного света.

Мальчик-конюх чистил лошадей при помощи электропылесоса.

Возле конюшни мальчик-конюх чистил лошадей. Но у него в руках были не скребницы, не щётки, а электрический пылесос. Через пять минут лошадки становились гладенькими и чистенькими. Потом мальчик отключил пылесос и вынул из одного его отделения чистую шерсть — хоть сейчас сдавай на фабрику, где ткут одеяла и делают войлок, — а пыль осталась в другом отделении этого агрегата.

На овечьей ферме стригли овец. Рокотал маленький моторчик, от него на гиб-

Стригали укладывали овцу на стол и вели электроножницы от хвоста к голове.

ких шлангах к стригальным станкам были отведены электрические ножницы, похожие на обычные парикмахерские машинки для стрижки, только побольше размером. Стригали укладывали овцу на стол и вели электроножницы от хвоста к голове. Сразу оставалась чистенькая, беленькая дорожка, а шерсть, клубясь, как дымная лента, падала на стол. Овцы, должно быть, уже привыкли к электроножницам, только ушами подёргивали. А через пять минут овца соскакивала со стола, гладенькая, как будто на неё натянули белый шёлковый чулок вместо её густой, лохматой шерсти.

На скотном дворе электричество делало всю работу, чтобы обслужить коров. Электричество резало для них корм, качало воду для питья, согревало её, подвизило корм к кормушкам, доило коров. Тут же оно процеживало молоко, отделяло сливки и сбивало масло. И на всём скотном дворе на сотню коров работало два — три человека. Доярки ходили в белых халатах, похожие на врачей, а главный электрификатор стоял у распределительного щитка и, нажимая на ряд кнопок, управлял всей механизацией.

Мы встречали на Электрическом острове группы колхозников: бригадиров, доярок, председателей. Они приехали сюда учиться применению электричества в своём хозяйстве. То будущее, о котором я рассказываю, совсем не такое уж далёкое. Во многих колхозах изобретения наших учёных уже стали обычным явлением.

А к тому времени, когда у нас будет изобилё электроэнергией, учёные создадут ещё сотни электрических действительных помощников человека.

О тличительным знаком Электрического острова является ветроэлектростанция.

На самой высокой точке острова расположен ветряк. Как только подует ветер, крылья ветряка поворачиваются в сторону ветра и начинают вращаться. Вращение передаётся электрическому генератору, и станция начинает вырабатывать электричество.

В каменном домике ветростанции работает один человек. Это Алексей Иванович Покатаев, научный работник филиала, занимающийся вопросами использования энергии ветра. Энергия ветра самая дешёвая. Она существует повсеместно. Там, где нет воды, чтобы строить гидроэлектростанции, всегда можно поймать и запрячь ветер. И Алексей Иванович занимается тем, что ловит ветер и превращает его в электричество.

Алексей Иванович побывал на войне. Он до сих пор ещё носит военную фуражку.

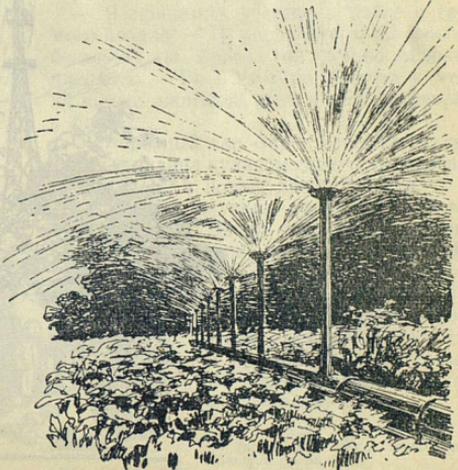
Энергия ветра капризная, а Алексей Иванович решил добиться, чтобы ветер давал энергию постоянно. Посудите сами, ветер то рванёт порывом баллов на шесть, то вдруг стихнет. А ведь электричество-то нужно равномерное, иначе моторы сгорят, лампы вспыхнут и сгорят, аппараты, присоединённые к ветряку, поработают и перестанут. И вот Алексей Иванович ищет в мире техники механизмы, которые смогут эту капризную энергию превратить в спокойную, постоянную.

Начал Алексей Иванович с того, что присоединил свою ветростанцию к обычной электрической сети. Теперь, как только подует ветер, ветростанция посылает в сеть киловатт шесть — восемь энергии, а этого уже достаточно для того, чтобы обеспечить ток для освещения и других нужд большой колхоз. Так и работают поменно вода и ветер.

Теперь Алексей Иванович думает о том, чтобы создать кольцо ветростанций. Например, если по всей Украине будут стоять ветряки, то они уловят местные ветры. И в кольце будет почти равномер-

ное количество энергии. А если соединить это кольцо с гидростанциями, тогда ветер будет помогать Днепрогэсу и Каховской гидростанции, которая строится недалеко от Электрического острова. Ветер может перекачивать воду в оросительные каналы, обслуживать автоматические маслобойки и скотный двор. Вот и сейчас Алексей Иванович перевёл рычажок распределения энергии, и за стеной ровно начал работать маслобойный завод. На заводе нет ни одного человека. Туда пришёл ток и открыл задвижку бункера, в котором хранятся семена подсолнечника; семена высыпались в маслобойный аппарат; аппарат начал работать, и из него потекло масло. Потом придёт контролёр; замерит количество выработанного масла и отправит его на склад...

Все учёные работают в тесном содружестве, хотя часто и не знают друг друга. Алексею Ивановичу много хлопот доставляло то, что при резких порывах ветра ротор мотора получал неравномерную нагрузку. Однажды Алексей Иванович услышал, что конструктор Харьковского электромеханического завода Анатолий Романович Греков приспособил для электротрактора особую муфту, магнитную, которая при передаче энергии с вала на вал смягает толчки. Так как муфта магнитная, она соединяет валы не намертво. Когда один вал получит движение, он увлечёт за собой магнитную муфту, а та,

Электричество перекачивает воду для орошения полей и огородов.

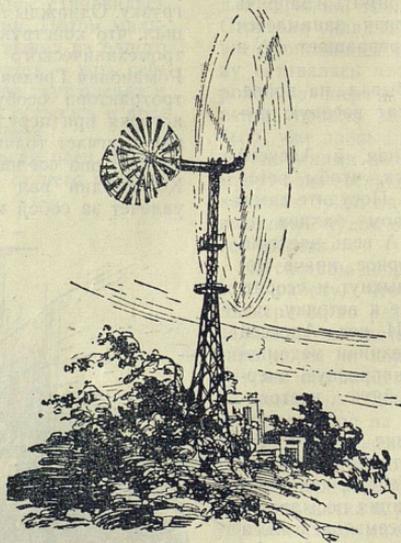
в свою очередь, передаст движение соединённому с ней второму валу, передаст медленно, тоже силой магнитного притяжения. И если первый вал остановить самым резким торможением, муфта по инерции ещё будет вращаться и не передаст толчка на второй вал.

Алексей Иванович понял, что такая муфта поможет ему в борьбе с непостоянством ветра. Он не был знаком с Анатолием Романовичем, даже адреса его не знал. Просто прочитал заметку в газете. Алексей Иванович сел на попутную машину и поехал в Харьков. Там он отыскал через адресный стол Грекова и пришёл к нему. Конструктор угостил Алексея Ивановича чаем, расспросил о том, как тот думает применить электромагнитную муфту, заинтересовался его опытами и написал для него с завода свой опытный образец муфты. И через день Алексей

Иванович уже опробовал муфту на своём ветряке.

А сейчас у него в гостях Греков. Греков приехал испытывать работу муфты на электротракторе, но оказалось, что Алексей Иванович Покатаев уже провёл все испытания на ветростанции. И результаты этих испытаний легли в основу применения тракторных муфт. Так учёные помогают друг другу, хотя как будто работают в разных областях.

Когда я уезжал с Электрического острова, был солнечный и ветреный день. Ветростанция работала. Огромный ветряк размахивал крыльями. А по соседству работали все другие помощники человека. Я был рад тому, что заглянул в будущее, и тому, что это будущее так близко. Все эти машины мы с вами увидим в ближайшее время на полях.

Куддус Мухаммади

Рисунки В. Горяева

Вольный перевод с узбекского
С. Маршака

САЛИМ И КНИЖКА

В библиотеку шёл Салим
По улице вприпрыжку.
Держал подмышкою Салим
Растрёпанную книжку.

Была она в грязи, в пыли.
Без корешка, без крышки.
— Салим,— сказал ему Вали,—
Зачем калечишь книжки?

Салим сказал: — Конечно, я
Порвал две — три страницы,
Но эта книжка не твоя.
К чему тебе сердиться?

— Как не моя? — Да, не твоя,
А из читальни детской.
— Ну, а читальня эта чья?
— Республики Советской.

— А если так, она моя
Да и немножечко твоя.
Мы за неё в ответе,—
Мы все, огромная семья,
Страны Советской дети.

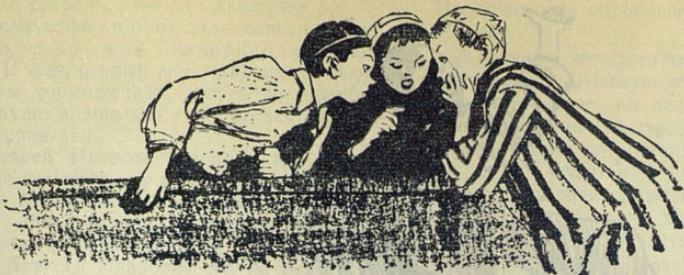
И если каждый из ребят
Порвёт листы, обложку,
Во что же книгу превратят
Ребята понемножку?

Тысяча первый ученик
Найдёт на книжной полке
Одни лоскутья вместо книг,
Не книжки, а осколки.

Чтоб книги были у детей
В библиотеке, в школе,
Трудилось множество людей
На фабрике и в поле.

Трудились твой отец и мать.
Тебе бы надо уважать
Труды их и заботы,
Беречь и книжку и тетрадь,
Не мять, не пачкать, не трепать
Страницы, переплёты.

Нам книги — лучшие друзья.
Они дают нам счастье.
А эта книга и моя
Да и твоя отчасти!

Х В О С Т

В одной из школ
Слушок прошёл,
Прошла молва
О том,
Что в этой школе, в пятом «А»,
Есть ученик с хвостом.

С хвостом?
С хвостом!
С каким хвостом?
Ответьте на вопрос нам:
С хвостом
В значении простом
Иль только в переносном?

Ученика зовут Тургун,
Тургун — бездельник и шалун.

Не первый год знаком я с ним,
Встречался много раз,
Но хвост его неуловим
На ощупь и на глаз.

И всё же слух насчёт хвоста,
Как видно, пущен неспроста.

Давайте спросим у ребят:
Спроста иль неспроста?..
Вот что ребята говорят
По поводу хвоста:

— Тот ученик, который в срок
Не приготовит свой урок,
Порою сам не сознаёт,
Что он от класса отстаёт.
Мы про такого говорим,
Что остаётся хвост за ним.

Вот у Тургуна вырос хвост,
Как у лисы, ката.
И с каждым днём заметней рост
Незримого хвоста.

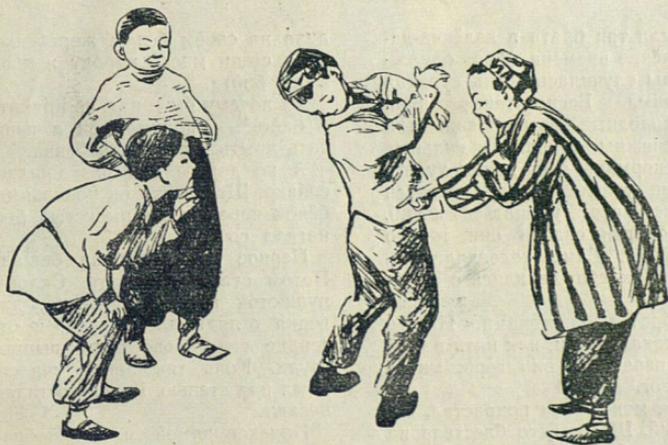
Хвосты полезны для скота —
Коней, ослов, коров:
Они при помощи хвоста
Сгоняют комаров.

Хвостом лисица на бегу
След замечает на снегу.

Хвостом-мечом вооружён
В песках живущий скорпион.
Орёл в парении своём
Хвостом владеет, как рулём.

Мы видим хвост у разных птиц —
Кукушек, ласточек, синиц.
Хвостом украшен чиж и дрозд,
Индюк, павлин, фазан...
Но ни к чему твой пышный хвост,
Товарищ Тургунджан!

За книжки, милый мой, садись,
Учиться будь готов
И навсегда освободись
От всех своих хвостов!

ТЕПЕН КОК

или три брата в далёкие-далёкие времена. И вот однажды случилась очень суровая зима. Беспреданно дули холодные ветры, завывали снежные метели. От сильных холодов и бескормицы скот начал худеть и падать. И не успела зима смениться теплом, как весь скот у братьев погиб. От голодной смерти спасли они только одного жеребёнка. Сами недоедали, последним куском хлеба делились с жеребёнком.

Остались братья бедняками. Ничего другого не оставалось им, как идти в батраки. Много перенесли они горя, много пережили тревог.

А жеребёнок между тем подрастал. Он был весь белый. Шерсть его блестела на солнце, как серебро; мягкая, пушистая грива развевалась по ветру.

Однажды в соседнем ауле готовились к большой байге. На байгу собрали пятьдесят лучших степных иноходцев. Случилось младшему брату ехать мимо этого

аула на своём белом жеребёнке. Увидел он в степи много народу и понял: предстоит байга.

«А почему бы и нам не принять участие в байге?» — подумал он и решил испытать прыть своего жеребёнка.

А по дороге как раз мчалась гончая собака. Шевельнул он поводьями — жеребёнок перешёл на рысистый бег и легко нагнал собаку.

Первое время собака бежала рядом. Потом стала отставать. Склонившись к пушистой гриве жеребёнка, джигит изредка оглядывался назад, и от радости сердце его готово было выпрыгнуть из груди. Конь так легко мчался, словно плыл над степью. Гончая осталась далеко позади.

Приехав домой, младший брат сказал: — Бег нашего жеребёнка подобен стреле, пушенной из лука. В степи я увидел гончую собаку. Я пустил жеребёнка, и он быстро опередил её. Я думаю, что наш жеребёнок может состязаться в беге с любыми степными иноходцами и рысаками.

УЖИН ТРАКТОРИСТОВ.

Картина А. Пластова.

в походе.

Картина А. Лобанова.

Братья решили повести жеребёнка на байгу. Жеребёнка поставили на ночь отдохнуть, а утром братья отправились к месту байги.

Лучшими на байге были две лошади хана Барака. Ни одна байга не обходилась без них, ни один конь не мог затмить славы, которую приносили они своему владельцу. Знали об этом и братья, но всё-таки решили попытаться счастья.

И вот началась байга.

Каждый участник байги посадил на коня своего сына, а у братьев не было сыновей, и они посадили на своего жеребёнка одного бедного мальчика, которого в ауле в насмешку называли «Тазша бала», паршивый мальчишка.

Джигиты — байские сынки — на своих лучших иноходцах и рысках поехали к урочищу Кара-кой. Оттуда должна была начаться байга. Вместе с ними поехал и Тазша бала.

Всю дорогу байские сынки смеялись над бедным мальчиком, стаскивали его с лошади, шипали за руки, сбивали с головы шапку. У мальчика появились слёзы на глазах, но он терпел до поры до времени.

Наконец, когда подъехали к урочищу Кара-кой, все джигиты выстроились в ряд, а Тазша поставили позади.

Начался бег. Некоторое время Тазша бала отставал от других, но вскоре его жеребёнок уже мчался быстрее ураганного ветра.

Нагнав первого джигита, Тазша бала сорвал с него шапку и сунул её себе под бешмет. И так он поступал с каждым, пока не опередил всех.

Позади остались и лошади хана.

Народ был поражён, увидев, что впереди всех мчится на белом жеребёнке Тазша бала.

Каждый джигит, приближаясь к аулу, громко выкрикивал имя своего отца. А бедный мальчик не знал, как ему поступить.

«Вот-вот конец бега, — думал он, — кричать ли мне имя хозяев, которым принадлежит жеребёнок, или имя своего отца?.. А, знаю!..»

И он весело крикнул:

— Тепен кок!¹ Тепен кок!

Хан Барак с волнением следил за скачками, ожидая, что его лошади выйдут вперёд, и был изумлён, когда увидел, что впереди всех мчится белый жеребёнок.

— Не ошибаюсь ли я? — обратился он к народу. — Правда, что этот паршивый белый жеребёнок идёт впереди?

— Да, правда! Этот лучший из скакунов идёт впереди, — ответил народ.

Тогда возмущённый и рассвирепевший хан закричал:

— Этот мальчишка присоединился по дороге! Мы не пускали на байгу жеребёнка! Немедленно уберите его!

Прислужники поспешили исполнить приказание хана Барака и бросились ловить жеребёнка. Да куда там! Жеребёнок сбил с ног нескольких человек и полетел вперёд.

Бедного мальчика никто не посмел встречать. Только никому не известная девушка поймала за узду белого скакуна и помогла усталому всаднику соскочить на землю.

Хан Барак злобно крикнул:

— Эта лошадь не в счёт: она присоединилась по дороге!

Тогда мальчик поднялся на сопку и, обращаясь к народу, сказал:

— Я принимал участие в байге с самого начала! — И, распахнув полы своего бешмета, он бросил на землю шапки джигитов. — Вот! Узнаёте? Откуда у меня шапки джигитов, если я не участвовал в байге?

Опозоренный хан Барак отвернулся, со злостью ударил кулаком свою прославленную лошадь и пошёл прочь с байги.

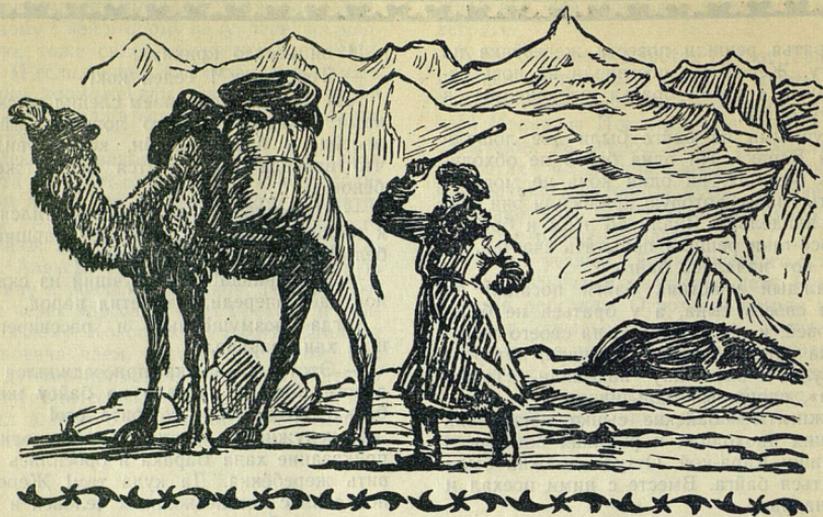
А братья получили сорок иноходцев.

Десять иноходцев отдали они бедному мальчику, который ехал на их жеребёнке и одержал победу.

А слава о белом жеребёнке и до сих пор живёт в народе. Об этой славе и рассказывает сказка «Тепен кок».

¹ Тепен кок здесь означает: молодой, да ранний.

ХРАБРЫЙ ОСЁЛ

Надоело Ослу таскать поклажу. Вот и говорит он однажды Верблюду — своему товарищу:

— Эй, Верблюд, надоело мне поклажу таскать: живого места на спине нет. Давай убежим от хозяина, станем жить вдвоём на воле, как вздумается.

Помолчал Верблюд, подумал, говорит: — Плохой у нас хозяин, верно: кормит дурно, работать заставляет много. Я бы и рад убежать, да как убежишь?

А у Осла ответ уж наготове.

— Я всё обдумал, — говорит он, — не беспокойся. Завтра хозяин повезёт на нас соль в город. Сначала мы будем идти послушно и смиренно. А как дойдём до перевала, так упадём на дорогу и притворимся, будто совсем обессилели. Станет хозяин нас бранить, станет палкой колотить, а мы ни с места. Выбьется он из сил и уйдёт домой за помощью. Тут уж нам раздолье — беги, куда хочешь!

Развеселился Верблюд.

— Вот хорошо ты придумал, вот славно! Так мы и сделаем, как ты сказал!

Дождались они утра. Поутру хозяин навьючил на них мешки с солью и погнал в город. Полдороги шли они, как всегда:

Верблюд впереди, Осёл за ним следом, а сзади хозяин с палкой. Но вот достигли они перевала, и тут Осёл и Верблюд упали на землю и притворились, что не могут на ногах стоять.

Хозяин кричит:

— Ах вы, лентяи, ах вы, лежебоки, поднимайтесь сейчас же, пока я вас палкой не отхолил!

А они и хвостом не повели, словно и не слышат.

Рассердился хозяин.

Ударил он Верблюда тридцать девять раз, а как замахнулся в сороковой, заревел Верблюд и вскочил на ноги.

— То-то же, — говорит хозяин, — давно бы так! — а сам принимается за Осла.

Ударил он его сорок раз — Осёл и не охнул, ударил пятьдесят раз — Осёл и не вздрогнул, ударил шестьдесят раз — как лежал Осёл, так и лежит.

Видит хозяин, дело плохо: должно быть, подыхать собрался Осёл. Снял он с Осла поклажу, взвалил её на Верблюда и тронулся в путь.

Еле шагает Верблюд под выюком, клянет Осла:

— Проклятый Осёл, из-за тебя я битый иду, двойную кладь несу!

А Осёл подождал, пока хозяин с Вер-

блюдом скрылись за перевалом, потом поднялся и — ходу, не разбирая дороги.

Бежал он три дня, перебежал три горы и три долины и наконец достиг Широкой поляны у Быстрой реки.

Понравилась Ослу поляна, тут он и поселился.

А той поляной уже много лет владел сильный и могущественный Тигр

Однажды Тигр, осматривая свои земли, набрёл на Осла.

Ходит себе Осёл по поляне, помахивает хвостом, ест траву.

Тигр думает:

«Что за зверь? Никогда не видел такого».

А Осёл взглянул на Тигра и обомлел.

«Ну, — думает, — пришёл мой конец... Чем умирать, не защищаясь, покажу-ка я лучше Тигру свою отвагу».

Поднял он хвост, взмахнул ушами, раскрыль пошире рот да как загрубил во всё своё ослиное горло.

У Тигра и свет в глазах помутился. Кинулся он назад, бежит без оглядки.

По дороге встречается ему Волк.

— Кого ты так испугался, повелитель?

— Испугался я зверя, страшнее которого нет на свете: вместо ушей у него крылья, пасть у него шире головы, а ревет он так, что содрогается земля.

— Постой, царь, постой, — говорит Волк, — да уж не с Ослом ли ты повстречался? Так оно и есть. Ладно же, завтра мы с тобой окрутим его арканом.

На другой день Волк добыл аркан, один конец аркана привязал к шее Тигра, другой — к своей шее, и так они отправились на поляну. Волк идёт впереди, а Тигр сзади, всё упирается.

Приметил их Осёл издали и опять за

своё: хвост кверху, пасть настежь и заревел громче прежнего.

Тут Тигр и кричит Волку:

— Э-э-э, приятель, да ты, видно, тащишь меня в подарок этому чудовищу! — рванулся он изо всех сил в сторону — у Волка и голова долой.

Прибежал Тигр домой, не может отдышаться.

В это время прилетела к нему Сорока. Натрещала, налопотала, расспросила Тигра обо всём, а потом полетела Сорока на поляну.

Осёл заметил её издали, лёг на землю и вытянул ноги, будто мёртвый.

Сорока глянула вниз и глазам не верит: страшный-то зверь околел! Спустилась она на Осла, рассказывает по нему, придумывая, что бы такое наврать Тигру о своей победе над чудовищем.

Тут, на свою беду, заметила она на земле пшеничное зёрнышко. Хотела она клюнуть зёрнышко, совсем уже нацелилась носом, да оступилась и попала головой Ослу между колен.

Тут-то Осёл и ожил. Зажал он ногами Сороку крепче и давай её хлестать хвостом. Хлестал-хлестал, хлестал-хлестал — только пёрышки из Сороки летели во все стороны. А потом как двинет её копытом — отлетела Сорока на край поляны.

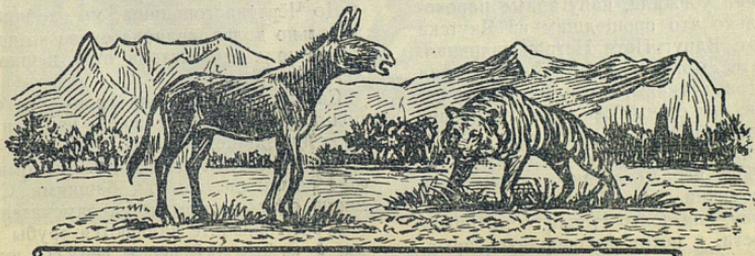
Отлежалась она здесь, опомнилась и, кряхтя да охая, полетела обратно.

Летит и ещё издали кричит Тигру:

— Беги, царь, отсюда подальше, покуда цел! Искалечил меня проклятый зверь. Смотри, как бы тебе того же не было.

Совсем оробел Тигр, собрал он свои пожитки и навсегда ушёл в дальние страны.

А храбрый Осёл и доньше живёт на Широкой поляне.

По берегам Алдана

Я был в Томмотском пионерском лагере на берегу Алдана. Мы много путешествовали. Особенно запомнился мне первый наш поход.

...Солнечное утро озарило вершины кудрявых, пушистых сосен. Наш пионерский отряд имени Олега Кошевого с большим нетерпением ждал этого дня. Сегодня мы идём в поход по берегам родного Алдана, текущего с юга на север.

Эхо далеко разносится над бесконечной тайгой. Ребята идут гуськом — по берегу реки. Тихо в лесу. Лишь похрустывает валежник под ногами да изредка вспорхнёт какая-нибудь птица. Из-под камней выскакивают лягушки и с шумом шлёпаются в воду, потревоженные незваными гостями. Чем дальше уходим мы от лагеря, тем интересней и живописней становится речка. Вниз по реке тянутся бесконечные караваны лесосплава. Они идут на строительство городов, на рудники и шахты. Мы видели огромное стадо оленей. Олени убежали, напуганные пароходом, только что прошедшим из Якутска в Томмот. Вдруг Петя Петров закричал: «Смотрите, смотрите, ребята!» — и указал на береговые скалы, возвышавшиеся перед нами, как стены. Все сразу остановились и стали смотреть туда, куда указывал Петя. На каменистом гребне на фоне голубого неба отчётливо выделялась большая дикая коза. Величественно подняв голову, она долго стояла, осматривая окрестности, а потом неторопливо спрыг-

нула со скалы и исчезла за каменистым склоном.

Ребята наловили много бабочек, жуков и ящериц для коллекций и живого уголка. А потом Галина Михайловна, увидев, что ребята шагают уже не так бодро и чётко, как в начале пути, предложила сделать привал. Мы расположились под большой сосной, и Галина Михайловна нам рассказала о богатствах, тающихся в недрах якутской земли, о советских людях, которые трудятся на шахтах и рудниках, добывая золото и руду для нашей необъятной Родины.

Михаил Качалов,
г. Алдан, Якутская АССР.

В Кунгурской пещере

Я занимаюсь в геологическом кружке свердловского Дворца пионеров. Мы провели несколько экскурсий по Уралу, побывали на Чёртовом городище и в знаменитой Кунгурской пещере. Об этих двух экскурсиях я и хочу рассказать.

До Чёртова городища мы добирались довольно долго, сначала ехали на поезде, потом шли километров пять пешком по лесной дороге.

Свернув с дороги на тропу, мы стали подниматься в гору и вскоре увидели Чёртовое городище. Чёртовое городище — это причудливые выходы гранита, напоминающие развалины замка с башнями. С вершины скалы открывается замечательный вид: на горизонте виднеются трубы завода, а кругом всё лес и лес. На южном

склоне городища археологи раскопали жертвенные горшки и предметы быта доисторического человека. У подножья скал протекает шумливая речка Семипалатная. Мы расположились на её берегу, позавтракали, а потом пошли осматривать скалы. После осмотра бегали по лесу, играли в прятки, собирали гербарий трав и цветов. День провели очень весело.

После этого похода всем захотелось отправиться в Кунгурскую ледяную пещеру. До города Кунгура мы ехали на поезде. Здесь протекает речка Сылта. Летом по ней сплавляют лес. Нам нужно было перебраться на другой берег, где помещается туристская база. Мы воспользовались образовавшимся затормом и перешли речку по брёвнам.

Из турбазы мы отправились с проводником осматривать Кунгурскую пещеру. Эта часть Урала сложена преимущественно из известняков. Вода легко размывает известняковые породы, в них образуются огромные пещеры. Кунгурская пещера тя-

нется на пятьдесят километров. В пещеру ведут два хода: искусственный и природный. Искусственный ход — это тоннель, который тянется на сорок метров и выводит в «Бриллиантовый грот». Стены грота покрыты кристаллами льда и инея, они блестят и переливаются при свете всеми цветами радуги. Температура воздуха в «Бриллиантовом гроте» даже летом два градуса холода.

Мы побывали и в других гротах. В гроте «Морское дно» есть озеро, в котором живут слепые рачки. В «Коралловом гроте» мы видели ледяные сталактиты и сталагмиты. В «гроте Данте» одна скала похожа на медведя с ношей на спине. Наконец мы снова попали в «Бриллиантовый грот» и вскоре вышли на поверхность земли. Каким ярким показался нам солнечный свет!

Затем мы пошли в музей при туристской базе. Там хранится коллекция камней, различные предметы быта и оружие древних людей, которые жили когда-

Часто, собравшись в лесу на полянке, ребята читают вслух интересные книжки.

то в этих местах. Нам рассказали, что далеко от города Кунгура есть небольшая площадка, окружённая земляным валом. Здесь был лагерь Ермака. Ермак вместе со своим войском прожил в Кунгурской пещере целую зиму.

На другой день мы пошли осматривать вершину возвышенности, расположенной неподалёку от Кунгура. На вершине много воронок, которые образовались в результате обвалов земли. Под землёй в этом месте проходит пещера. Её свод не выдержал давления земли и обвалился.

Во время этой прогулки мы собирали камни. Больше всего мы собрали известняков.

Вернувшись на базу, мы играли в волейбол и футбол, бегали наперегонки по холмам, купались в реке.

На туристской базе мы пробыли два дня. Домой прибыли благополучно, собрав коллекцию камней и гербарий растений.

Юрий Кокосов,
г. Свердловск.

Мои друзья

Я очень люблю книги и много читаю, особенно летом, во время каникул. Прочитав книгу, я выписываю интересные мысли автора и героев книги в особую тетрадь.

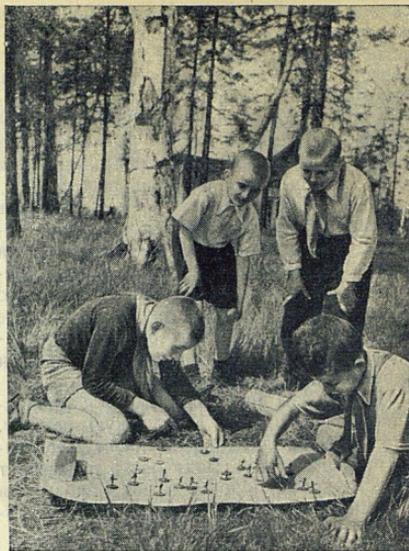
В свой дневник я записываю название книги, её автора, характеристики героев, которые мне особенно понравились.

Прочитав «Молодую гвардию» А. Фадеева, я выписал в свою тетрадь многие слова бесстрашного комсомольца Олега Кошевого.

Из книги «Былое и думы» Герцена я выписал место, где говорится о том, как Герцен и Огарёв, ещё совсем мальчишками, дали друг другу клятву на Воробьёвых горах, что они будут верны делу освобождения своего народа и, если потребуется, отдадут на это дело все свои силы и даже жизнь.

Недавно я прочитал книгу, которую написал в гестаповском застенке бесстрашный, пламенный борец за светлое будущее чешского народа Юлиус Фучик. И многое выписал из этой замечательной книги.

Я читаю также книги, рекомендован-

Вокруг любителей настольного футбола собрались «болельщики», они с интересом следят за игрой.

ные преподавателями разных предметов. Это потом поможет мне в учёбе.

Очень понравились мне книга О. Писаржевского о Менделееве и книга С. Хмельницкого о Пржевальском из серии «Жизнь замечательных людей».

Леонид Ханбеков,
станция Слюдянка.

Чивка

Два года тому назад я купил на птичьём рынке маленькую серую птичку — чивку. Это было осенью, погода была холодная, мокрая. Купил я чивку только потому, что мне казалось: если его скоро не продадут, он погибнет на холоде. Когда я принёс чивку домой, он долго не мог отогреться. Только часа через два он издал первые звуки: «Чив... чив...» — и попробовал полететь. Но, по-видимому, он был очень заморен и летать

не мог: поднимется, пролетит метра два—три и падает.

Я назвал своего гостя Чивкой. С Чивкой мы быстро подружились. Жил он у меня в клетке, там был для Чивки корм и вода. Клетку я никогда не закрывал, и птичка залетала в клетку только на ночь и когда хотела пить или есть. Часто я кормил Чивку прямо на ладони, он сделался совсем ручным, перестал бояться людей и садился им прямо на плечи. Он часто издевался над нашей кошкой Дымкой: вспорхнёт на люстру и смотрит оттуда на неё, а Дымка насторожится, глаза у неё заблестят, поднимет вверх голову и следит, как Чивка перепархивает с люстры на шкаф, со шкафа на спинку кровати; только Дымка начнёт подкрадываться к нему, он снова вспорхнёт на люстру и оттуда смотрит вниз, задорно чирикает, как бы говорит: «Что, поймала?!»

Я привык к несложной песенке Чивки «чив... чив...». И вдруг с Чивкой случилось странное превращение.

Наш сосед Григорий Тарасович собрался в отпуск. Зная моё пристрастие к цветам и птицам, он принёс к нам две молодые пальмы и клетку с канарейкой и попросил до его приезда поухаживать за тем и за другим. Клетку с канарейкой я повесил напротив клетки Чивки. Канарейка быстро освоилась с новой обстановкой и дня через три начала петь. Когда она пела, Чивка, нахохлившись, внимательно слушал её. Прошло недели две. Однажды, вернувшись из школы, я застал у себя в комнате странный концерт: на все лады пела канарейка, а ей втирал сидящий на пальме Чивка. Канарейка заливалась, как только умела, а Чивка старался её перепеть. Я был в недоумении, — значит, чижи могут перенимать чужое пение, но почему же они никому не подражают в лесу? Может быть, потому, что там много птичьих голосов и чиж не знает, кому подражать, и остаётся при своём «чив... чив...»?

Когда вернулся из отпуска наш сосед и забрал обратно пальмы и канарейку, я ждал, что будет с Чивкой. Чивка смолк, дня два совсем не пел, а потом опять перешёл на своё «чив... чив...»

Я очень любил наблюдать за Чивкой; особенно мне нравилось смотреть, как он купался. Каждое утро я наливал ему в стаканчик свежей воды, Чивка вспрыгивал на край стаканчика и начинал разбрызгивать воду во все стороны. После

Волейбол — одна из любимых игр пионеров в лагере.

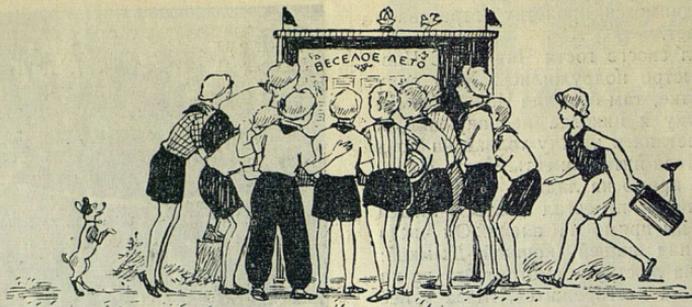
этой процедуры, основательно отряхнувшись и почистивши носик, Чивка начинал петь. Стоило мне его позвать, как он вылетал из клетки, садился ко мне на ладонь и ждал, чтобы я ему дал кусочек сахара или конопляных семян.

Так мы с Чивкой прожили зиму. За зиму он вырос, окреп. Наступила весна. Над нашим балконом, под карнизом крыши, ласточки слепили два гнезда. Чивка затосковал, почувствовав приход весны. Он всё смотрел на балкон и уже не пел, а как-то жалобно чивкал и даже забывал о корме.

Жаль мне было расставаться с моим ручным певцуном, но его было жаль ещё больше. Я взял у мамы зелёную ленточку, написал на ней свой адрес, обернул ею правую ножку Чивки, аккуратно зашил и выпустил моего пленника на волю.

Сейчас я не знаю, в каких подмосковных лесах живёт Чивка, но когда уезжаю за город и слушаю пение птиц, я вспоминаю Чивку — маленькую серую птичку с зелёной ленточкой на правой ножке.

Виктор Подкарпов,
г. Москва.

СТЕНГАЗЕТА.

Я. АКИМ

Рисунки В. Константинова

Задорной гурьбой
Окружили ребята
Раскрашенный лист
Небольшого формата —
Сегодняшний выпуск
Отрядной газеты
С цветным заголовком
«Весёлое лето».

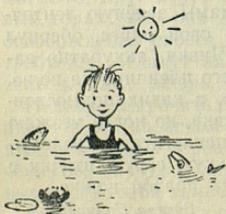
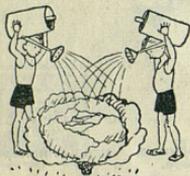
Пестрит репортаж
И стихами и прозой.
Второму звену —
Благодарность колхоза.
Написано так:
«...за большое искусство
В кормёжке цыплят
И поливке капусты».

А вот нарисован
Володя Засечкин:
В час отдыха был он
Застигнут у речки.
Но после стихов
И таких иллюстраций,
Пожалуй, совсем
Перестанешь купаться!

Кто долго встаёт,
Просыпает зарядку,
Чью тумбочку в спальне
Нашли в беспорядке,
Кто любит на койку
Садиться одетым —
Никто не укрылся
От зоркой газеты!

С блокнотом в руке
(Чтоб записывать факты)
Идёт по дорожке
Андрюша-редактор,
Его догоняют Сережа и Боря.
Ну, кажется, вся
Редколлегия в сборе.

Кричат у газеты:
«Смотри-ка, похоже!..»
Читатели рады,
Редакция — тоже.

СЕМЬ ДОЖДЛИВЫХ ДНЕЙ

Н. Александрова

Рисунки А. Билль

Девочки прожили в лесном лагере две недели. Они стали уже настоящими путешественницами: ходили в походы, удили рыбу, переплывали речку Рожайку, ездили верхом, взбирались, как мальчики, на деревья, одной спичкой зажигали костёр и варили уж не только суп да кашу, как вначале, но могли испечь и пирог. Они привыкли к походной жизни, подружились и жалели, что половина срока уже прошла и что скоро придётся ехать в город.

И вдруг начались дожди. Сперва они шли понёмногу, как-то несмело: покапает-покапает дождик и перестанет. А потом как зарядил! Дождь то затаихал, то вдруг обрушивался на землю с такой силой, что даже деревья не было видно за сплошным потоком воды. В такую погоду и носа не высунешь из палатки.

От вынужденного бездействия у девочек испортилось настроение. Они попытались бороться со скукой, попробовали со-

чинить песенку, как сочиняли, бывало, на ходу, в пути. Но ничего не получилось. В голову приходили только жалобные, давно известные слова:

А струйки мутные стекают
За воротник и по спине...

Попробовали было затеять какую-то игру, но играть никому не хотелось. Пришли дежурные, рассказали, что на речке сорвало мостки, которые были переброшены с одного берега на другой, и размыло ступеньки в крутом глинистом откосе — теперь не поймёшь, как и спускаться к воде. Поговорили ещё о чём-то, вспомнили город, дом, и всем вдруг стало очень грустно. Одна была надежда: к утру дождь пройдёт.

Но утром, проснувшись, девочки услышали монотонный знакомый шелест дождя. Брезентовые палатки намокли. Прикоснёшься к полотнищу, и скопившаяся

холодная вода тотчас прольётся внутрь палатки. Нельзя было развести огонь: отсырел хворост. Когда было солнечно, никто не подумал заготовить достаточно топлива. В довершение всех бед не пришла из города машина с продуктами. Видно, размыло дорогу. И маленький лагерь, в котором ещё недавно жизнь была ключом, замер и помрачнел.

Не было обычной возни на кухне — мокрая печка стояла заброшенная и потухшая, не было весёлых и шумных сборов к обеду: по столу, по скамейкам барабанил дождь. Девочки сидели или лежали в своих палатках, и только дежурные, накрывшись плащами, торопливо разносили «сухой паёк» — хлеб, несколько кусков сахара, масло, порцию холодных консервов.

И всё как-то изменилось вокруг: и милые светлые берёзки, и красные флажки вокруг лагеря, и палатки, и речка под горой — всё вокруг стало серым и хмурым.

Дождь не унялся к вечеру, не стих он и к утру следующего дня. Все мысли, все разговоры, все надежды девочек были связаны с тем счастливым временем, когда дождь, наконец, кончится. Лёжа в палатках, они прислушивались: кажется, стихает; выглядывали: кажется, виден просвет. Но дождь вдруг начинал лить с новой силой, и тогда все в лагере снова погружалось в апатию. Было трудно с продуктами, но девочки не пошли в соседнюю деревню за молоком. Многим не хотелось даже вставать, умыться.

— Всё равно сейчас опять ложиться, — говорили они.

В этих унылых девочках трудно было сейчас признать смелых и страстных путешественниц, которые так искренне удивлялись, когда кто-то хотел жить летом на даче или в деревне, в обыкновен-

ном доме, а не на вольном лесном просторе. Как стремительно влетали они в пионерскую комнату, когда там шла запись в туристский лагерь! Как волновались перед кабинетом врача: вдруг непустят? Какими мужественными они были в трудные первые дни в лесу! Девочки сами разбили этот лагерь. Они сами натянули палатки, сложили печурку, вкопали в землю и этот большой стол и эти длинные скамейки, сами накосили и насушили травы, набили ею свои наволочки, тюфяки. И даже в самых трудных походах они держались молодцом. Они не испугались, когда заблудились, возвращаясь из Подольска, и шли всю ночь напролёт через овраги, ручьи, по совсем незнакомому лесу. Тамара Слуцкая несколько раз взбиралась на деревья, чтоб разглядеть, не виден ли где-нибудь огонёк. Никогда они не унывали, никогда не падали духом. А сейчас из-за дождя они совсем расклеились...

Юля Дубравина была вожатой уже четвёртый год, она не раз выезжала в лагерь. И она ясно понимала, что, сколько бы ни продолжался этот дождь, нельзя бездельно переждать его, лёжа в палатках и слушая, как стучат капли. В бездельствии слабеет и самый энергичный человек.

Так кто же из девочек поможет ей стряхнуть с лагеря это унылое настроение?

...Молчаливые, задумчивые мечтательницы, весёлые шалуны, девочки отважные, такие, как Тамара Слуцкая, которая может, не задумываясь, вскочить на неосёдланного коня, и девочки тихонькие, несмелые, которые вначале боялись темноты, тревожного шелеста листьев, боялись в одиночку ходить по лесу, — Юля

Дежурные не обращали внимания на непогоду.

По вечерам все собирались под навесом.

хорошо знала их всех. Ей вспомнился случай с будильником. Рано утром она проснулась по его звонку и шла будить дежурных. Но однажды будильник не зазвонил. В этот день дежурила Люся Ковалёва. Ещё накануне она заявила, что встанет сама: стыдно, когда дежурных будит вожатая. Вожатая всё же на всякий случай завела будильник. Но Люся поднялась раньше неё и тихонько выключила звонок. Пусть вожатая поспит, ведь она-то, дежурная, уже встала! В этом поступке была вся Люся — девочка с весёлым и заботливым характером, с чутким и добрым сердцем.

Вожатая знала мысли, желания, характеры своих путешественниц, она всегда была рядом с ними: и в походе, и на работе в колхозе, и зимой в школе, — все девочки были из 628-й школы, где Юлия работала вожатой. И сейчас она уже знала, кто сумеет нарушить это «дождливое настроение».

Утром, зайдя в палатку к Тамаре Слуцкой, она сказала:

— Нехорошо получается у тебя, Тамара. Только что научилась плавать и бросила.

— Ужасно мне жалко, Юлия, — горячо откликнулась девочка, — я ведь сколько лет мечтала научиться! Да вот дождь проклятый.

— А что, дождь разве мешает? — удивилась Юлия. — Наоборот, сейчас очень хорошо купаться. Вода тёплая, как парное молоко. Хочешь, пойдём?

Тамара внимательно посмотрела на вожатую, потом схватила полотенце и выбежала вслед за ней из палатки.

— Может быть, ещё кто-нибудь пойдёт с нами? — обернулась вожатая, но никто не откликнулся.

— Охота была ещё в речке мокнуть, — буркнул кто-то.

Из всех палаток выглядывали девочки, прожывая взглядом купальщицу.

А в это время Люся Ковалёва, которую Юлия назначила завхозом, возилась у печурки. Она поправила над печкой навес и теперь пробовала сварить макароны. Отсыревший хворост тлел, и, несмотря на все люсины старания, хорошего огня не получалось. Люся терпеливо и внимательно следила за крошечным огоньком. Дым ел ей глаза, но она настойчиво и осторожно, чтобы не загасить огонь, подкладывала всё новые и новые веточки.

И вот вода закипела, Люся бросила в неё макароны.

— Копчёные макароны, последнее изобретение кулинарии, — пошутил кто-то.

Скоро дежурные разносили по палаткам горячие макароны с консервами.

В полдень Люся и двое дежурных по-

шли в деревню за молоком. Деревня была не близко, в нескольких километрах от лагеря. Ноги скользили по грязной дороге, но Люся подбадривала: «Посмотрите, сколько мы уже прошли. Осталось — совсем пустышки».

И они вернулись в лагерь с двумя ведрами молока. Это было существенное дополнение к их скромному меню. С этого дня дежурные, не обращая внимания на непогоду, ходили и в деревню и в палатку на станции. Было трудно тащить на себе рюкзаки с буханками хлеба на сорок человек. Трудно, не расплещивая из ведер молоко, пробираться по размытой глинистой дороге. Но теперь в лагере каждый день было и молоко, и мягкий хлеб, и свежая зелень...

...Дождь всё не стихал. Он шёл семь дней подряд. В лесу, казалось, промокла каждая былинка. Но в лагере уже не было унынья. Увидев, что дожди затянулись, колхозники забеспокоились и пригласили девочек в деревню, но те отказались. Им не хотелось покидать свой лагерь. Утро, по примеру Тамары, все начинали с купанья. По очереди, партиями в шесть человек — в лагере было шесть плащей, — девочки уходили на речку и возвращались бодрые, радостные. Из-под капюшонов выглядывали розовые смеющиеся лица: всегда на речке происходило что-нибудь смешное. Дежурные готовили горячий завтрак, и после него девочки с увлечением благоустроивали лагерь: они глубже око-

пали палатки, укрепили навес над кухней, сделали сток для воды. Полным ходом шёл шахматно-шашечный турнир. А по вечерам все собирались под навесом, растянутым над печкой. Кругом стояла тьма, шумел лес, с боков порой захлестывал дождик... Все сидели, сгрудившись, тесно прижавшись друг к другу, и рассказывали разные истории из книг, вспоминали, кто что видел, где бывал. Иногда Юля играла на баяне, и тогда по тёмному лесу, заглушая рокот дождя, разлеталась звонкая песня.

А потом у девочек появился даже патефон! Один колхозник, совсем незнакомый человек, прислал им свой патефон: «Чтo было не скучно было!»

И недаром уже в городе, встречаясь друг с другом, девочки (а они все из разных классов) непременно говорили:

— А помнишь те семь дней? Помнишь наш дождливый вечерок? Вот было славно!

Так из целого месяца яркой жизни память лучше всего сохранила эти семь самых трудных дней — дней, когда девочки узнали, что бодрость и жизнерадостность побеждают невзгоды, что и в самый проливной дождь по лесу могут разноситься звонкие песни. И даже сейчас девочки невольно улыбаются, вспоминая, как на восьмой день ярко блеснуло вдруг солнце. Никогда они не видели такого яркого, золотого солнца. В тот же день они пошли в поход.

Б А Р А Б А Н

Анатолий Милявский

Мы идём тропой широкой,
Нам в друзья недаром дан
Наш весёлый краснобокий
Пионерский барабан.

Ветерок спешит вдогонку,
Солнце раннее встаёт,
Мы выходим с песней звонкой
В пионерский наш поход.

Если ты устал в дороге,
Барабан не подведёт,

Загремит — и сами ноги
Понесут тебя вперёд.

Он зовёт шагать смелее:
— Не плетись, дружок, в хвостел!
С ним в походе веселее,
С ним не страшно в темноте.

Перед нами путь далёкий...
Эй, друзья, не зря нам дан
Наш весёлый краснобокий
Пионерский барабан!

В Ы Д Р А

Рассказы В. Коновалова

Рисунки А. Ливанова и В. Трофимова

Озеро Кардывач лежит среди гор. Весной, когда снег на вершинах начинает таять, гигантская котловина переполняется водой, и тогда река Мзымта, берущая свои воды из озера, становится особенно бурной и шумной.

Начиная свой стремительный бег на большой высоте, Мзымта с шипением и рёвом преодолевает каменные глыбы и обрывистые пороги. Только у города Адлера река вырывается наконец из скалистых теснин и, немного успокоившись на широком просторе, вливается в море.

В тех местах, где Мзымта срывается со скал водопадами или стремительно налетает на валуны, обычно собирается много рыбы. При падении вода обильно насыщается воздухом, поэтому рыбы косяками плавают вокруг кипящей пены.

У одного из таких водопадов частенько можно видеть деда Трофима. Старик терпеливо сидит на камне и пристально следит за поплавками прищуренными глазами из-под нависших бровей. Когда поплавок начинает дрожать, образуя на воде бегущие круги, Трофим удовлетворённо

поглаживает рыжую с проседью бороду. Неутомимый рыбак всегда приносит с Мзымты сазанов, форелей и даже усачей.

Но однажды вечером рыба перестала ловиться. Казалось, она совершенно исчезла из быстрой горной реки. Почему? Трофим долго ломал голову над этой загадкой и наконец решил пойти к сельскому учителю посоветоваться.

— Пётр Иванович, вы у нас самый образованный человек, объясните: почему рыба перестала ловиться? — спросил Трофим.

Подумав немного, учитель сказал:

— Пожалуй, это не так уж сложно объяснить. Наше село находится недалеко от заповедника. И, надо полагать, оттуда к нам переселилась выдра. Выдра — очень ценный пушной зверёк, но это страшный хищник. За каждую охоту жадный зверёк истребляет уйму рыбы. Дело в том, что организм выдры нуждается в фосфоре, поэтому она частенько выпивает только мозг, а рыб оставляет на берегу.

— Ишь, паршивка! — воскликнул Трофим. — Доберусь я до неё!

Трофим принёс выдру к реке и спустил на камни.

— Не так-то это просто, — заметил учитель. — Поймать выдру почти невозможно.

— Кому, может, и невозможно, а я словлю! — убеждённо сказал Трофим.

Старый рыбак продолжал ходить на реку. Он убедился в правильности предположения учителя. По утрам на берегу Мзымты он находил следы маленького свирепого рыболова: крупную форель и других рыбёшек с отгрызанной головой. С сожалением рассматривая эти остатки пиришества, Трофим ворчал:

— До чего жадность доводит! Ведь не голодная была, паршивка, а погубила столько добра! Погоди, погоди, ты у меня полакомишься!

Трофим решил засесть на всю ночь с ружьём, а заодно попробовать поудить рыбу не обыкновенной леской, а тонким тросом.

Придя к водопаду, рыбак закинул удочки и сел на камень, положив рядом с собой ружьё.

Ночь тянулась необычайно медленно и томительно. Поплавки спокойно держались на тёмной воде, казалось, примёрзли. Постепенно Трофима начало клонить ко сну, и незаметно под говорок Мзымты рыбак заснул тут же, на камне.

Проснулся он от птичьих голосов. Вскочило солнце, над горами уже сияло голубое небо. Трофим испуганно раскрыл гла-

за и кинулся к удочкам. Одной не было на месте.

— Окаяня какая! — воскликнул рыбак, досадуя на себя. — Проспал и удочку и рыбу!

Вскоре, однако, пропая была найдена: удочка лежала на берегу, в нескольких шагах вверх по течению, зацепившись за камни. Трофим с радостью поднял найденное удилице и вдруг почувствовал, что тонкий трос сильно натянулся.

«Да тут кто-то зацепился!» — подумал он и, чтобы добыча не сорвалась, осторожно запустил руку под корень свисавшей над рекой ольхи, куда уходил трос. Что-то скользкое, мохнатое ударилось в его ладонь. От неожиданности рыбак покачнулся, потерял равновесие и свалился в реку. С трудом выравшись на берег, он отряхнулся и опять запустил под корень руку, но там уже ничего не было. По ходу лески Трофим отыскал вскоре вход в нору выдры. Вход этот был устроен под водой, поэтому обнаружить его удалось не сразу. После нескольких попыток Трофим выгнал выдру из гнезда.

— Ага, вместо рыбы поймался зверь! — воскликнул он торжествующе.

Только теперь он понял, что в эту ночь на его удочку вначале поймалась рыба, а затем жадная выдра подкралась, съела её и оказалась сама на крючке.

— Не уйдёшь, злодейка, не уйдёшь! — повторял обрадованный рыбак.

Он снял с себя пояс, сделал из него петлю и в воде накинул её на выдру.

Пойманный зверёк упорно боролся за жизнь: крутил в петле приплюснутой головой, скалил пасть и судорожно разводил задними перепончатыми лапами.

С необыкновенной добычей рыбак зашёл к Петру Ивановичу и сказал не без гордости:

— Видите? Всё-таки поймал...

Удивлённый учитель посмотрел на зверька.

— Завидую вашей удаче. Между прочим, выдра хорошо приручается. Попробуйте оставить её. Вот увидите: она быстро привыкнет и будет вам хорошей помощницей.

И действительно, выдра вскоре привыкла к новой обстановке.

Ежедневно в определённое время она получала корм из рук хозяина и сразу узнавала его.

Однажды Трофим задержался на работе. Проголодавшаяся выдра сломала клетку и, тщательно сбюхивая следы, пришла в колхозный сарай к Трофиму. Вспрыгнув к нему на колени, выдра радостно замала свисавшим плоским хвостом.

— А, есть захотела? — засмеялся Трофим. — Ну что ж, пойдём на речку, коли ко мне пришла: проверю, какая ты у меня помощница!

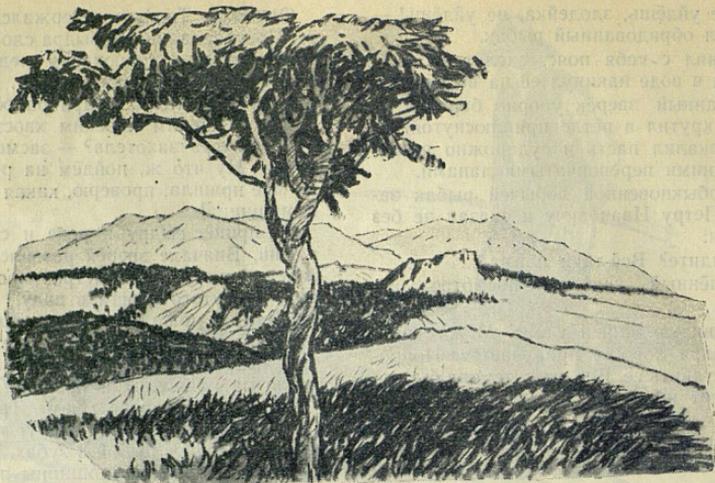
Он принёс выдру к реке и спустил на камни. Вначале зверёк резвился, прыгал, затем вытянулся и быстро пополз на животе с крутого берега в воду.

«Теперь, пожалуй, не вернёшь тебя», — с сожалением подумал Трофим, увидев, как выдра, сильно взмахнув лапами, исчезла за подводными камнями.

Прошло несколько минут. Трофим уже собирался уходить, как вдруг показалась голова выдры с рыбой в зубах. Так рыбак получил от своей помощницы первую форель.

С той поры они выходят на рыбную ловлю всегда вместе.

ЦВЕТОК-ОБМАНЩИК

В один из жарких летних дней я ехал на машине из Сочи в Красную поляну. Узкая дорога вилась по горному уступу над страшной пропастью. Далеко впереди открывались величественные вершины гор, покрытые голубой дымкой лёгких облаков. Лиственный лес, сверкавший под солнцем яркими красками, остался позади, и его сменили тёмные хвойные массивы, словно дремавшие на высоких склонах.

В Красной поляне я остановился у знакомого проводника Пиленкова. Разговор зашёл о богатейшей растительности этих гор.

— Да, в Кавказском заповеднике есть дремучие леса, — сказал Пиленков. — Но это не диковина для тебя. А вот дремучий луг — это, пожалуй, будет куда интереснее!

— Дремучий луг? — недоверчиво переспросил я.

— Вот именно. Хочешь посмотреть?

Я, разумеется, тотчас изъявил согласие.

На следующий день после многих часов трудного пути, преодолев несколько скалистых хребтов, мы очутились на небольшой поляне.

— Вот он, дремучий луг! — показал

Пиленков на тёмнозелёный покров субальпийской растительности.

Перед нами стояла густая, выше человеческого роста трава. Вскоре мы скрылись в этом своеобразном лесу из высоких стеблей.

Я долго осматривал высокотравье. Здесь были стебли гигантской овсяницы, белые и синие цветы аконита, высоченные зонтичные растения, величественные живокости, опускавшие на моё плечо кисти синих цветов, гигантский колокольчик, на одном стебле державший до сотни цветов, белая валериана, буйная дикая морковь и много других трав и цветов.

— В этих зарослях немудрено и заблудиться! — воскликнул я.

— Думаю, что как-нибудь выберемся, — пошутил Пиленков и, осторожно, по-хозяйски погладив ладонью белый зонтик цветущей дикой моркови, сказал: — Этот цветок менее красив, чем другие. На него не садятся насекомые, а опыляться я ему надо. Поэтому цветок обманывает птиц, заставляет их работать на себя.

— Цветок-обманщик, — вставил я.

— Определение точное, — подтвердил проводник и, увидев невдалеке птичку, спрятался в траве.

Его примеру последовал и я. Мы хорошо замаскировались и стали ждать.

Над нами летал чеканчик. С высоты он заметил на дикой моркови чёрненькую сердцевину — приманку. Надо полагать, она напомнила ему муху, жадно впившуюся в белый зонтик растения.

Решив схватить мнимую муху, чеканчик ринулся вниз и ударился грудью о цветущий зонтик. Золотистая пыль полетела во все стороны, на другие цветы.

— Ловко получилось! — воскликнул я. — Обманутая птица опылила растение!

— погоди, я покажу тебе не одно чудо, — пообещал Пиленков.

К вечеру мы поднялись на плато у снежного поля Ачишко, гордо поднявшей снежную голову на 2365 метров над уровнем моря.

— А вот и верхнеальпийский ковёр, — сказал Пиленков.

Перед нами лежала чудесная поляна, покрытая низкими, но крупными цветами всевозможной окраски.

Я с удивлением смотрел на приземистые, но яркие и сочные растения, за которыми совсем близко виднелись пятна снега. А ещё выше простиралось сплошное снежное поле.

— Какой контраст! — поразился я. —

Следуя взглядом за рукой Пиленкова, я увидел четырёх серн.

Луг с травами-великанами — и луг с растениями-карликами! Пышная зелень — и безжизненный снежный покров!

Пиленков притронулся к моему плечу и молча указал на взгорье. Следуя взглядом за его рукой, я увидел четырёх серн. Три самки спокойно лежали, а возле них на страже стоял самец. Я долго любовался красивыми животными, и меня ещё сильнее влекли к себе горы Кавказа.

СТАРЫЙ ОЛЕНЬ

В Кавказский заповедник как-то приехал фотокорреспондент центральной газеты Василий Федотов.

— Ваш заповедник на весь мир славится, — сказал он одному из наблюдателей заповедника, — и наши читатели им очень интересуются.

— Да, у нас есть чем полюбоваться! — с гордостью отвечал наблюдатель. — Тут звери совершенно не боятся человека.

И словоохотливый Пётр Михайлович, не заставляя себя долго просить, с увлечением начал рассказывать о жизни четвероногих обитателей заповедника.

— Недалеко от моего кордона живёт олень-старичок, — сказал он. — Это самый старый олень в заповеднике. Его шерсть от времени побелела, и люди в шутку называют его седым. Но храбр и ловок ещё мой старик. В прошлом году я сам видел, как он распорол рогами волка. Волк так и не поднялся.

Федотов тут же взял свой фотоаппарат и попросил наблюдателя показать ему седого оленя.

— Олень строгий, к нему близко не подойдёшь — предупредил Пётр Михайлович.

Вскоре они уже были в пути. Вокруг возвышались величественные горы. Их вершины терялись в седых облаках.

Федотов внимательно рассматривал серые, замшелые каменные плиты и удивлялся, как могли расти на этих камнях огромные деревья, глубоко пустившие толстые корни в расщелины угрюмых скал. Глубокая осень сняла с гор пышный летний наряд.

Пётр Михайлович быстро шёл в гору по узкой извилистой тропинке. Федотов едва поспевал за ним. Он быстро устал с непривычки, но не подавал виду. Кордон заповедника давно остался внизу и скрылся в густых облаках тумана, разливающегося по ущельям и долинам.

— Приготовься! — шепнул, наконец, наблюдатель, указывая рукой на открытую светлую поляну.

На поляне, на высоком бугре, стоял старый олень. Его гордо приподнятая голова была украшена большими рогами с многочисленными отростками. У ног лежала лань с ушастью детёнышем.

— Вот он, боевой старик, со своей другой и потомством! — шепнул Пётр Михайлович. — Попробуй заснять всё семейство.

— Далековато для моего объектива, — поглядывая в аппарат, сказал Федотов. — Подойдите ближе.

— Ближе не подойдёшь, — ответил на-

блюдатель и, опустившись на колени, пополз к поляне.

Переползая с места на место, фотокорреспондент то и дело щёлкал аппаратом и всё сетовал:

— Далеко, далеко очень.

— Что ж, ты хотел до его копыт добраться? — пробурчал Пётр Михайлович. — С твоим аппаратом надо было ехать не на Кавказ, а в Московский зоопарк: там и снимал бы зверей в клетках.

Старый олень попрежнему стоял на поляне, охраняя отдыхающую лань с ланчуком. Но вот он начал чаще поворачивать голову, беспокойно оглядываясь по сторонам выпуклыми чёрными глазами, а затем, заметив людей, вскинул на спину рога и словно замер на месте. Когда всполошённая лань скрылась с ланчуком в лесу, олень, выждав ещё несколько мгновений, помчался следом за ними.

Федотов несколько раз щёлкнул фотоаппаратом, пытаясь снять оленя в момент его стремительного бега, и раздосадованно махнул рукой:

— Разве вашего рогаля сфотографируешь! И какой же это старик? Глазастый, чуткий, быстроногий!

— Одним словом, герой! — закончил наблюдатель.

Семь дней Федотов и Пётр Михайлович бродили по заповеднику, но седой олень не попадался им больше на глаза. Запас плёнки кончился, и Федотов решил возвратиться на кордон.

Вечером он проявил плёнки. Ни один снимок не удовлетворил его: олень то не попадал в фокус, то получался слишком крохотным.

— Не повезло! — удручённо вздохнул он и с досады рано лёг спать.

На следующее утро Пётр Михайлович разбудил гостя чуть свет.

Старый олень стоял на поляне, охраняя отдыхающую лань с ланчуком.

— Скорей поднимайся, а я побегу!

Федотов слышал, как за деревянными перегородками небольшого дома суетились жители кордона. Любопытство подгоняло его, и он, быстро одевшись, выбежал во двор. Ему представилась поразительная картина.

Пять матёрых волков гонялись вокруг кордона за седым оленем. Хищники уже почти настигали его. Тогда олень, порывшись с кордоном, ринулся к дому наблюдателя и стрелой ворвался в открытый загон.

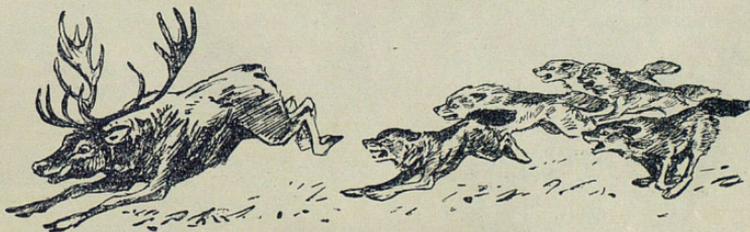
Пётр Михайлович быстро закрыл в загоне ворота и крикнул Федотову:

— Ну, теперь сколько хочешь снимать седого на карточки!

Федотов разочарованно развёл руками:

— Плёнки-то нет. Не пойму, что у вас за звери: то человека на выстрел к себе не подпускают, а то сами к нему бегут.

— На то и заповедник, — объяснил Пётр Михайлович. — Когда опасность ка-

Пять матёрых волков гнались за седым оленем.

кая, животные у друга своего, человека, защиту ищут.

За кордоном раздалось несколько ружейных выстрелов. Это младшие наблюдатели стреляли по волкам. Испуганный выстрелом, олень высоко подпрыгнул, будто хотел задеть своими ветвистыми рогами низко плывшие над загоном облака. Увидев этот изумительный прыжок, Федотов совсем приуныл.

— Вот бы сейчас щёлкнуть! Получился бы хороший снимок!

Он долго рассматривал пленника, который, успокоившись, лениво жевал душистое сено.

— А всё же старик труслив,— сказал Федотов после раздумья.

— Это почему же? — спросил Пётр Михайлович.

— Как почему? Самку-то и ланчука он бросил, а сам удрал.

— Зря, зря наговариваешь ты на него,— неодобрительно покачал головой наблюдатель.— На оленей напали волки, самец вступил с ними в бой. Он храбро дрался рогами и копытами, задерживал волков, чтобы дать возможность лани убежать от хищников. Олень принял на себя удар волков. И только когда почувствовал, что ему не устоять в неравной борьбе, побежал к кордону. Лань и детёныша он спас. Как только в лесу будет спокойно, он по следу найдёт их.

Два дня олень прожил на кордоне, а на третий день, когда Федотов, получив из города плёнку, попытался было сфотографировать пленника, тот легко перепрыгнул высокую изгородь и быстро скрылся в лесу.

Пётр Михайлович громко рассмеялся: — Ну, тут уж ты сам виноват! Олень, можно сказать, в руках был, а ты не укараулил его.

БЕЛОЧКИН ДОМ

Труден был путь на вершину горы Ачишко. Семь часов мы преодолевали последние два километра снежной твердыни. И вот, наконец, вершина! Отсюда открылась величественная панорама гор, отрогов и ущелий. Вдали в синеве небес высились острые пики горного узла Кардывач, в его вечных снегах рождается бурная река Мзымта. От горного сплетения Кардывач тянулись хребты, окружающие высокогорное озеро Рица. Казалось, совсем рядом блестел перламутром ледник Псеашхо.

Опершись на ледоруб, проводник Пиленков показал на запад:

— Вон и Сочи виднеется.

Я обернулся и долго смотрел на родной город, где под пальящими лучами солнца зеленели парки. Там, у моря, цвели сейчас розы, а здесь царил зима.

В стороне гордо высилась гора Ахун, увенчанная белокаменной башней. Влево от Ахуна, внизу, в голубой дымке затерялся городок Адлер.

— Погляди на красавицу, — сказал проводник.

Я посмотрел на север и увидел ослепительно сверкающую вечными снегами гору Фишт. На востоке, словно громадный утёс, возвышался Эльбрус.

Пиленков предложил мне отправиться вместе с ним в Теберду, где жил его друг. Не догадываясь, какие трудности ожидали нас в пути, я согласился.

Пробираясь через таинственные горные дри Главного хребта, мы несколько раз проваливались в ледяные трещины, нас настигали в пути бушующие метели, мы с трудом выбирались из огромных сугробов.

Наконец-то мы перебрались на восточный склон Главного Кавказского хребта! Здесь горные реки, речушки и ручьи текли уже не на запад, а на восток, в степи Ставрополя, к Каспию.

Под вечер Пиленков привёл меня к небольшому домику, кордону Тебердинского заповедника, и постучал в дверь.

— Заходи, — откликнулся кто-то басом.

В тёплой лесной избушке ярко горела лампа-«молния». За столом сидел плотный старик с пышными седыми волосами.

— Прощу к столу, — не поднимая головы, сказал хозяин избушки.

— Игнат! Неужели не узнаёшь? — окликнул его Пиленков.

От удивления старик широко раскрыл глаза, затем быстро поднялся и крепко обнял друга.

В лесной избушке сразу стало шумно и весело.

— Сколько лет, сколько зим! — радостно говорил Игнат. — Надолго пожаловали?

— Долго задерживаться не будем, — ответил Пиленков. — Решил я проведать тебя, вот и зашли.

Белна легко перескакивала с ветки на ветку.

— Нет, брат, пока не поглядите моих белок, не отпущу! Теперь тебердинского леса не узнаешь. Идешь по тропе, а белки с дерева на дерево прыгают, так и кажется, что ты не на Кавказе, а в сибирской тайге.

— Откуда же у вас белки? — поинтересовался я.

— С 1937 года они у нас, — сказал Игнат. — Помню, в том году собрал нас как-то директор заповедника и говорит: «На Кавказе есть все условия для белки. Хвойные деревья есть, и зима на высокогорье долго бывает. Только большие степные пространства мешают белкам переселиться с севера на Кавказ». Сказал это, а потом спрашивает: «Кто желает ехать на Алтай за белками?» Ну я, конечно, согласился. На прощанье директор пожал мне крепко руку и приказал: «Покрупней ловите белочек на распад!».

— И наловили? — спросил я.

— Несколько сот, — с гордостью ответил Игнат. — Алтайские охотники помогли. И белки у нас хорошо расплодились, завтра сами убедитесь.

* * *

Чуть свет мы уже были на ногах и, захватив лыжи, двинулись в путь.

За зубчатым гребнем гор постепенно разгоралась заря, затем вошло солнце, и снежинки, словно алмазы, занеслись на ветвях пихт, сосен и елей.

Игнат шёл впереди и всё время поглядывал вверх. Наконец, он остановился и радостно воскликнул:

— Вон-вон! Видите, на ветках осыпался снег? Это след белки.

Он подал знак, чтобы мы немедленно шли за ним, и снова двинулся вперёд. Вскоре он остановился под развесистой пихтой, показал лыжной палкой вверх и шепнул нам:

— Белка.

Мы стали внимательно осматривать огромное дерево, покрытое толстым слоем снега. Некоторое время мы ничего не замечали. Но вдруг одна ветвь задрожала, и на наши плечи посыпался снег. В ту же минуту мы увидели светлосерую белку с пушистым хвостом. Она легко перескакивала с ветки на ветку.

Пиленков первый заметил, что новую обитательницу кавказских лесов яростно преследовала кунница — тёмножелтый зверь с белым пятном на горле.

Кунница азартно гналась за белкой. Резкими прыжками она подымала на пихте облако снежной пыли, затем вдруг вытягивалась на ветке и, не шевелясь, следила за юрким серым зверьком. Но когда кунница-охотница, как кошка, подкралась к белке и стремительно бросилась на неё, та, почувствовав смертельную опасность, распластала свой пушистый хвост и, словно птица, перелетела на рядом стоящее дерево.

Кунница-охотница, не шевелясь, следила за юрким серым зверьком.

— Бедовая зверушка! — восторженно заметил Пиленков. — А кунница с носом осталась. Вот, небось, злится!

Мы двинулись дальше, вниз по склону горы, лавируя между деревьями и кустарниками.

Тем временем солнце успело подняться высоко. Ослепительное мерцание ледниковых вершин, блеск снега под ногами, белое убранство леса вдруг вызвали у меня головокружение. Заметив, что я побледнел, Пиленков остановился и подхватил меня под руку:

— Что с тобой?

— Плохо мне. На снег не могу смотреть.

Пиленков поднял руку и вытянул вверх указательный палец:

— Ну-ка, погляди на мой палец. Двонитесь?

— Не то что двонится, а пятерится! — попытался пошутить я.

— Это у тебя горная болезнь начинается, — определил Пиленков. — Такие случаи в горах часто бывают. Пойдём-ка сюда.

Он осторожно ввёл меня под гигантские ветви ели, которые низко опускались к земле, как зонты, нависая вокруг ствола дерева. Здесь было тихо и уютно. Густой покров ветвей не пропускал света. Я присел на вешевой мешок и прислонился спиной к дереву. Пиленков, увидя в стволе старой ели дупло, от нечего делать стал разгребать лыжной палкой листву в нём. Вдруг его лицо просияло.

— Сюда, сюда... — позвал он Игната.

Забыв о болезни, я тоже привстал, за-

глянул в дупло и увидел под листвой спавшего барсука.

— Вот куда забрался, проказник, — рассмеялся Игнат.

Пиленков заботливо прикрыл барсука, и в этот момент Игнату в лицо посыпались сухие листья и хвоя.

— Эй, кто там? — крикнул он, взглянув на вершину дерева.

— Белка! — шепнул Игнат, и на его лице мелькнула улыбка. — Это теперь не гостья, а хозяйка здесь! Видите, из дупла ненужный хлам выкидывает. Весну почуяла, гнездо своё в порядок приводит.

В огромной ели квартировали двое: в нижнем «этаже» — старый жилец, избалованный теплом южанин-барсук, а на втором — новая жиличка, белка, закалённая алтайскими морозами. Кавказская зима, видимо, казалась белке весной, поэтому она и принялась за работу раньше срока.

Несколько раз белка вылезала из дупла, затем снова скрывалась в нём и, поглядывая из своего теремка чёрным глазком, бросала в нас прутики, кожуру орешков и клочки вылинявшего меха.

Мне захотелось посмотреть, как она оборудовала свой дом, и я быстро залез по толстым ветвям наверх.

Белочка выпрыгнула из дупла, уселась на краю длинной ветки и, прикрыв пушистым хвостом голову, обеспокоенно наблюдала за мной. В неглубоком дупле лежали орешки. Видно было, что запасливая северянка чувствует себя на Кавказе хорошо.

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ВОЛЧОК

Хороший волчок, если его как следует запустить, кружится очень долго. Иной раз даже кажется: не спрятали ли в нем моторчик?

Ну, а что если по всем правилам современной техники построить большой волчок? Инженеры сделали расчёты, и получились удивительные цифры. Волчок весом в полторы тонны будет вращаться целый день, от зари до зари! Надо только ослабить трение: посадить ось волчка на роликовые подшипники и всё устройство заключить в герметический кожух, наполненный самым лёгким газом — водородом. Это для того, чтобы диск волчка тратил меньше энергии на перемещение струй газа.

Но такой волчок, конечно, не игрушка. Инженеры намерены применить его в автобусах вместо двигателя. Расчёты показывают, что такой автобус будет удобной и экономичной машиной. Луч-

ше, чем, например, трамвай или троллейбус. Ведь те привязаны к электрическим проводам и не могут свободно маневрировать на улицах. Новая машина лучше и автобуса: ей не нужен дорогой бензин.

Как же будет устроен автобус с волчком? Волчок поместится под полом машины. На одной оси с ним будет посажен электрический двигатель. С его помощью, перед тем как отправиться в путь, волчок будет разогнаться до трёх—четырёх тысяч оборотов в минуту.

После этого электродвигатель и волчок поменяются

ролями. Волчок крутится, а двигатель становится генератором тока. Этот ток приводит в ход обычные электродвигатели, вращающие колёса автобуса.

Энергии, которая запасена в диске волчка, хватит на пяти—шестикилометровую поездку. В городах автобусные станции размещены значительно чаще. Поэтому всегда есть возможность «подкрутить» останавливающийся волчок. Для этого, пока выходят и садятся пассажиры, мотор подключается к электрической сети и подгоняет диск волчка.

На перегоне автобус с волчком сможет развить скорость до пятидесяти километров в час.

Пока это только проект. Но он подкреплён точными расчётами, и быть может, недалеко время, когда автобусы, движимые чудесными волчками, поведут по улицам пассажиров.

Микроэлементы

Есть болезнь скота, которая называется сухоткой. Долгое время не удавалось выяснить, чем вызывается это заболевание. Наконец, тщательно изучив больных животных, советские ветеринары установили, что в организме всех животных, больных сухоткой, не хватает кобальта.

Кобальт — тугоплавкий металл серовато-белого цвета. В свободном состоянии кобальт в земной коре не встречается. Поиски кобальтовой руды раньше были чрезвычайно трудным, опасным делом, поэтому этот металл и получил такое название:

кобальд по-немецки означает «горный дух». В старину кобальт употребляли только для изготовления чудесных красок и для окраски стекла в синий, зелёный, фиолетовый и красный цвета. Теперь кобальт служит главным образом для получения твёрдых сплавов и для изготовления сверхсплавов магнитов.

Но кто мог предположить, что этот металл так необходим для лошадей и коров? Исследования показали, что кобальт входит в состав витаминов, способствующего кровообразованию и обмену веществ. Для полного излечения

скота от сухотки понадобятся совсем ничтожные дозы кобальта.

Академик В. И. Бернадский и член-корреспондент Академии наук СССР А. П. Виноградов доказали, что в организме животных и людей открыто более шестидесяти химических элементов. Все эти элементы содержатся в живых организмах в совсем незначительных количествах, поэтому их и назвали микроэлементами и ультрамикроэлементами.

Микроэлементы бор, цинк, медь, иод, молибден, марганец, радиоактивные вещества и многие другие способствуют

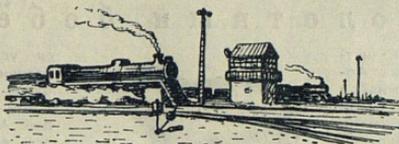
сохранению здоровья и нормальному росту животных и растений.

Сахарная свёкла, которой не хватает бора, поражается гнилью сердечка — опасной болезнью, причиняющей большие убытки. Примесь медно-го купороса к пище животных спасает их от злокачественной

анемии, вызываемой «медным голоданием». Микроэлемент иод предохраняет людей от заболевания щитовидной железы.

На опытных участках сельскохозяйственной Академии имени Тимирязева высеваются семена кок-сагыза, люцерны, пшеницы и клевера, обрабо-

танные микроэлементами и ультрамикроэлементами. Урожайность при этом повышается, растения скорее созревают, лучше борются с болезнями и с холодом. В кок-сагызе увеличивается количество каучука, в технических растениях — содержание других полезных веществ.

А В Т О С Т О П

Наше время — время больших скоростей. Всё быстрее мчатся автомобили и поезда. Когда смотришь на поезд, невольно приходит мысль: как бдительен должен быть машинист, какими крепкими должны быть его нервы, какая твёрдая должна быть у него рука!

Сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта А. М. Брылеев, Н. М. Фонарёв, А. В. Шишляков, А. А. Танцора и С. С. Можая разработали особое устройство — автостоп, — заменяющее глаза и руки машиниста; оно само следит за состоянием пути и заблаговременно предупреждает об опасности на пути следования поезда. За эту работу изобре-

татели награждены Сталинской премией.

Семафор сигнализирует машинисту о том, свободен ли путь впереди. Но может случиться, что в очень тёмную ночь, в снежную бурю, на крутых поворотах с туннелями машинист не заметит предупреждающего сигнала и не остановит во-время поезда. А автостоп обязательно заметит. По рельсам от семафоров передаются электрические сигналы. Эти сигналы улавливаются катушками-приёмниками, укреплёнными на паровозе у самых рельсов. Если впереди горит зелёный огонь, то и в кабине машиниста загорается зелёная лампочка. Но если паровоз въехал на участок с предупредительным, жёлтым огнём, приёмные катушки

улавливают сигнал, и в кабине машиниста немедленно раздаётся свисток. Семь секунд даёт автостоп на то, чтобы машинист, нажав специальную рукоятку, подтвердил, что предупреждение принято им. Если же машинист не нажмёт рукоятку, автостоп сам остановит поезд.

Ничтожная трещина рельса — шириной в сотую долю миллиметра — улавливается автостопом, потому что ток, идущий по рельсам, не может преодолеть препятствия, создаваемого этой трещиной. Электрическая цепь прерывается, и тормоза останавливают поезд.

Автостоп работает уже более двух лет на Южно-Уральской железной дороге.

О т ч е г о у м и р а е т с к о р п и о н

Индийские факиры привлекают множество зрителей, показывая, как скорпион, заключённый в огненное кольцо, якобы убивает самого себя.

Один английский путешественник подробно описал, как факир спокойно достаёт из пазухи ядовитых скорпионов, завернутых в тряпочку, раскладывает костёр и, сделав из угля круг, бросает свою жертву в середину этого пылающего круга. Скорпион мечется по кругу, размахивая над своей головогрудью острым ядовитым крючком, и наконец погибает.

Так создалась легенда о том, что скорпион «сознательно» убивает самого себя.

Многие учёные пытались раскрыть «тайну скорпиона». Но никто из них точно и научно правильно не мог объяснить причину его гибели.

Только недавно советским учёным удалось выяснить, отчего погибает скорпион.

Скорпион может мгновенно убить своим ядом мелких насекомых, которыми он питается. Укус скорпиона нередко смертелен даже для человека, но яд скорпиона вовсе не опасен для него самого и для других скорпионов.

Для более точной проверки советские учёные извелили яд из ядовитых желез скорпиона, находящихся в конечном членике его хвоста, и ввели этот яд другим скорпионам. И оказалось, что яд, добытый у нескольких скорпионов, не убивает даже одного скорпиона.

Отчего же тогда погибает скорпион?

Тщательное изучение организма скорпиона помогло раскрыть эту тайну. Скорпион — ночное насекомое. Он выходит на охоту вечером, когда земля сильно охладится. На раскалённом солнце лёгкие скорпион погибает через не-

сколько секунд: он не выносит жары. Попав в огненное кольцо, скорпион бежит по кругу, стараясь поразить своей ядовитой иглой невидимого противника, причиняющего ему боль. Все его движения продиктованы инстинктом самосохранения, а не стремлением убить себя. Погибает

скорпион оттого, что не может вынести высокой температуры.

Опыты советских учёных доказали ложность буржуазной идеалистической теории о том, что у насекомых есть сознание и что скорпион «сознательно» кончает жизнь самоубийством.

Б о л о т н ы й б о б ё р

Болотный бобр, или нутрия, привезён к нам из Аргентины. Зверёк этот живёт в различных водоёмах и болотах, поросших влаголюбивыми растениями. Он прекрасно плавает и ныряет, он может провести под водой около пяти минут. Всё его тело хорошо приспособлено к жизни в воде — длинный хвост служит ему рулём во время плавания, а уши, чтобы не попадали вода, закрываются специальными клапанами.

Это ценный пушной зверь. Его тёмнобурый мех, напоминающий мех выдр, очень красив и прочен.

Долгое время нутрию разводили только в южных республиках Советского Союза. Но доктор биологических наук Л. В. Бойцов попытался разводить зверьков в центральных областях страны, в том числе и в Подмоскovie.

И болотные бобры прекрасно себя чувствуют на новом месте.

В рыбхозе «Нара», недалеко от Москвы, живут несколько сотен болотных бобров. Зимой их держат в закрытом неотапливаемом помещении, а летом на свободе. Они беззаботно плавают, ныряют, грызут корневища болотных растений. Вдруг раздаётся звук гонга, и зверьки бросают всё и наперегонки плывут к берегу. У них выработал-

ся условный рефлекс: они отлично знают, что их сейчас будут угощать вкусными вещами — морковкой и свёклой. А как они аккуратно едят эти лакомства! Возьмёт нутрия передними лапами, как руками, кусочек и сгрызёт до конца. Не уронив ни одной крошечки. Только яркооранжевые резцы мелькают во рту. У нутрий две пары резцов. Яркооранжевая окраска их свидетельствует о том, что зверёк чувствует себя прекрасно. Если цвет резцов бледнеет, значит, зверьку нездоровится.

Л. В. Бойцов ведёт работу по одомашниванию нутрий. Дома у него уже около четырёх лет живёт нутрия Колобка. Колобка очень привязалась к своим хозяевам, она совсем ручная.

Колобка уже принесла более тридцати бобрат.

П у з ы р ь к и - с о р т и р о в щ и к и

Что, казалось бы, могут делать лёгкие, исчезающие без следа пузырьки воздуха? На что их можно использовать? Оказалось, что их можно заставить работать. Эти пузырьки выполняют такую кропотливую работу, которую не смогли бы сделать сами люди.

Бы, ребята, наверно, читали или видели в кино сказку о Золушке. Вы помните, как мыши помогли ей перебрать несколько мешков фасоли. А воздушные пузырьки делают ещё более сложную работу — они помогают отделить мельчайшие зёрнышки полезных минералов от пустой, ненужной породы.

Для этого руду, в которой содержится какой-нибудь полезный минерал в очень малом количестве, размельчают,

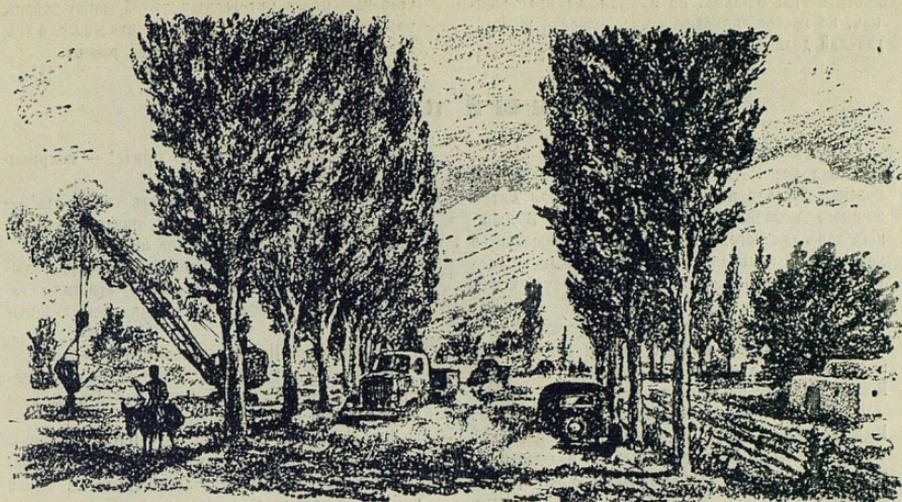
смешивают с водой и получают так называемую пульпу. А потом в пульпу нагнетают воздух — бесчисленное множество пузырьков воздуха. Пузырьки всплывают на поверхность пульпы и, словно грузчики, тащат на себе прилипшие крупинки полезных минералов. Человеку остаётся только направлять куда нужно этих «грузчиков». На этом и основана флотация — обогащение бедных минералами руд.

К пузырькам воздуха хорошо прилипают самородная сера, графит, молибденит. А чтобы заставить пузырьки вытаскивать на поверхность пульпы и другие полезные минералы, в неё добавляют особые вещества, которые помогают полезным минералам

прилипать к пузырькам воздуха. Воздушные пузырьки — очень проворные работники. За одну секунду они могут отделить около полутора миллиардов зёрнышек полезного минерала. Вы не станете удивляться этому, если узнаете, что общая поверхность пузырьков, находящихся в одном кубическом метре пульпы, равна тысяче квадратных метров.

У нас теперь работает множество обоганительных фабрик, где пузырьки отделяют от пустой породы миллионы тонн различных руд.

Флотационный метод не нов. Но его значительно усовершенствовали в последнее время советские учёные — академики П. А. Ребиндер, А. Н. Фрумкин и другие.

ДОЛИНА СОЛНЦА И САДОВ

И. Лавров
Рисунки В. Цельмера

«Хорманлар!» — «Не уставайте!» — так приветствуют в Узбекистане работающих.

Мчится грузовик. Над раскалёнными дорогами встают густые клубы пыли, как будто машины устраивают дымовые завесы. Придорожные деревья до того пропылились, что их листья кажутся вырезанными из серой замши.

Перед моими глазами развёртывается Ферганская долина — огромная впадина среди хребтов Тянь-Шаня. Белые, покрытые снегами горные вершины вздымаются в заоблачную высь. Эти горы очень богаты ископаемыми. В ущельях, в горах, около гор — всюду промыслы, шахты, нефтяные вышки, заводы, рабочие посёлки.

У подножья хребтов расстелились безбрежные пышные хлопковые поля, сады и виноградники. Могучее солнце посылает в долину потоки своих горячих лучей.

Почва в долине дёсовая, плодородная. Как говорится, воткни палку — и она зацветёт. Кругом, куда ни глянь, сады.

Ветви, облепленные алыми яблоками, жёлтой айвой, золотистыми грушами, стучат по борту пролетающей машины. Я стою в грузовике, держась за крышу кабины. Солнце палит, встреч-

ные машины обрушивают на меня тучи пыли, и от неё я белый, как мельник. Но мне весело. Ведь моя профессия — садоводство. Я люблю и всегда буду любить сады и деревья, а здесь впервые я встретил их в таком изобилии.

Узбеки любят и берегут сады. Они их сажают всюду, где только можно, и никто здесь никогда не сломает даже веточку. Большинство колхозов имеет свои питомники, где выращиваются сеянцы.

Сады перемежаются с хлопковыми полями. Ровные ряды пышного хлопка выстроились, словно по линейке. Бончились хлопковые поля, и снова тянется бесконечный сад. Мелькнёт один колхоз с чайханой, магазинами, клубом, больницей, и тут же вынырнет из моря листвы другой, а за ним третий, четвёртый, десятый — сплошной улицей. То и дело мелькают яркие золотисто-зелёные рисовые поля, залитые водой.

А ведь здесь ни один кустик не вырос сам по себе, ни одна струя воды не пролилась сама по себе: всё здесь — дело рук человеческих.

Весна и лето — горячая пора для садово-

инструктора. Пешком, на лошади, на автомашинах, на поезде приходится мне волесить по Ферганской долине. Я бываю во многих колхозах,

встречаю много питересных людей, вижу жизнь, полную трудов и радости. О том, что вижу, о тех, кого узнаю в пути, поведаю я свой рассказ.

ВОЛШЕБНЫЙ ПРЯДИЛЬЩИК

Была уже ночь, когда я вышел в сад, где побрижывал уздечкой мой смиренный и выносливый Воронко. В саду на чёрной земле лежали пятна жирного молочного-голубого света луны. В пышных зарослях деревьев слышалось прерывистое хрустальное бульканье невидимых арычков. Где-то далеко-далеко лилась заунывная узбекская песня.

В этот сонный ночной час отправился я в путь-дорогу. Мертно и глухо цокали копыта. Воронко шагал не спеша и пофыркивал на ходу. Ни мне, ни ему не хотелось горопиться.

Из садов сыпались ликующие трели соловьев. Им грустно вторила ушастая совка-сплюшка: «Сило... сило...» Деловито шырали под деревьями ежи, охотясь за мышами. Изредка они выкатывались колючими шарами в полосы лунного света. Летучие мыши бесшумно чертили в воздухе молниеносные зигзаги.

Доехав до Маргелана, я переночевал в чайхане и рано утром двинулся дальше. Всюду на полях обрубали ветви тувовника, растущего вдоль арычков. По всей долине началось кормление шелковиных червей. Червя кормят день и ночь. Вот старик в синем халате срезает ветви. Три мальчика укладывают их на арбу.

— Осторожнее! Листья не мните! — покрикует старик.

— Хорманглар — не уставать вам, ата! — приветствую я его по-узбекски, придерживая лошадь. — Ну как, много нынче шелкопряда?

— Все кишляки заполнены. Шелкопряд людей выжил из кибок! — весело ответил старик, и из-под ножа его посыпались зелёные ветви.

— Отстаёте! Нужно червоводню строить.

— Правильно, уртак, правильно, — согласился старик. — Этой зимой будем строить В колхозном плане есть червоводня.

Этот разговор напомнил мне Наркузу Азизова. Я познакомился с этим знаменитым шелководом, Героем Социалистического Труда, в одной чайхане во время своих разъездов. Он занимается ускоренным выкармливанием шелкопряда, выкармливает его не за 35 дней, а за 22—24 дня и получает с коробки грены (яиц шелкопряда) не 40—45 килограммов коконов, как все, а 100—115. Вспомнив Наркузу, я вспомнил и его приглашение. Путь лежал мимо колхоза, где живёт Наркуза, и я решил заехать.

Длинное, чисто побелённое здание червоводни с зарешеченными окнами сверкало на солнце, как

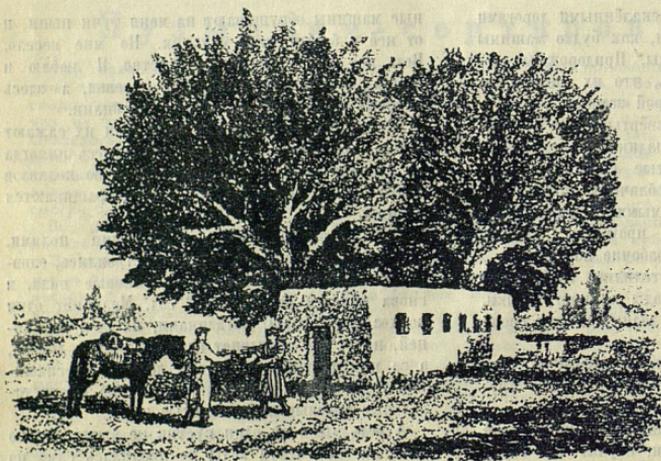
выточенное из сахара. Из червоводни вышел низкий, коренастый мужчина в полосатом халате. Это был Наркуза. На его озабоченном лице вспыхнула улыбка. Я соскочил с коня.

— Здравствуйте, Наркуза-ака! Заехал посмотреть ваших червей.

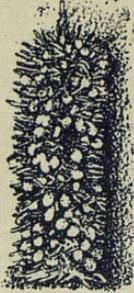
— Якши, хорошо! Рад!

Со скрипом подкатила арба, гнущая пышной горой сочных ветвей. Из червоводни выбежали две девушки и, с любопытством поглядывая на меня, начали разгрузку.

— Лист пыльный, перетрелся на солнце. Обмойте в хаузе и подсушите, — приказал Наркуза.

Из червоводни вышел знаменитый шелковод Наркуза Азизов.

Коконник.

Девушки принялись за работу.

— Зимой построили! — с гордостью показал Наркуза на червоводню. — Раньше, бывало, каждый возился один у себя в клетке. Самому плохо, а червь ещё хуже. Тёмные были, не понимали.

Мы переступили через высокий порог с деревянным козырьком, обращённым наружу.

— Для чего это?

— А это мы придумали, чтобы личинки не могли забраться. Они гусеницы пожирают.

Двери и окна были завешаны марлей от мух и ос. У порога лежала большая тряпка, смоченная в растворе формалина. Об ней мы вытерли ноги, чтобы на подошвах не внести каких-нибудь микробов.

— Шелкопряд нежный, чуть не доглядишь — заболает, — объяснил Наркуза.

Сухое, чистое и светлое помещение червоводни было занято тремя ярусами длинных полок. Сплетённые из камыша и тонких веток, они сверху покрыты бумагой. Шелководы называют их «сукчаками». На сукчаках стояло несколько десятков палок, обвязанных рисовой соломой. Они были похожи на «ёжики», которыми чистят ламповые стёкла.

— Что это?

— Коконники. Видите? Шелкопряды уже завивают на них коконы.

Я увидел несколько коконов, висевших, как ягоды, в развилках соломинок. У стен стояли три печи. Топки их выходили на улицу, чтобы дым не шёл в червоводню. На столбике висел термометр. Чуть пахло дезинфекцией. Я взглянул на нижний сукчак. Он был завален ветвями тутовника, а на ветвях кишели жирные белые черви, больше, как папиросы.

— Видите, какие здоровые? — восхищённо спросил Наркуза. — Шёлка будет много. День и ночь нежим шелкопряды. — Шелковод склонился над гусеницами.

— Ханифа! Дола-хон! — крикнул он. — Тащите ветви!

— Хоп, несём, ата!

Девушки принесли по охалке веток и осторожно разложили их на сукчаках. Наркуза внимательно осмотрел густую листву, потрогал её рукой.

— Вы много получаете коконов, — заговорил я. — Как это вам удаётся?

Наркуза лукаво усмехнулся.

— Главное — наука, а я только выполняю, что она велит.

— Ну, а всё-таки, в чём секрет?

— Секрет? Гм... — кашлянул он с той же лукавой усмешкой. — Секрет один: создавать червь нужные условия. Какую ему температуру надо — узнай, сколько свету дать — узнай, какой лист нужен — узнай. Четвёртый воздух — дай. И днём не спускаю глаз с червей и ночью слежу. Есть у меня свой небольшой секрет. На сукчак бросают ветви, как придётся, а я заметил: листья на верхушке побега питательней. Гусеницы, которым достаются верхушки, развиваются быстрее. Я стал верхушки распределять между всеми поровну. Ветви кладу крест-накрест, и все гусеницы развиваются одинаково. Таких маленьких секретов сотни. Лист заготавливаю вечером или рано утром. Холодный давать нельзя и нагретый солнцем нельзя. Запылённый лист промой, мокрый — просуши. Только смотри, чтобы не пересушить.

Разговаривая со мной, Наркуза приподнимал подстилку, проверяя, чисто ли, сухо ли.

— С наукой можем любой план выполнить. Раньше отец на базаре покупал грену. Из других стран её привозили. Часто грена больная была, убыток приносила. Теперь завод проверяет всю грену. Инкубаторий в колхозе есть. Чисто в нём, как в больнице. А раньше, знаете, где у деда инкубаторий был? — Наркуза лукаво глянул на меня. — Подмышкой, бывало, грену носил и согревал своим теплом... Шелкопряд — волшебный ткач, — продолжал Наркуза. — Он весь наполнен жидким шёлком.

Несколько червей ничего не ели и беспечно ползли вверх по коконникам.

— Место ищут кокон завивать.

Наркуза посадил гусениц в развилки соломенного «ёжика».

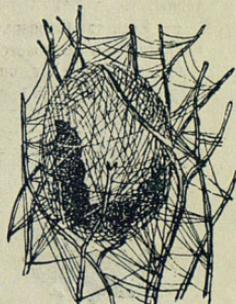
Коконники были усыпаны червями и уже полусувитыми коконами.

Мы наблюдали, как жирный шелкопряд вил редкую паутину между развилками соломинок.

— А сколько дней червь заплетает себя в кокон?

— Пять дней трудится. Потом превращается в куколку.

В червоводне сладковато пахло вянущим листом и стоял шумок — это черви принялись за еду. Листья вздрагивали,

Шелкопряд начал завивать кокон.

На ветвях тутовника сидели жирные белые черви.

словно их шевелил ветерок. Наркуза внимательно наблюдал за тем, что происходило на сукчаках.

— Сто килограммов нынче дадим с коробки, — уверенно сказал он мне, прощаясь.

* * *

После этого я побывал на гребажном заводе. Завод помещался в нескольких больших одноэтажных зданиях, огороженных высоким дувалом¹.

Работа здесь была в полном разгаре. Одни рабочие тащили корзины с коконами, другие — вороха каких-то бумажных мешочков, третьи работали в комнатах, похожих на лаборатории.

Я заглянул в корзину, полную чистейших нежнокремовых коконов.

— Это нам колхозы сдали для вывода грену, — сказала Валентина Григорьевна, инструктор-шелковод.

Между двумя сетками, куда рабочие высыпаят коконы из корзины, выводится бабочки. Я увидел, как в дырочки сетки вылезло несколько белых мохнатых бабочек. Они ещё не умели летать, дежурная девушка в белом халате сразу поймала их.

— Вот что получилось из червя, — улыбнулась Валентина Григорьевна, — в коконе произошло это таинственное, чудесное превращение.

Валентина Григорьевна повела меня в лабораторию.

— Есть такой сверхчувствительный аппарат, на котором взвешивается каждый кокон, — продолжала она. — Вот он. По весу мы заранее определяем пол бабочки. Самка всегда тяжелее. Мы разделяем коконы.

Около девушек в белых халатах стояли корзины с белыми, нежнокремовыми и совсем жёлтыми коконами. Девушки клали коконы на чашечки аппаратов и взвешивали, а потом откладывали бу-

Бабочка, откладывающая яйца.

¹ Дувал — высокий глиняный забор.

дущих самок в одну груду, а самцов — в другую.

— Мы спариваем самок и самцов разных пород. Гибриды более жизнестойчивы. Потом сажаем самок в мешочки из пергамента с дырочками для воздуха, и каждая откладывает от трёхсот до восьмисот яиц. Это и есть грена.

— А потом?

— А потом бабочка засыхает в мешочке. Каждую мы растираем в порошок и исследуем под микроскопом, чтобы установить, здорова ли грена. Если обнаружим, что бабочка была пёриной, яйца её уничтожаем. Видите, какая кропотливая наша работа? На заводах Узбекистана сейчас ежегодно исследуются миллионы бабочек. Зато наши колхозы получают замечательную, здоровую грену. А ведь её надо очень много — Ферганская долина даёт огромное количество натурального шёлка.

* * *

Маргелан — старый город: ему несколько сот лет. Но уже в наше время здесь построен самый крупный в нашей стране шёлкокомбинат.

Шёлк — основное в жизни этого города. Шёлк вошёл даже в пейзаж Маргелана. Мотки шёлковой пряжи, выкрашенные в радужные цвета, сушатся прямо на улицах. Их деңпаят за ветки тополя в конце одного квартала и тянут до другого конца квартала. Метки дугами провисают между тополями.

Вот шёлкоткацкая фабрика комбината. Просторное помещение. На длинных столах стоят чашки с горячей водой. Между ними лежат металлические трубки с вертящимися коконоудовителями, из которых тянутся, словно паутинки, шёлковые нити. Над чашками стоят клубы пара. Жарко.

Мастер подвёл меня к пожилой узбечке. Она быстро взяла из мешка пригоршню белоснежных коконов и бросила их в чашу с горячей водой. Кокон поплыл, как пробка. Работница мешала коконы, распаривала их. Потом она поддела их черпаком, плюхнула в другую чашу, тоже с горячей водой, и накрыла круглой во всю чашу щёткой. Щётка начала вертеться.

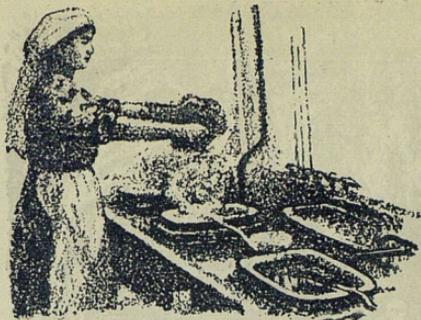
— Это она шёлковую нить с коконов сдёрживает, — объяснил мастер.

Работница сняла щётку, схватила в горсть отставшие нити и, встряхнув, потянула их вверх. Кокон повисел на паутинках и закружился.

— Порвётся! — испугался я.

— Шёлковая нить самая крепкая, — успокоил меня мастер.

Занарица ловко подхватила коконы черпаком, перенесла их на другую сторону стола —

Работница бросала коконы в чашу с горячей водой.

к мотальнице, стоявшей напротив, — и вывалила распаренные коконы в корытце с холодной водой.

Мотальница подхватывала концы паутинки и мгновенно, неудовимо лёгким движением цепляла их за вертящиеся над корытцем коконоуловители. Паутинки быстро начинали ползти вверх, наматываясь там на крутящиеся волёмотовила. По всему цеху тянулись эти паутинки, и не было им конца. С каждого маленького кокона наматывается около тысячи метров шёлковой паутины.

После шёлкомотальной фабрики я заглянул на крутильную фабрику.

Начальник цеха познакомил меня с инженером-технологом Любовью Михайловной.

— Вот что мы получаем из шёлкомотальной фабрики, — Любовь Михайловна подала большой моток жестковатого шёлка-сырца. — А чтобы шёлк-сырец стал мягким и эластичным, его замачивают в особом растворе.

Она подвела меня к большой медной чаше с завёрнутыми внутрь краями. Работницы в серых халатах складывали по бокам чаши мокрые кисти шёлка-сырца, обработанного кислотой. Любовь Михайловна включила рубильник, чаша на-

чала вращаться, да так быстро, что у женщин подолы платьев затрепыхались на ветру.

— Здесь действует центробежная сила, она прижимает мокрые мотки к стенкам и отжимает влагу.

После отжима влаги мотки развешивают в сушильных камерах, из которых пышет зноем.

И вот наконец я держу в руках мягкий, нежный, сияющий белозной моток.

Шаг за шагом я следовал за шёлковой нитью. Дальше шёлк-сырец попал на мотальную машину. Кругом вертелись мотовила с намотанным на них шёлком. Шёлковая паутина перематывалась с мотовила на маленькие катушки, и, пока она быстро-быстро неслась снизу вверх, с мотовила на катушку, две суконные лопаточки очищали её от пылинок и шероховатостей.

Наконец эту паутину, созданную волшебным шёлкопрядом и обработанную человеком, скручивают в одну нить на крутильной машине. Каждая нить делается из пяти паутинки. Весело шумит, постукивает машина и крутит, крутит драгоценную сверкающую нить. Натянутая, как струна, мчится нить вверх, обвивается вокруг катушки, и катушка всё толстеет, толстеет.

Нить уходит на ткацкую фабрику. Эта фабрика самая шумная. Лязгают станки, как сумасшедшие, носятся челноки из стороны в сторону. И вот из станков выползает нежнейшая и тончайшая ткань. Совершив путешествие на красильную фабрику, она оттуда уже выходит яркой и яркой — крепдешином, шёлковым полотном, атласом.

Выйдя из ворот комбината, я остановился под большим клёном. Мимо прошла девушка в платье из лёгкой серебристо-серой ткани, по которой в чудесных сочетаниях были густо рассыпаны алые, белые, синие, золотистые цветы.

Я смотрел на платье так, как никогда ещё не смотрел. Это был конец повести о шёлковой нити, повести, начало которой я узнал у Наркузы.

К Р О В Ъ З Е М Л И

Наступил вечер. Под шатрами густых деревьев было непроглядно темно и душно, как в печи. Клубился крепкий одуряющий запах: цвела акация, ирисы и розы. Деревья как бы оцепенели. Далеко за горами огромные молнии яростно полосовали чёрное небо.

Я пришёл в чайхану, надеясь найти здесь попутную машину. Мне нужно было попасть в колхозы Вуадильского района, чтобы обследовать там сады.

Чайхана стояла на берегу бурного, холодного

рая¹, среди огромных тополей. Стены просторного помещения были увешаны лозунгами и плакатами, среди которых я увидел портреты Пушкина и Навои. Широкие дощатые помосты были застланы коврами и паласами. В углу стояла печь, в ней весело трещал огонь и бушевал кипяток в баках, вмазанных в печь. В глубоким шара светился привлекливый чайханщик с лукавыми светлокярими глазами. Народу было много.

¹ Саи — речка.

Я расположился на одном из помостов, переброшенных через сай.

Узбеки сидели на помостах, поджав ноги калачиком, и пили кок-чай¹. Перед ними на подносах лежали лепёшки и сухой урюк.

У чайханы под тополями тоже стояли помосты. Я расположился на одном из них — для прохлады он был перекинут прямо через сай.

Я опустил ноги в холодную воду. Над моей головой свешивались освещённые электрическим светом серебристые космы плакучих ив. На них висели выдолбленные тыквы, в которых под сетками прыгали и громко кричали любимые птицы узбеков — перепёлки.

Вдруг я услышал знакомый приятный басок. Оглянувшись, я увидел старика в широком парусиновом костюме, немного сутулого, с отвислыми, как у моржа, усами. Это был Вячеслав Витальевич, известный по всей Ферганской долине ирригатор.

Мы разговорились о его работе. Глядя куда-то во тьму, он говорил глуховатым баском:

— Воду можно любить не только так, как её любят моряки. Можно влюбиться и не в море, а в простой арык. Что такое моя жизнь? — Старик погладил прокуренные усы и улыбнулся. — Она в струйке воды на раскалённой земле, в зазеленевшей ветке возле неё. Я, брат, при-

визался к этой резвой струйке. Булькает она в арыке, плещется, вьётся, как золотая змейка. Маленькая, а несёт большую жизнь.

Вячеслав Витальевич с аппетитом допил чай и бросил монетки в пиналу.

— Ну, так вы можете всю ночь прождать машину. Вот что я могу вам предложить, товарищ садовод: через час в Вуадиль идёт машина из водхоза. Пойдёмте-ка, я вас устрою.

Когда мы выходили из чайханы, узбеки с почтением кланялись Вячеславу Витальевичу, приложив руку к сердцу. Повелитель вод! Его все знали.

Молнии, беззвучные и ослепительные, почти беспрерывно полосовали мрак над горами.

— Силь²! — тревожно сказал ирригатор. — Уже несколько часов в горах ливень...

В темноте мы услышали топот и тяжёлое дыхание. На нас едва не налетел какой-то узбек.

— Я к вам. Вода идёт с гор к Вуадилю. Наводнение будет...

Мы прибавили шаг, почти побежали к водхозу. Там уже стоял грузовик, полный людей. Его фары освещали стоящую впереди легковую машину. Слышались тревожные голоса и звя-

¹ Кок-чай — зелёный чай, особый сорт.

² Силь — мощный поток, низвергающийся с гор.

канье лопат и кетменей. Из ворот выскочили два высоких человека с фонарями в руках. Вячеслав Витальевич торопливо поговорил с ними, затем они сели в легковую машину и помчались. Я перевалился через борт, грузовик взревел и пошёл...

— Здесь вода сумасшедшая, — прогудел над мной могучий бас. — То мало её, то хлынет с гор. Если дать ей волю, то через два — три года она разрушит все дамбы, плотины, каналы, всю оросительную систему. Тут приходится бороться и за воду и с водой.

Ровно ревел мотор. Словно метеор, мчался грузовик, оглушая и ослепляя прохожих. Я представил себе, как несётся поток, как разваливаются в темноте глинобитные дома, валится подмытые деревья, гибнут поля хлопка, и мне вдруг показалось, что грузовик еле-еле ползёт.

Наконец машины с рёвом ворвались в крытые улочки кишлака и остановились на колхозной площади.

Аллея из молоденьких пирамидальных тополей вела к белому зданию правления колхоза. Нас ветренил председатель.

— Вода идёт, большая вода! — zvolнованно сказал он Вячеславу Витальевичу. — По телефону звонили — встречайте. Прорвало дамбу, канал пошёл на нас. Хлопок погибнет. Скорее решай!

Вячеслав Витальевич словно помолодел.

— Где люди? — спокойно спросил он.

— В поле. Делают вал.

— Правильно. Воду встретим здесь и повернём в сай. Товарищ Касымов, отдайте по телефону распоряжение всем ближним кишлакам идти чинить прорыв. Возглавьте это дело. А я приму меры здесь.

Вячеслав Витальевич и председатель колхоза сели в кабинку грузовика, я снова забрался в кузов, и машина помчалась в поле...

Множество людей работало в темноте, создавая загадочный вал. Звякали лопаты и кетменей, летела земля, рыхлая, хорошо обработанная. Под ногами валялся пышный хлопок. Часть поля погибла. Раздавались властные распоряжения Вячеслава Витальевича. Его железная воля и спокойствие подчинили себя всех.

Шофёр Василий Васильевич Ромашко притащил откуда-то охапку кетменей. Я схватил кетмень и встал в ряд с другими. Справа от меня работал какой-то колхозник. Он был без рубахи. На его бронзовом, могучем теле играли, ходили ходуном большие мускулы. Взмахнув кетменём, он вознал его в землю и яростным рыком швырял вверх огромные комья земли. Сразу было видно, что это знаменитый кетменщик.

Все работали быстро, руки и ноги дрожали от напряжения, глаза заливало потом. Когда уже заканчивали вал, в темноте послышался глухой шум. Все замерли.

— Вода! — прошептал богатырь-кетменщик. Все ясно услышали: бурлил поток. Вячеслав Михайлович дал команду встать всем вдоль насыпи. В темноте смутно бедела цепь колхозников с кетменями наготове. Рёв утихнул.

— Вода! Вода! — закричали вокруг.

Вода хлынула сплошным потоком шириной метров в пятьсот.

Были открыты все шлюзы каналов. Вбирал в себя воду, они ослабляли поток, но всё-таки он был грозен.

У моих ног хлопало, чавкало; бултыхались рыхлые комья земли. Вода прибывала. И вдруг я почувствовал, как ноги мои скользнули в kloчущую воду. Я выпустил кетмень и, отфыркиваясь, вынырнул из холодной грязно-глинистой воды, но снова меня закрутило, как сухой листок на ветру.

«Человек упал! Человек упал!» — пронеслось по цепи колхозников, и в следующий миг с насыпи протянулись ко мне десятки кетменей. Течение увлекло меня, и мне не сразу удалось схватиться за один из кетменей. Через несколько минут мокрый, облепленный глиной, я стоял среди дехкан, отжимая промокшую навсквозь одежду.

Расчёт Вячеслава Витальевича оказался правильным: поток, сметая всё на своём пути, катился вдоль высокой насыпи магистрального канала, а мы перегородили ему путь и направили в сай.

* * *

Недели через две после наводнения я поехал в колхозы, раскинувшие свои сады по берегам Большого Ферганского канала. Я подъехал к нему со стороны Маргелана. Грузовик замедил ход, и я прыгнул. Широкий канал уходил вдаль, ровный, как стрела. На его высоких берегах шумела аллея стройных пирамидальных тополей.

Выше по течению стояло белое здание, в котором жил работник водхоза. Недалеко от этого здания через канал был перекинут узкий мост, под ним находились ворота шлюза.

Скульптор воздвиг на концах моста две статуи: дехканин, отдыхающий с кетменём в руках, и девушка-узбечка. Они словно вот сейчас закончили работу и, отдыхая, гордо и мечтательно смотрят на дело своих рук — на полноводный канал.

Белье фигуры их ослепительно сияют под лучами полуденного солнца. На постаментах высечено по-узбекски и по-русски:

Множество людей работало в темноте, создавая заградительный вал.

«Воде почёт, воде у нас любовь,
Вода — страны батырской нашей кровь».

Из белого дома, в котором жил работник водхоза, вышел высокий старик в соломенной шляпе. Я обрадовался, узнав в нём ирригатора Вячеслава Витальевича. Мы встретились, как старые друзья, и уехали на берегу.

— Вот какое дело люди сделали, — проговорил Вячеслав Витальевич, задумчиво глядя на канал. — Представляет, целые кишлаки, колхозы, тысячи, сотни тысяч людей шли сюда с кетменями! А им на помощь шли тысячи машин, экскаваторов, армия учёных. Народная стройка! Знаете, ведь этот канал построен в сорок пять дней. Вы только вдумайтесь: в сорок пять дней проложить двести семьдесят километров канала! — Вячеслав Витальевич, обхватив руками колени, смотрел куда-то в небо, словно там перед его взором разворачивалась картина прошлого. — Ну, а когда пришло время пуска воды, сотни тысяч людей по всей трассе загремели: «Ура-а!» Дрогнул воздух, взревели огромные трубы-карнаи, грянули оркестры. Гул стоял по всей трассе. Медленно продвигалась вода, и путь ей, как родному, дорогому человеку, устилали яркими платками, цветами, тюрбетейками... Эта минута была самой радостной в моей жизни.

ни. Ради этой минуты стоило жить! — продолжал старик. — Канал оросил свыше миллиона гектаров. Студёные воды Нарына хлынули на сухие поля, и распустился хлопок, и зацвели сады.

Много рек и саев низвергаются с гор в долину. Человек покорил эти реки и командует ими. Он направляет воду в поля, в сады — туда, куда ему нужно. Он рассчитал её на кубометры и распределяет колхозам строго по плану.

До революции в кишлаках каждый год около арыков происходили драки, из-за воды убивали, шли на подкуп, на обман. Теперь воды хватает всем. Народ стал хозяйном буйных потоков.

Мы расстались после того, как выкупались в прохладных водах канала.

Уходя, Вячеслав Витальевич сказал мне:

— Неизвестно, когда встретимся ещё. Ведь я уезжаю осенью на строительство Туркменского канала. Писал в Москву — взяли. Многие мои товарищи уже там.

— Да, такое нельзя пропустить, — согласился я.

— У меня это будет вторая великая стройка, — улыбнулся ирригатор, — Ферганский и Туркменский. Мне везёт!

* * *

Прощавшись с Вячеславом Витальевичем, я поехал дальше. Мне жаль было расставаться с ним. Но такая уж моя работа: только познакомишься с хорошим человеком — и уже нужно уезжать.

В колхозе я обследовал сад. Закончил свою работу и вышел на хлопковое поле.

Неподалёку, на пустыре, работали два человека. Один из них рубил землю кетменём, а другой сидел на корточках и разминал её руками.

Пустырь был покрыт похожими на лишай пятнами соли. Я догадался, что это, наверно, мелиораторы приехали из города, и подошёл к ним.

— Здравствуйте! — приветствовал я незнакомец. — Что делаете?

— Лечим болную землю, — ответил тот, что сидел на корточках, и потом выяснил, что его звали Стогов. — Вернее, мы охотники. Охотимся за диким зверем.

— За каких?

— А вот за этим, — и Стогов указал на глубокую канаву, на дне которой струилась чёрная вода.

— Заур? — спросил я.

— Правильно, заур. Это западня. Сюда я загоняю горькую воду. Выясню, где есть в колхозной земле эта гадость, и копаю заур. Вода просачивается в него и уходит из земли.

Мне понравился этот весёлый и энергичный человек.

— Вода горькая, потому что в ней растворены минеральные соли. Прячется она под землёй, а не доглядишь — поднимется вверх, проступит на земле белыми лишаями соли, сожжёт все растения, превратит землю в пустыню. Ну, я эту воду по каналам-коллекторам гоною в саи. Раньше скверно было дехканину — солончаки одолевали. Половина Ферганской долины была отравлена горькой водой. Но вот пришли колхозы, а где колхозы, сами знаете, там и наука. Скоро всю долину вылечим...

Мы вошли в тень тутовника. Стогов прилёг и закурил старенькую, поцарапанную трубочку.

Много земли отвоёвали мелиораторы для колхозов.

За линией тутовника работал многоковшовый экскаватор, и Стогов повёл меня туда.

— Тяжело рыть заур, но эта машина делает чудеса.

Рыли заур в два метра глубиной. Могучая машина, лязгая гусеницами, медленно ползла по краю поля. Толстая цепь, извиваясь змеей, бежала вверх, крутя множество ковшей. Они, клаяца, по очереди уходили в траншею, вгрызались в землю, поднимали её вверх и опрокидывали комья внутрь машины. Там земля обрушивалась на ползущую широкую ленту, которая выбрасывала землю в сторону, и она крутым валом ложилась вдоль ровной траншеи.

За рулём экскаватора сидел юноша лет семнадцати.

— Красавица машина! — сказал Стогов, стараясь перекричать её грохот.

* * *

Стогов подвёз меня на своей «Победе» к следующему колхозу. Километра два я шёл пешком среди сочного, пышного хлопчатника. Поле было большеющее, как в России, его не делили на тесные квадраты линии тутовника и арыков. Сразу было видно, что это передовой колхоз.

На маленьких полях только с кетнемём да с ишаком можно работать. Здесь трактору, комбай-

ну или хлопкоуборочной машине тесно, нгде повернуться.

Новый колхоз, куда я пришёл, образовался из четырёх мелких колхозов. Весной вышли все колхозники в поле, выкопали тутовые деревья и пересаживали их вдоль дороги.

Пришла машина, сравнила все арыки, и получилось большеющее поле. Постоянный арык — рассадник сорняков, а в сорных травах живут всякие вредители. Арык занимает много места: около него пустует полоса земли шириною в два метра. Арык мешает работе машин. Поэтому колхозы уничтожают постоянные арыки на полях, заменяют их временными.

Проведут сев, а когда наступит время полива, особая машина — арыкокопатель — аккуратно выкапает небольшие арыки. Кончится полив — другая машина заровняет арыки, и они не будут мешать при уборке.

Я приехал как раз во время полива. Перегороженный арык вздулся и шумел. Два колхозника с большим искусством пускали воду по тысячам бороздок, которые тянулись вдоль ровных, как струна, рядов хлопчатника. Длинные-предлинные ленты воды разливали поле; поблёскивая в лёгких сумерках.

— Это вода из Ферганского канала? — спросил я.

— Из Ферганского, — ответил поливальщик.

Канал словно огромное дерево, только раскинулся не ввысь, а плашмя, по земле. Отводные каналы и арыки — это его ветви, а такие вот ручейки, бегущие по бороздкам, — мелкие веточки. Корешки пьют воду этих ручейков. Ферганский канал, как большая быстрая река. Думаешь: куда деть столько воды? И вот корешки выпивают всю воду канала. Она струится в миллиардах веточек и листочков... Бежит сай, бушует, а потом становится всё меньше, тише и наконец совсем исчезает. Поля разбирают воду.

— Каждому колхозу даётся норма, — сказал поливальщик, поглаживая длинные отвисшие усы. — Заберём положенное — пустим воду соседнему колхозу...

Н а с т о я щ е е д е л о

В. Дмитриева

У каждого человека есть недостатки. Бывают недостатки маленькие; над ними добродушно посмеиваются окружающие. А бывают и посерьёзнее; они мешают человеку жить, портят ему самому настроение и даже спорят с окружающими. Избавиться от них трудно, они вливаются в характер, как клещи, и отдирать их приходится с болью...

О том, как, даже в двенадцать лет, можно победить свои недостатки, рассказывает в повести «Огни на реке» писатель Николай Дубов.

Жил на свете ученик пятого класса «Б» одной из киевских школ пионер Костя Голованов. Он был весёлым и удачливым человеком: неплохо учился, хорошо плавал, не пропускал ни одного футбольного состязания и даже по походке, со спиной мог издать на улице звать любого футболиста киевского «Динамо».

Словом, Костя считал, что он знает и умеет столько, что можно этим и погордиться.

Дома Костя привык ни о чём не заботиться. Хотя костина мама, врач, была постоянно очень занята, он никогда не ощущал неудобств: обед и завтрак у него всегда были во-время, костюм всегда выглажен. И, несмотря на то, что ни он, ни тем более его маленькая сестра Лёлька маме не помогали, он никогда не задавал себе вопроса: а как это мама всё успевает?

И вот мама собралась в командировку — на строительство Каховского гидроузла. Костя обрадовался: он думал, что ни его, ни Лёльку мама не оставит одних и возьмёт с собой в увлекательное путешествие.

Но мама оставила Лёльку у соседки, а Костю отправила на месяц к своему брату, бакенщику на Днепре.

Так Костя в один прекрасный день очутился на берегу спокойной могучей реки,

ошеломлённый красотой её, ищущий и ожидающий романтики на каждом шагу.

Купаться, загорать, исследовать окрестные джунгли!..

Впрочем, где же она, эта романтика? Ни тебе опасных приключений, ни кораблекрушений, как выяснилось из разговора с дядей Ефимом.

— Ну, бывает же у вас что-нибудь интересное? — разочарованно спрашивает Костя и с недоверием выслушивает ответ: — А у нас всё интересное.

Вначале на Костю не производит никакого впечатления, что всё хозяйство в доме ведёт маленькая девочка Нюра, костина сестра и ровесница, что она совершенно по-взрослому ухаживает за отцом, что живут они с отцом, как товарищи. Даже дядина работа показалась Косте однообразной и неинтересной.

«Сегодня то же, что вчера, — думает он, — а завтра то же, что сегодня. Бакены эти самые. Объехал — зажёл, объехал — погасил. И что такое этот бакен? То ли дело маяки в море!»

Постепенно выясняется, что Костя, несмотря на обширный круг его знаний, — человек не очень полезный и его знания и интересы никак не применишь к настоящему житейскому делу. Он мечтает о подвиге, но не умеет чистить картошку, горячо берётся конопатить лодку, не ведая, что это совсем не похоже на работу маляра. Происходит это оттого, что Костя знал и умел только то, что доставляло удовольствие лично ему. В житейских же необходимых делах он привык полагаться на других.

Будучи человеком неглупым, он это понял и стал злиться. Но не на себя, а на других. Рассердился на своих новых приятелей — колхозных ребят Тимку, юного мичуринца, и Мишу, юного радиотехника. Обидно: ведь они и в городе не жили, а полезных вещей знают уйму.

Но надо же в чём-нибудь взять верх, и Костя вызвал Мишу: «Кто кого переныряет!» Нырял Костя здорово и Мишу победил. Но никакой зависти в глазах побеждённого не увидел. Миша горячо похвалил его и просто попросил научить так нырять.

Понял Костя, что не обижаться, а учиться у ребят надо, чтобы не чувствовать неловкости, видя, что все при деле, а он «так себя». Ведь человек-то он был жизнерадостный, общительный.

Стал он приглядываться и понемногу, увлекшись, научился и грести, и конопатить лодку, и ловить рыбу, и даже чистить картошку. А однажды вдруг понял, в чём его беда. Дело было так: пришёл он с Нюрой на тимкин участок, подошла к ним пионервожатая и спрашивает:

— Ты кто?

— Костя.

— Тоже юный мичуринец?

— Н-нет.

— А кто же? Юннат, юный техник?

— Нет. Я просто так...

И тут понял он, что нехорошо быть человеком «просто так», что необходимо иметь своё настоящее дело. Тогда и настоящую цену себе будешь знать и обижаться по пустякам не станешь. Тогда поймёшь, что превосходство твоё мнимое и знания твои сомнительны. Как же так: у мамы настоящее дело, у дяди Ефима тоже, у новых приятелей, даже у Нюры, дела, да ещё какие! Что и говорить, попробуй вести хозяйство!.. А Костя, выходит, человек «просто так»... Горько в этом признаваться самому себе в двенадцать лет. Но лучше понять это в двенадцать, чем спохватиться потом.

Нет! Костя не «просто так». Он хороший, добрый парень, только его забаловали, он привык не думать о других и принимал заботы о себе как должное, не думая, что другим не так уж приятно делать для него чёрную работу, что другие, может быть, тоже хотят пойти гулять и не идут, чтобы выстирать ему рубашку.

И вот случилось происшествие, которое было для Кости большим испытанием.

Нюра ушла к бабушке, дядя Ефим поплыл ставить фонари, Костя остался один. Ночью его разбудила и перепугала гроза. А когда дядя пришёл, Костя испугался ещё больше: у дяди была искалечена рука, — оказалось, её ушибло бревном на реке. Но надо было снова плыть через бушующий Днепр, ставить сорванный бурей фонарь. Скоро пройдёт пароход, и, если не будет фонаря, он может налететь на подводные камни. Костя видел, что дядя Ефим не справится с одной рукой в такую погоду, и настоял, чтобы дядя взял его с собой грёбцом.

Ярко описывается в повести, как ониплыли наперекор стихии, как они вдруг обнаружили, что сорван не только фонарь, но даже бакен, как они решили ждть парохода, держа фонарь в руках. Костя готов был плакать от страха и холода, но не подавал вида. Он удивился, что пароход прошёл, словно ничего не произошло, пассажиры спали, наверно, и не подозревали, какой опасности подвергались и они и люди, указывающие им путь. И он понял, что настоящее дело делается всегда просто, спокойно. Поэтому когда дядя сказал Косте, что он совершил подвиг, Костя даже не поверил.

Конечно, не каждый день человек совершает подвиг, и Косте очень хотелось похвастать перед приятелями. Но он ни слова не сказал, словно почувствовав, что человек, делающий настоящее дело, не болтает зря языком.

В конце повести Ч. Дубов написал:

«Лишь потом, позже, Костя поймёт, что прежде он делал только для себя, теперь же для других, а настоящую радость приносит человеку только такой труд, который нужен и полезен другим людям».

Нам остаётся добавить:

— Чем скорее это поймёшь, тем лучше!

Все вы, ребята, привезли, вероятно, в подарок своей школе много интересного. Советуем вам достать в библиотеке книги, которые помогут вам оформить собранные за лето материалы, сделать гербарии, коллекции, рассказы, как ухаживать за растениями и животными в комнатных условиях.

«Для родной школы». Сборник. Молодая гвардия. 1951 г.

Иванченко Н. «Как сделать аквариум и террариум». Детгиз. 1951 г.

Верзилин Н. «Как ухаживать за комнатными растениями». Детгиз. 1952 г.

Верзилин Н. «Как сделать гербарий». Детгиз. 1951 г.

Пионерский лагерь. Сборник. Молодая гвардия. 1952 г.

ПРАВДА ОБ АФРИКЕ

Е. Рубцова

На многие тысячи километров с севера на юг, с востока на запад протянулся Африканский континент, второй по величине на нашей планете, «Чёрный материк», земля горя, слёз и крови.

Огромное пространство его населяют народы и племена, некогда свободные и самостоятельные, а теперь стонущие под пятой колонизаторов.

Недавно вышла книга И. Валентинова «Рассказы об Африке». Её автор сам бывал в Африке, многое видел своими глазами, многое узнал от честных и справедливых людей, которых встречал в пути.

«Рассказы об Африке» раскрывают читателю тяжёлую судьбу негритянских племён, показывают, как жестоки и наглы империалисты-колонизаторы, когда сила на их стороне, как трусливо и коварно действуют они там, где встречаются отпор.

— ...Если вам этот участок подходит, — говорит бельгийский чиновник богатому американцу Элмсли, — мы дадим вам половину долины, начиная с крааля до самой реки...

— Почему половину? — возмущается Элмсли. — Мне нужна вся долина.

Америка мало беспокоит, что земля, которую он облюбовал, принадлежит племени батако, что по всей долине раскинулись поля, возделанные трудолюбивыми руками.

Даже видавший виды и привыкший не церемониться с «чёрными» чиновник смущён. Он нерешительно намекает, что незаконное изгнание негритянского племени с принадлежащей ему земли «грозит неприятностями».

— Я оплачу вам ваши личные неприятности, — отвечает американец.

Так решается судьба

сотен людей. Племя отнесяют на ядовитые болота, где свирепствует лихорадка, где муха це-це несёт людям смертоносную сонную болезнь. Племя вымирает, смерть косит юношей, женщин, детей, стариков...

Прочитав эту книгу, вы полюбите её героев, жителей Конго, Кении, Эфиопии — верных в дружбе, мужественных в беде, честных, простых людей.

Кассанда, смелый молодой охотник из племени батако, сражается за землю, которую хотят отнять белые. После изгнания из родного крааля он заботливо и нежно поддерживает старуху-мать в трудном пути. Попав на урановый рудник, гордый и смелый Кассанда не покоряется палке надсмотрщика. Здесь он впервые узнаёт о Сталине, о Советской стране. Вместе с товарищами Кассанда вступает в борьбу против поработителей...

У юноши Мваны Вамуке высокие понятия о справедливости, о чести, о благодарности, и он каждый раз удивляется, сталкиваясь с жестокостью, бесчестностью и лукавством своих белых хозяев.

«Если товарищ в беде, ему

надо помочь», — так думает Вамуке. Но вот на белого охотника напал лев, а второй белый убежал и залез на дерево.

«Кто хорошо поступает, тому награда и почёт», — так думает Вамуке. Безоружный, он подбирает винтовку, обронённую белым, и, убив льва, спасает его жертву. Юноше и в голову не приходит, что трус, сидящий на дереве, припишет подвиг себе и что его, Вамуке, жестоко накажут, как лжеца.

«Спасённый всегда благодарен своему спасителю», — думает Вамуке и просит заступничества у англичанина Гаррича, которого спас от льва. Но, не желая сориться с начальником, Гаррич предпочитает не выяснять истину и не вступаться за Вамуке.

«Рассказы об Африке» показывают, до какой степени озверения и жестокости дошли американские и европейские колонизаторы. Перед вами проходит галерея портретов: плантатор Гадсби, который ежедневно избивает негров для развлечения и тренировки в боксе... Тейлор, который, не колеблясь, посылает своего слугу Сомани за подстреленной чёрной пантерой, даже не проверив, действительно ли она убита или только ранена... Богач Мультион, который, жалея свежескошенную лодку, готов спокойно смотреть, как эфиоп погибнет в пасти крокодила. Всех этих белых «носителей культуры» едва ли можно назвать людьми. Это хищники, алчные, кровавые и жестокие.

Здесь, в Африке, хозяйничают те же убийцы, которые сбрасывают бактерии чумы и холеры на мирные города Китая и Кореи, которые ведут несправедливые, захватнические войны в Индонезии и Вьетнаме, истязают и убивают военнопленных на острове Кочжедо. Это те, кто изо всех сил старается раздуть пожар новой мировой войны.

Но честные люди на всём земном шаре ведут борьбу за мир, решив твёрдо обуздать поджигателей войны. И вместе со всем передовым человечеством в борьбу вступают народы Африки.

Из этой книги вы узнаете о том, как пропагандируются в них сознание своей силы, воля отстаивать свои права.

ЧУДЕСНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПИОНЕРА КОСТЫЛЬКОВА

Представьте, что это случилось с вами! Ну, скажем, как раз перед экзаменом по географии к вам в руки попал замшелый сосуд странной формы, вы сквырнули смолу на горлышке, и тут... Тут с вами случилось всё то, что произошло в один незабываемый день с учеником 6-го класса «Б» 245-й мужской средней школы Волькой Костыльковым.

А с Волькой случилось вот что... Едва ракрошилась зеленая печать, из бутылки вырвались клубы едкого дыма, и Вольку подбросило прямо к потолку. Когда же дым рассеялся, оказалось, что Волька не один: в комнате стоял тощий, смуглый, долговордый старик в восточном одеянии.

— Я джин Гассан Абдурахман ибн Хоттаб, или, по-вашему, Гассан Абдурахман Хоттабич,— сказал старик, прикладывая руку к сердцу и чихая.— Тысячелетия я томился в сырости, в холодном сосуде... откуда ты, о благороднейший спаситель мой,— апчхи, апчхи! — извлёк меня... Повелевай мной, о юный господин!..

Так в полном распоряжении Вольки оказался могущественный дух из восточной сказки — Гассан Абдурахман ибн Хоттаб, или попросту старик Хоттабыч.

Представьте себе, что это случилось с вами, да ещё накануне трудного экзамена... Хватило бы у вас стойкости отказаться от любезного предложения старика помочь вам? Устояли бы вы?

Волька не устоял. Вдвоём с переодевшимся в современный костюм Хоттабычем они пришли в школу. Запыхавшийся Волька влетел в класс.

Вольке достался билет об Индии. Про Индию Волька знал очень много и приготовился отвечать с блеском. Но едва он раскрыл рот, как с ужасом почувствовал, что язык помимо его воли несёт страшную чепуху.

— Индия, о высокочтимый мой учитель,— говорил Волька, и сердце его ныло от отчаяния,— находится почти на самом краю земного диска... С Севера и Запада Индия граничит со страной, где проживают плешивые люди. Мужчины, и женщины, и взрослые, и дети — все плешивы в этой стране, и питаются эти удивительные люди сырой рыбой и древесными шишками...

Короче, Волька послушно повторял всё, что подкаказывал ему

старый джин, отставший от современной науки, по крайней мере, на три с половиной тысячелетия. В конце концов Вольку оочли большим и отравили домой, отсрочив экзамен.

Увы, это было только началом! Рвение каверного старика не угасало. Немало огорчений переиё Волька, исправляя последствия «услуг» Хоттабыча.

А они сыпались, как из рога изобилия. Один за другим вырастали раззолоченные, но не пригодные для жилья дворцы с листьями надписями, которые было стыдно читать, со слугами, раболепство и привиженность которых приводили Вольку в отчаяние. Ретивый джин сыпал своего обожаемого «Вольку ибн Алёшу» золотом и драгоценностями.

— Купи своему отцу завод,— советовал он, решительно отказываясь понять, что волькин отец, как все советские люди,— и так хозяин у себя на заводе...

Вообще Хоттабычу не везло: Вольке совсем не нравились его дары. В одном только месте старому джину удалось блеснуть своими дарованиями — в цирке.

Да и тут он, можно сказать, «переборщил». Удивив публику необыкновенными фокусами, эа кончил тем, что сорвал зрителей с мест и выкинул из цирка. Впрочем, в тот день Хоттабычу можно было многое простить: он простудился, съез сразу сорок три штуки эскимо...

Много ещё забавных и удивительных историй описано в книге Л. Лагина «Старик Хоттабыч». Читая эту повесть, вы от души посмеётесь и, должно быть, под конец даже полюбите бесподобного, но доброго Хоттабыча, который со временем всё же становится умней. Отбросив повадки «джина-профессионала», он всёрёз увлекается радиотехникой и даже проходит курс средней школы...

На том и кончается эта весёлая книга, где выдуманно всё, кроме одного. В ней правдиво показано, в чём для нас счастье. Ведь мы понимаем его не так, как понимали счастье во все века охотники до чужого труда, до чужой земли... Кому из нас нужны золото и драгоценности, купленные ценой человеческой крови и унижений? И, оказавшись вы на месте Вольки, вы бы также променяли все глупые дары Хоттабыча на радость знания, весёлого труда и тёплой, человеческой дружбы.

Ю. Новикова

В сборник «Слово о мире», выпущенный недавно Государственным издательством детской литературы, вошли произведения самых различных поэтов и писателей. Рядом с вдохновенными стихами наших поэтов — Алексея Суркова, Михаила Исаковского, Александра Твар-

довского — вы прочтёте здесь страстные строки борца с испанским фашизмом Сесара М. Арконада; рядом со стихами аварца Расула Гамзатова помещены стихи негритянского поэта Рене Депетра; вслед за произведением армянского поэта Ашота Граши напечатан отрывок из поэмы польского патриота Владислава Броневского.

Эти люди живут в разных концах земли, но их роднит общая любовь и общая ненависть. Они любят жизнь, творчество, труд и ненавидят тех, кто угрожает миру, ненавидят поджигателей войны. В их рядах такие закалённые борцы за мир, как турецкий поэт Назым Хикмет, томившийся десять лет в заключении, греческий поэт Менелас Лудемис, заточённый вместе с другими греческими патриотами на острове Макронисос, чилийский поэт Пабло Неруда, объявленный реакционными чилийскими властями вне закона... Стихи этих поэтов вы также увидите в этом сборнике. В нём вы прочтёте и отрывок из замечательной книги «Слово перед казнью», книги, которую написал в тюрьме национальный герой Чехословакии писатель-коммунист Юлиус Фучик.

Поэты и писатели говорят от лица всех простых и честных людей земли: китайского рабочего, яванского повстанца, французского шахтёра, батрака-итальянца, негра из Алабамы, вьетнамского партизана...

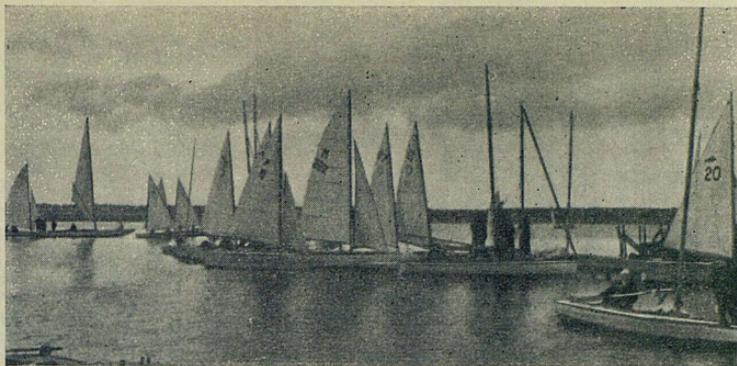
В стихотворении молодого корейского поэта Тю Сон Вона «Руки прочь от Кореи!» мы слышим голоса тридцати миллионов защитников Кореи:

...Тридцать миллионов нас,
шестьдесят миллионов рук,
шестьдесят миллионов глаз.
Но на преданность родине
нас помножь,
на единство воли
нас помножь,
на веру в победу
нас помножь,
на доблесть и храбрость
нас помножь,
на правое дело
нас помножь,
на тысячелетнюю мудрость
помножь, —
и ты нашу силу поймёшь.

Герои борьбы против фашизма, герои борьбы за мир дороги всему передовому человечеству. Их имена чтят простые и честные люди всех материков земли.

И не случайно то, что о подвиге французки Раймонды Дьен пишет латышский поэт Мирдза Кемпе, что русский поэт Николай Тихонов обращается в стихах к чилийцу Пабло Неруде, а турецкий поэт Назым Хикмет посвящает задумчивейшие из своих стихов нашей славной партизанке Зое Космодемьянской. Эта книга говорит о великом единении и братстве честных людей, мужественно отстаивающих мир.

Читая этот сборник, ощущаешь подъём, какой испытываешь, проходя вместе с праздничной демонстрацией по Красной площади... Звучит музыка, плывут знамена, и сердце переполняется торжественным чувством... Да, мир не может не победить! Он победит потому, что его защищают лучшие люди земли, потому, что светят им алые звёзды Кремля, потому, что вдохновляет их, ведёт вперёд всепобеждающее имя Сталина, имя-знамя!

Парусная флотилия на Клязьминском водохранилище.

ХОЗЯЕВА «ЕРШЕЙ»

В. Викторов

Фото Т. Мят

Изящные маленькие яхты с силуэтом ерша на парусе плавно скользят по глади Клязьминского водохранилища. Вот они устремились вперёд, вот довка развернулись и, получив с берега команду

флажками, пошли к бону. Когда команда сошла на берег, оказалось, что рулевые и матросы на «Ершах» — ребята. Это ученики парусного отделения спортивной школы «Крылья Советов».

Заглянем в школу «Крылья Советов», где старшим тренером работает известный яхтсмен Дмитрий Леонидович Зворыкин. Круглый год там кипит напряжённая работа. Прежде чем выйти в плавание, ребята должны многое узнать и многому научиться. Сложно устроены парусные суда. Новичок запутается здесь в многочисленных снастях. Нужно чётко знать, как ставятся паруса, как управлять ими с помощью шкотов.

И ребята учатся. Зимой они изучают теорию парусного спорта, «материальную часть» — оснастку яхт, устройство парусов; правила плавания по рекам и морям; semaфорную азбуку — сигнализацию флажками. Ребята много занимаются такелажными работами. Работа со стальными и растительными тросами, с помощью которых оснащается судно, и называется такелажной работой. Плох тот матрос, который не умеет быстро и надёжно соединять концы. Первая задача для молодого матроса — научиться быстро вязать узлы, делать петли, правильно распускать бухты тросов.

Ранней весной ребята выходят к своим судам. Вместе с Дмитрием Леонидовичем Зворыкиным и его первым помощником тренером Владимиром Ивановичем Рыжковым ребята готовят яхты к

Начались судовые работы. Ребята готовят «Ерши» к спуску на воду.

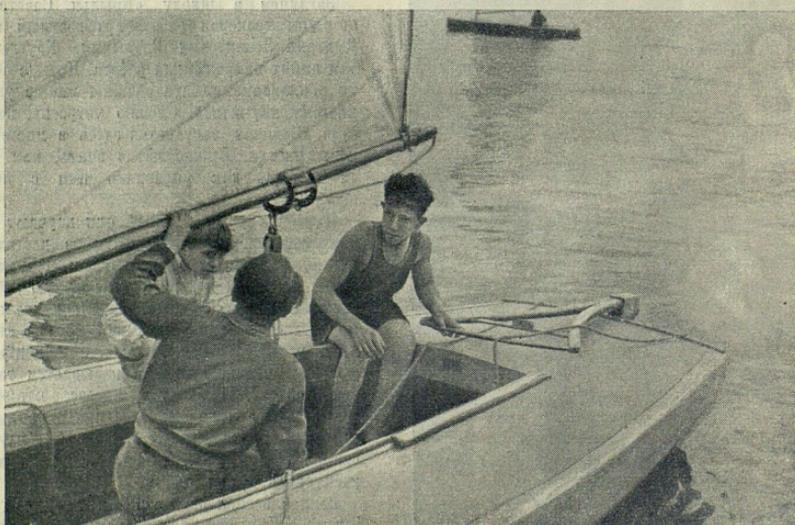

Занятия по такелажному делу. Владимир Иванович Рыков учит ребят вязать морские узлы.

спуску на воду. Они скребут корпуса яхт, очищая от старой краски, шпаклюют их, красят заново, шлифуют подводную часть яхты, чтобы она легко скользила. Проверяют паруса, просматривают каждую снасть, каждый болтик.

И когда яхты готовы к спуску, ребята бережно, на руках, вносят их в воду, навешивают рули, устанавливают мачты и поднимают, наконец, на своих «Ершах» паруса.

На «Ершах» — маленьких судёнышках, где

Носички плавают ещё пока матросами, но под руководством В. И. Рыкова овладевают искусством управления яхтой.

вся команда состоит из рулевого и матроса, — ребятам предстоит плавать не один год. Только когда они станут опытными яхтсменами, получат спортивный разряд, им доверят и более крупные суда, такие, как «Р-2», «Р-3», «Т» и «М».

Ребята, которые начали заниматься только в этом году, уже вышли в плавание. Лёша Грачев, Толя Заруцкий, Валя Шотанов стали матросами. Они поступили под начало рулевых — старших ребят, которые имеют право на управление яхтой. Рулевой на яхте — это капитан. От его искусства зависит успех плавания.

Посмотришь со стороны: точно птица, летит белокрылое судёнышко, ветер надувает его паруса, и кажется, нет ничего легче, чем плыть вот так под парусом. Но управлению яхтой требует большой сноровки. Если ветер свежий, яхту может «положить»; парус черпнёт волну, беспомощно ляжет на воду. Если ветер слабый, яхта у неумелого рулевого будет еле двигаться. Заставить работать ветер, использовать каждое его дуновение, управлять рудём и парусом так, чтобы при всех капризах ветра яхта шла в нужном направлении и с наибольшей скоростью, — в этом и есть искусство рулевого.

Легче всего ходить в галфвинд, когда ветер дует под прямым углом к курсу судна. Тогда волна не мешает скорости. При бакштаге ветер дует в корму — слева и несколько сбоку. Тут можно добиться наибольшей скорости, но яхту вести трудней, она «рыскает» — отклоняется то вправо, то влево. Особенно трудно управлять яхтой при курсе бейдевинд, когда ветер дует в направлении, почти противоположном заданному курсу. Тут яхта должна лавировать, идти зигзагами, под острым углом к курсу. Да, чтобы вести яхту, требуется высокое искусство и опыт.

Клуб «Брызги Советов» славится юными рулевыми. Школьники Виктор Козлов, Роберт Пятегеймонов, Владимир Филиппов, Юрий Ганцеров стали чемпионами Москвы.

Пока в школах ещё шли занятия, ребята могли приезжать на водохранилище только по субботам. Они потчевали в яхтклубе. А рано утром в воскресенье Владимир Иванович Рыжов увозил в плавание маленькую флотилию «Ершей».

Когда экзамены в школах были сданы, многие ребята почти совсем перебрались в яхтклуб. Целый день они проводят на воде. Они загорели, руки их огрубели, плечи стали шире, походка уверенней. Тридцать шесть ребят уже получили права рулевых. Недавние новички, они занимают теперь командирское место — у руля.

Лучшие команды яхт получают право на дальний поход. Четыре «Ерша» под руководством Дмитрия Леонидовича ходили уже в Углич на Рыбинское море. И теперь все ребята мечтают о новых дальних походах.

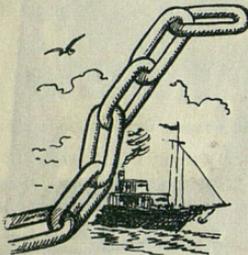
«Ерши» вышли в плавание.

Многие из юных яхтсменов хотят стать в будущем моряками. Для этого они и пришли в Д. Л. Зворыкину. И яхтклуб будет для них хорошей школой. Недаром на флоте говорят: «Кто под парусом не плавал — не моряк».

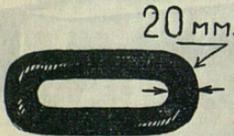
КОРАБЕЛЬНЫЕ ЦЕПИ

Для оснащения парохода потребовались две цепи длиной 13 и 9 метров. Звенья этих цепей нужно было сделать из

железного стержня толщиной 20 миллиметров.

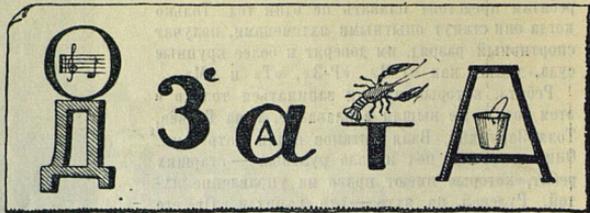
Завод по заказу пароходства изготовил такие цепи. Когда стали определять цену цепей, то за расчётную единицу была принята стоимость одного звена, равная пяти рублям.

Сколько должно было заплатить пароходство заводу за цепи, если в одной из них было на 50 звеньев больше, чем в другой?

РАВНЫЕ СУММЫ

Из всех нечётных цифр (1, 3, 5, 7, 9) и отдельно из всех чётных (2, 4, 6, 8) составить целые и дробные числа, которые при сложении дали бы две одинаковые суммы.

Прочтите здесь скороговорку.

ПЕСНИ, СТИХИ И БАСНИ

Предложите своим товарищам игру-составление. Победителем в ней выйдет тот, кто знает наизусть много песен, стихов и басен. Роль ведущего возьмите на себя.

«Сейчас я вам прочитаю одно за другим несколько слов, — говорите вы ребятам. — Как только услышите слово, постарайтесь припомнить строки песни, стихотворения или басни, где это слово вам встречалось. Кто припомнит, пусть поднимет руку и встанет и процитирует знакомые строки. Если слово из песни, можно при желании не декламировать, а петь. Это даже лучше.

Нельзя изменять форму слова, которое вы услышите. Если оно, например, сказано мною в именительном падеже единственного числа, — значит, в той же форме это слово должно повториться в цитате.

Строки, которые вы прочитаете, должны иметь законченный смысл: нельзя начинать фразу с середины.

Кто, услышав слово, первый правильно приведёт цитату, тот получит от меня жетон. Когда игра окончится, по числу набранных жетонов будет видно, кто из вас выйдет победителем.

Вы читаете одно за другим 20—25 слов, взятых из песен, стихотворений и басен, хорошо известных ребятам; на каждое слово кто-нибудь из участников игры отвечает цитатой. Например, если я скажу: голубушка, — он говорит:

«Голубушка, как хороша!

Ну что за шейка, что за глазки!

Рассказывать, так право, сказки!

Какие пёрушки! какой носок!

И, верно, ангельский быть должен голосок»

(И. А. Крылов. «Ворона и Лисица»).

Когда ребята освоятся с игрой, её можно провести в более сложной форме: на каждое слово надо ответить не одной, а тремя цитатами. За первую цитату ведущий выдаёт один жетон, за вторую — два и за третью — три. Цитаты могут быть сказаны тремя участниками игры, но и один игрок может привести подряд все три цитаты и получить сразу шесть жетонов.

При таком варианте игры ведущему надо подобрать 8—10 слов. Каждое из них должно встречаться, по крайней мере, в трёх широко известных произведениях. Например: «...ветер...»

«Ветер на море гуляет

И кораблик подгоняет;

Он бежит себе в волнах

На раздутых парусах»

(А. С. Пушкин. «Сказка о царе Салтане»).

«Не ветер бушует над бором,

Не с гор побежали ручьи,

Мороз-воевода дозором

Обходит владения своя»

(Н. А. Некрасов. «Мороз, Красный нос»).

«А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер,

Весёлый ветер, весёлый ветер!

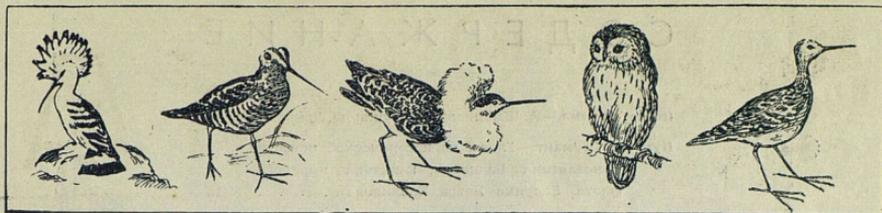
Моря и горы ты обшарил все на свете

И все на свете песенки слышал»

(В. Лебедев-Кумач. Песенка из кинофильма

«Дети капитана Гранта»).

НАЗОВИТЕ ПТИЦ

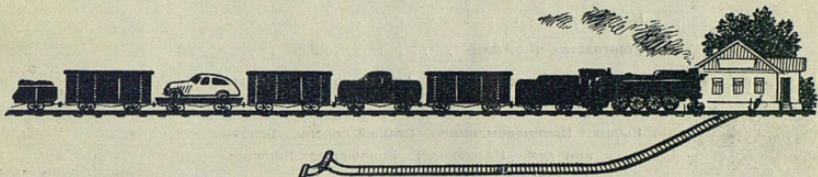

Птицы, которые здесь изображены, водятся в нашей стране. Сову вы, конечно, узнали сразу. Кроме неё, здесь показаны турухтан, самец и самка, удод и дупель. Удод нарисован с краю. Если бы сову поместить рядом с дупелем, то турухтан-самец оказался бы по соседству со своей самкой.

Как же называется каждая из птиц, изображённых на рисунке?

Путём правильных рассуждений вы можете решить эту задачу даже в том случае, если ни одна из нарисованных птиц, кроме совы, не знакома вам по внешнему виду.

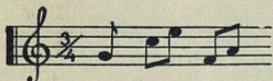
ПРОПУСТИТЕ СКОРЫЙ ПЕЗД

По однопутной железной дороге к станции подходит товарный поезд. Его нагоняет скорый пассажирский поезд, который надо пропустить вперёд.

Как это сделать, если на станции только одна свободная ветка-турик и такая короткая, что не может вместить целиком ни товарного, ни пассажирского состава?

ТРИ СЛОВА

Какие три слова можно написать этими нотами?

С ЧЕТЫРЕХ СОГЛАСНЫХ

Подберите девять слов (имён существительных), которые начинаются четырьмя согласными буквами.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 7

СКОЛЬКО СЛОВ

1. Колесо, оселок, кол, лес, осёл, село, око, сокол, лесок, сок — 10 слов.

2. Осадок, оса, док, коса, садок, сад, сак, ода, ад, око, ход — 11 слов.

ЗАБАВНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ

Волк — вол. Крыса — рысак. Омар — комар. Клещ — лец. Еж — уж. Осёл — орёл. Лягушка — лягу. Курица — курица.

ВПЕРЕМЕЖКУ

Первый ход: шашки со второго и третьего места передвинуть правее десятого места.

Второй ход: с восьмого и девятого на второе и третье.

Третий ход: с пятого и шестого на восьмое и девятое.

Четвёртый ход: шашку, занимающую десятое место, и ту, которая рядом с ней справа, передвинуть на места пятое и шестое.

Пятый ход: шашки с первого и второго места поставить на места, освободившиеся после четвёртого хода.

ОДИНАКОВЫЕ И РАЗНЫЕ

15	1	11
5	9	13
7	17	3

7	13	3
11	17	15
9	5	1

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
После шторма.— А. Шманкевич. Рисунки Ф. Лемкула	2
Путь на Грумант.— Главы из исторической повести Константина Бадигина, капитана морского флота. Рисунки Петра Павлинова	13
Народный певец.— О. Савич. Рисунки Г. Филипповского	32
На школьном участке.— В. Шатилов	35
Путешествие в будущее.— Николай Асанов. Рисунки Н. Кольчицкого	40
Салим и книжка, Хвост.— Куддус Мухаммади. Вольный перевод с узбекского С. Маршака. Рисунки В. Горяева	47
Казахские сказки	50
Наша почта	54
Стенгазета.— Я. Аким	58
Семь дождливых дней.— Н. Александрова. Рисунки А. Билль	59
Выдра. Цветок-обманщик. Старый олень. Белочкин дом.— Рассказы В. Коновалова. Рисунки А. Ливанова и В. Трофимова	63
Отовсюду и обо всём.— Г. Остроумов, С. Минаев, А. Морозов	74
Долина солнца и садов.— И. Лавров. Рисунки В. Цельмера	77
В мире книг	86
Хозяева «Ершей».— В. Викторов. Фото Т. Маят	91
В часы досуга	94

На обложке:
 рисунок С. Бойма «Дружная команда»

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орлов В. И., Печникова З. И., Прилежаева М. П., Смирнова В. В., Шмаринов Д. А., Щипачёв С. П.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

А 06001. Подп. к печ. 25/VI 1952 г. Форм. б. 82×110/16. Бум. листов 3,06. Печ. листов 10,05. Тираж 140 000 экз. Изд. № 587. Зак. 1853.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

ПИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ!

КОЛЛЕКЦИОНИРУЙТЕ СОВЕТСКИЕ МАРКИ НА ТЕМУ:

СССР — моучая индустриальная держава

МАРКИ ЭТИ ВЫ МОЖЕТЕ КУПИТЬ В МЕСТНЫХ МАГАЗИНАХ
КНИГОТОРГА.

№ пакета	Цена коллекции		
181. Послевоенный план восстановления народного хозяйства СССР.	5 марок.	—	60 к.
216. Восстановление и развитие народного хозяйства СССР.	5 марок.	1 р.	70 к.
217. Восстановление и развитие народного хозяйства СССР (окончание серии).	6 марок.	1 р.	75 к.
186. Восстановление Днепрогэса.	2 марки.	—	65 к.
232. За выполнение послевоенной сталинской пятилетки в четыре года. За досрочное выполнение послевоенной сталинской пятилетки.	3 марки.	—	70 к.
243. Металлургия.	4 марки.	1 р.	25 к.
244. Тяжелое машиностроение.	3 марки.	—	65 к.
245. Добыча и переработка нефти.	2 марки.	—	90 к.
246. Добыча угля.	2 марки.	—	40 к.
247. Электрификация.	2 марки.	1 руб.	
240. Транспорт.	4 марки.	1 р.	20 к.
313. Восстановление Сталинграда.	4 марки.	1 руб.	
273. 100-летие завода «Красное Сормово».	2 марки.	—	75 к.
291. Производство транспортного машиностроения.	4 марки.	1 р.	10 к.
352. 25-летие Волховской ГЭС.	2 марки.	—	60 к.
343. Великие стройки коммунизма.	5 марок.	1 руб.	

МАРКИ — ПОЧТОУ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ (БЕЗ ЗАДАТКА)
высылают следующие магазины Книготоргов:

В МОСКВЕ: Магазин № 63 Москниготорга, Кузнецкий мост, 20
В ЛЕНИНГРАДЕ: Магазин № 44 Ленниготорга, Невский проспект, 78.
В СВЕРДЛОВСКЕ: Магазин Свердниготорга «Ноты», ул. Ленина, 22-а.
В НОВОСИБИРСКЕ: Магазин № 1 Облсниготорга, Красный проспект, 21.
Во ЛЬВОВЕ: Магазин № 7 Облсниготорга, Академическая, 3.
Оплата заказов и расходов по пересылке производится на почте при получении заказа.

Филателистическая контора
Росполиграфиздата

Рисунок
О. Зотова

Вот мечта иных ребят:
В ряд автобусы стоят,
Но зато идёт с утра
Напряжённая игра.
От зари и до зари
С мест не сходят вратари.

Ни проехать, ни пройти:
«Зафутболены» пути.
Спортплощадок, что ли, нет!..
Эй, ребята, наш совет:
Забивая голы, вы
Не теряйте головы!..

Стихи
Ю. Новиковой